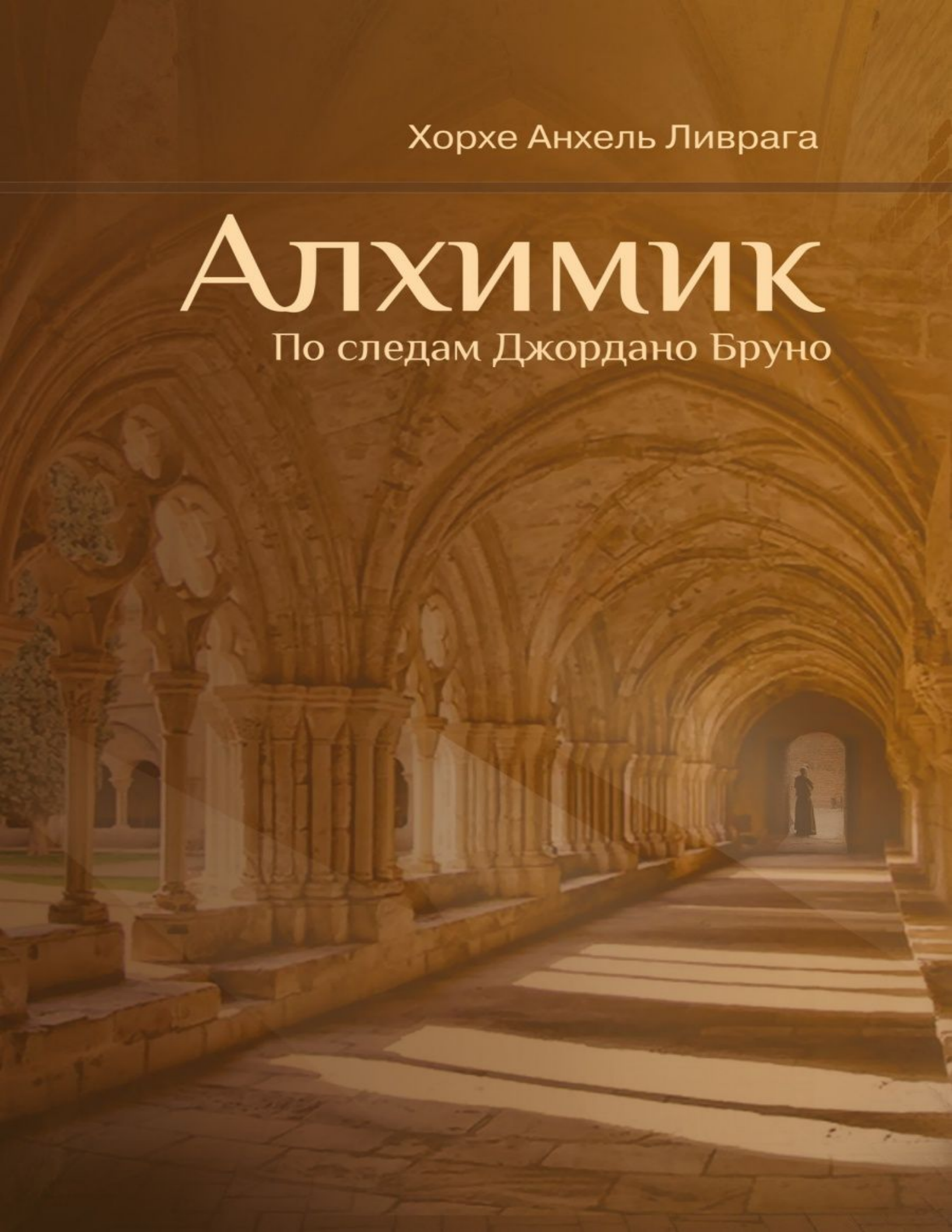

Хорхе Анхель Ливрага

АЛХИМИК

По следам Джордано Бруно

Хорхе Анхель Ливрага

**Алхимик. По следам Джордано
Бруно**

Глава I. Разговор призраков

В Европе до сих пор есть уголки, которые никогда не слышали грохота бомб и гула военных машин, но души их обитателей, будучи субстанцией более чувствительной, все равно знают, что такое страх. На тонком плане человека нет частей, которые им не поражены.

Сценой для этого эпизода мог бы стать любой город в любом государстве... Вот, скажем, это место рядом с французско-испанской границей.

— Отец, а где сегодня пройдет мой урок латыни? У поворота дороги?

— Если я не слишком устану в пути, мы дойдем до одной древней церкви, уже несколько лет заброшенной. Хочешь ее увидеть?

— Думаю, что знаю ее, хотя у меня никогда не получалось подобраться ближе и внимательно ее осмотреть. Да, пойдём туда!

— Если мои ноги с тобой согласятся, через полчаса мы будем там.

Человеку, который произносил эти слова, было на вид лет шестьдесят пять. Он был высок, а благородная осанка и одежда, отличавшаяся элегантно́й простотой, выказывали в нем душу, отмеченную самым утонченным образованием и высокой культурой. В руке его была трость с набалдашником из рога, оставлявшая рядом со следами своего хозяина пунктирную линию.

Рядом с пожилым господином шел юноша чуть ниже ростом, одет он был так же просто и нес пару книг под мышкой. Его черные глаза всматривались в окружающий пейзаж, улавливая неброскую красоту, которая сохранялась потом в его душе, невозмутимой и древней, несмотря на тело двадцатилетнего юноши.

— Антонио, сынок, — прервал его наблюдения голос старика, — почему ты так спешишь? Если я буду следовать за тобой с той же скоростью, с какой бегут твои ноги, то не доберусь даже до дороги... А мне так хочется, чтобы ты занимался латынью рядом с этими руинами, которые на протяжении веков столько раз слышали божественный язык Вергилия!

— Я и сам загорелся этой идеей, но какое-то смутное предчувствие заставляет меня бояться этого места.

— Что за предчувствие?

— Позволь мне рассказать об этом чуть позже, когда стемнеет.

— Что ж, если ты так хочешь...

В этот момент они дошли до дороги и пересекли ее, в молчании, но радуясь, что уже почти добрались до намеченного места.

На самом деле Антонио не был родным сыном старика, его усыновили в начале великой войны, после того как в Северной Африке погибли его родители. Мальчику тогда было пять лет, и его, раненого, нашел в руинах одного отеля для европейцев тот самый человек, который впоследствии усыновил его. Добрый господин назвал мальчика Антонио, чтобы, насколько возможно, стереть из его памяти все страшные воспоминания. Он обеспечил ему отличное образование в лучших колледжах Англии, где в то время и учился юноша, получая степень по философии.

Антонио использовал каникулы, чтобы провести несколько месяцев в уединенной усадьбе своего благодетеля, обладателя обширного состояния и еще более обширной культуры и душевных добродетелей. Юноша слушал его рассказы о путешествиях по Африке и Азии и наполнял душу нежной голубизной неба в горах и безмятежной жизнью у их подножия.

Обогнув каменную крепостную стену, они увидели вдалеке руины церкви. Антонио еле заметно вздрогнул, но ускорил шаг. Старик молча наблюдал за ним. Когда они углубились в долину, туда, где возвышалось полуразрушенное здание, он сказал:

— Этот храм, скорее всего, был построен в XIII или XIV веке, хотя более поздние перестройки изменили некоторые его изначальные детали; пять лет тому назад его уничтожил пожар, с тех пор он заброшен и с каждым днем все больше разрушается и гибнет в зарослях сорняков. Только его башня все еще стоит, словно окаменелый монах, совершающий запретный молебен.

— И правда, отец, здесь все дышит какой-то тайной драмой, но я никак не могу ее разгадать... Центральный неф совсем разрушен, от него остались только огромные обугленные деревянные балки; вместо облаков ладана их обволакивает грибок. Эта высокая башня уже вся потрескалась, а ее пристройки, сплошь заросшие кустарником и кишашие ящерицами, напоминают мрачные декорации какой-то дьявольской пьесы...

— Жители соседнего городка, даже самые молодые и легкомысленные, стараются избегать этого места в долине; они уверяют, что сюда по ночам приходят ведьмы из деревни, чтобы собирать ядовитые травы и послушать зловещие советы из уст призраков.

— Думаю, в таких слухах немало выдумок, но все же какие-то основания для них существуют.

— В любых суевериях или слухах есть какая-то доля правды...

Слова старика отдались эхом под каменными сводами бокового нефа, и показалось, что они вызвали к жизни тысячи спящих теней.

Антонио оглядел руины и ближайшие к ним сооружения, от которых остались только фундаменты.

— Здесь когда-то было большое селение? — спросил он у своего покровителя.

— Да, именно так. Университетский городок. Величественные руины, которые ты видишь на склоне горы, — это остатки старинного замка IX века. От него сохранились только часть стен и фундамент. Этот замок — словно образ закона Природы, правящего нами, но со временем Природа всегда побеждает. Тяжелые глыбы и откосы, высеченные в скале, постепенно становятся частью горных склонов, разрушаясь и покрываясь молодым лесом... А теперь бери свои книги и начинай читать, я буду исправлять твои ошибки.

Через несколько часов, когда лучи заходящего солнца уже воспламенили горизонт, они закончили читать и комментировать классиков.

Антонио взглянул вверх и, слегка побледнев, указал на купол башни.

— Что странного ты там увидел? — спросил его старик.

— Отец, быть может, это злая шутка моего ума, но, когда отблески закатного солнца падают на эти стены, мне кажется, что они мокры от крови, и пятна эти чернеют и расширяются... Я уже несколько раз наблюдал это — с дороги, огибающей долину, и что-то во мне, что-то скрытое в глубине моей души, содрогалось и трепетало...

Вместо ответа старик долго и пристально смотрел на юношу, прежде чем спросить:

— Нет ли у тебя какого-нибудь предположения, пусть даже самого смутного, в чем причина такого потрясения?

— Нет, отец. Дело даже не в том, что мне не нравится это место; напротив, оно меня очень притягивает, и моя душа с радостью представляет все те эпохи, которые видели эти стены; меня очень трогает плющ, который, как саван, милосердно укрывает этот огромный каменный труп. Но когда я вижу эти кровавые пятна, эти блики солнца или что это там на самом деле, меня охватывает странный страх, а сердце сжимается в тоске и тревоге, словно я пережил страшную трагедию. И тогда мне очень хочется убежать отсюда, и я с облегчением считаю шаги, которые отделяют меня от этого места.

И вновь старик долго молчал, не выказывая при этом ни малейшего удивления.

— В подобных вещах, сын мой, множество теней и проблесков света так и остаются скрытыми от глаз воплощенных смертных.

— Наверное, так и должно быть, отец...

Антонио собрал свои книги, а его отец подтянул повыше серый шарф. Ночные тени выбрались из привычных укрытий и расползлись по маленькой долине.

Старик и юноша, погруженные в свои мысли, скоро превратились в две маленькие точки на дороге.

Дневное светило скрылось за горизонтом, опустились сумерки, и с наступлением ночи среди камней возродилась жизнь, но жизнь уже иная. Она развивалась во мраке, не признавая другого светила, кроме Луны. Ночные птицы и летучие мыши перелетали от капители к капители, от арки к арке, от руины к руине, словно зловещие черные ангелы, несущие послание от одного проклятого мира к другому. Из каждой расщелины раздавался неясный шум тысяч голосов.

Постепенно владычица ночи заняла свое место на небе, и стали появляться какие-то существа, похожие на сгустки тумана, которые описывали в своем движении маленькие круги, пока вновь не растворялись в воздухе, холодном и влажном.

Из пролома за разрушенным главным алтарем появилась тень, напоминавшая человека. Она медленно направилась навстречу другой тени, которая поджидала ее посреди обугленных молитвенных скамеек, усеянных желтоватой грибной плесенью.

— Ты уже здесь... — прошептала первая тень.

— Ты его слышал? — спросила другая.

— Да. Это он, у меня нет сомнений.

— Но он ничего не помнит...

— Повезло ему! Когда же нас наконец-то освободят от этого страшного проклятия — от необходимости помнить?

— Так ты до сих пор хочешь счастья?

— Я хочу только спокойствия...

— Он тоже его хотел бы, и для себя, и для всех, и мы это обеспечим, ему уж точно.

Конец этой фразы сопровождался неприятным смехом, похожим на хруст сухих листьев.

— И что, будем вспоминать за него? — спросила тень.

Другая ответила:

— А что еще нам остается? Вспоминать всё и, закончив вспоминать, начинать заново. Воспоминание убивает жизнь, но зато рождает другую форму существования, от которой очень трудно избавиться.

Две тени, двигаясь по разрушенным галереям и переходам, постепенно растворялись в воздухе, но их жалобный шепот, заглушаемый шумом крыльев летучих мышей, продолжал откликаться эхом во всех уголках этого печального места.

Глава II. Руины

Бурление пузырьков в старинных ретортах обладало для Пабло Симона такой же таинственной силой, как пение сирен; этот звук вырывал его из бездонного и непостижимого внутреннего моря и пригвождал к скалам реальности, к грубому континенту материального. Но очень скоро незримые вестники горизонта, словно морские ветры, напоминали ему о внутренней природе его души-путешественницы.

Он поднял глаза к оконцу, куда уже заглядывали первые звезды. Вещество, над которым он трудился, было уже почти кристаллизовано. Затем предстояло снова погрузить его в железную емкость.

«Этот раствор подобен великой душе, — подумал он, — из него появляются тысячи кристаллов, потом они соединяются и растворяются в первоначальной субстанции, и так происходит до тех пор, пока все это не превратится лишь в прозрачную, чистую жидкость...»

Убаюкивающая песня сосудов с жидкостью перестала волновать его, он разогнул спину и оторвался от инструментов, горна и реторт. Затем снял тяжелый кожаный фартук и рубашку аспидного цвета.

Едва он вышел в свежесть ночи, спертый воздух подземной лаборатории сразу же выветрился из его груди, и он почувствовал себя будто омытым с ног до головы.

Он двинулся вперед, и его медленные шаги слились с торопливыми шагами юных студентов, отправлявшихся на поиски приключений и хорошего вина.

Молодого химика — сейчас ему было двадцать девять — никогда не привлекали бурные развлечения; хотя несколько раз, исключительно под влиянием своих товарищей по учебе, он и вкусил их, но не ощутил ни радости, ни воодушевления, и ему пришлось все это изображать. Очень скоро, став увереннее, он начал выбирать досуг по своему вкусу, пусть его приятелям это и казалось глупыми причудами угрюмого и странного юноши.

Он много читал; долгие ночные часы проводил он под сенью прекрасных сосен, вдыхая их аромат. Обратив свой взгляд к звездам,

этим удивительным глазам неба, сияющим и живым, будоражившим души людей, он часто всматривался в них, словно пытаясь раскрыть их самые глубокие секреты.

Когда Пабло Симон дошел до одного из своих любимых укрытий, церковный колокол издал десять звонких нот; здесь, вдали от мира людей, он начал размышлять о собственной природе и о природе многочисленных сынов Божьих, окружавших его.

Вот уже много лет этот замок, построенный на фундаменте древнего римского укрепления, был заброшен и разрушен, уцелели только его массивные стены и какая-то покрытая трещинами башня.

Прислонившись к остаткам стен, Пабло Симон как будто перенимал неподвижность окружающего пейзажа, впитывал его, пытаясь проникнуть в тайну почтенных камней. Иной раз, забравшись наверх, на аркаду, опирающуюся на римские колонны, он, словно новый столпник, созерцал дракона своих страхов и сомнений, побежденного на какое-то время разумным порывом души. Порой он раздвигал нагроможденные осколки плит, чтобы провести рукой по гладкому мрамору какой-то статуи, гадая, кто прикасался к ней последним, — может, та самая дама, воплощенная в камне, а может, во времена славы древней империи ею любовался благородный воин...

У его ног одна цивилизация покоилась на другой. Одни стены видели солнце еще во времена цезарей, другим было от силы пять веков; но сейчас, посеребренные луной, все они были лишь грудой обломков.

Пабло Симону стало холодно. Дыхание ночи в середине ноября было морозным, ночной ветер пел в расщелинах руин печальные баллады и возвышенные литании на странном языке. Когда он стоял посреди большого внутреннего двора, наполовину разрушенного кустарником, ему казалось, будто в боковых галереях все еще слышится топот стражей, а мерцающие огоньки, любопытствуя, прижимаются к оконным проемам.

Он пошел по разбросанным камням, а они жалобно стонали и кряхтели, будто его шаги мешали их безмолвному возвращению в Природу, лишали их неоспоримого права умереть в тишине.

Его мысли улетели далеко от земных шорохов. Действительно ли душа абсолютно бессмертна? Если так, тогда она абсолютно беспредельна и свободна... Но — и тут его мысль с роковой скоростью

камня в пропасти рухнула в реальность — почему тогда существуют запрещенные знания, религиозные войны, люди, проливающие кровь во имя Бога? Каждая сторона заявляет, что пользуется особым божественным покровительством. Но мог ли один и тот же Бог стать источником противоположностей? Если же одна из сторон ошибается, неся Божественное в самой себе, как можно одновременно отрицать и утверждать это? Или Создатель всего сущего был страшным безумцем, космическим ребенком?

Все эти сложные рассуждения неизбежно заканчивались столкновением разума и авторитета. Но сколь жалкими были те, кто считался духовным авторитетом в его окружении!

Молодой человек устроился на развалинах портика часовни и представил себе день, который ему предстояло начать через несколько часов. Он придет в приходское училище, где на занятии по химии и математике его будут ждать ученики. Сначала надо будет поприветствовать ректора. Затем наставлять два десятка юнцов, полуночников и забияк, для которых единственной наукой о цифрах была наука игры в кости, а лучшей химией — возможность заполучить любовное зелье. Таковы были эти студенты, эти мыслители, будущие профессора, наставники молодежи, мастера философского и абстрактного мышления...

Вдруг Пабло Симон вскочил на ноги. По ночам ему не раз казалось, что на стенах и грудах обломков видны отблески факелов; он считал это каким-то обманом зрения или фосфорическим свечением погребенных тел, но сейчас видение было слишком явным и близким, чтобы отмахнуться от него.

Из глубокой трещины, пересекавшей плиты пола, несколько мгновений пробивался яркий свет. Пучок света двигался, как бывает, когда кто-то медленно несет факел. В три прыжка он оказался у трещины; она была темной и слишком неровной, чтобы через нее можно было что-то разглядеть, но в ледяном воздухе ночи раздавался неясный шум, похожий на голоса.

Пабло Симон не верил в призраков и колдовские чары, не верил он и в страшные истории о сборищах чудовищ, о вселяющихся в трупы злых духах, которые выглядят как живые и проводят жуткие обряды, поработавшая всех, кроме добрых христиан. Но все же холодные руки страха начали сжимать его сердце.

Несколько минут он никак не мог решить, уйти ему, будто он ничего не видел и не слышал, или же разведать, кто ходит по подземельям и катакомбам древней крепости.

Глухое, уединенное место отнюдь не побуждало к отважным поступкам, но дух исследования и какое-то потаенное желание, которого он сам не в силах был постичь, заставили молодого химика остаться и никуда не уходить до тех пор, пока он не раскроет эту тайну.

Он проник в помещение, которое когда-то было нефом часовни, и с большим трудом подобрался к почти не поврежденному алтарю; в самом сердце тишины, словно хрупкий цветок надежды, расцвел шум голосов. Пабло Симон крадучись обошел ступени алтаря и между плит пола различил мерцающий свет, пробивавшийся снизу; он ощупал плиту и с удивлением обнаружил, что она была не такой уж тяжелой, хотя и выглядела внушительно. С большим усилием он все-таки смог ее сдвинуть, и руки ему обдало теплым воздухом. Проем, скрытый плитой, оказался нисходящим туннелем, вниз вела тщательно сработанная каменная лестница; в нескольких метрах от нее с потолка свисала большая масляная лампа, освещающая ступени, которые упирались в другой, горизонтальный, туннель.

Он стал спускаться и понял, почему плита, игравшая роль двери, была такой легкой: снизу она была выдолблена и напоминала перевернутый ящик. Сделав несколько шагов по горизонтальному коридору, он вынужден был снова спуститься по лестнице, которая привела его в огромный подземный зал; этот зал был полуразрушен, в него обильно просачивалась вода; пространство едва освещалось последней лампой, находившейся внизу лестницы.

Отважный порыв молодого человека все еще не иссяк. Он увидел какой-то проем в глубине зала, откуда шло слабое свечение. Пабло Симон призвал на помощь всю свою храбрость и, с подозрением озираясь на мрачные стены, окружавшие его, отправился навстречу своей судьбе. Отверстие образовалось после падения одного из тяжелых каменных блоков и находилось на высоте более пяти метров, поэтому ему пришлось вскарабкаться на гору обломков, но даже так он не смог добраться до проема. И тут он замер, услышав звучный и ровный голос, похожий на звук колокола. Голос произнес:

— Абракасас — это петух, а петух поет перед рассветом, — и словно хор глубоких голосов ответил ему.

Удивленному и взволнованному молодому человеку показалось, будто сама Земля ответила на зов Неба. Он сосредоточил свое внимание на смысле услышанной фразы, но не успел задуматься, как его ноги оказались опутаны чем-то вроде мешка, а мощный удар по голове отправил его в черную яму бессознательного.

Первое, что он почувствовал, очнувшись, была острая боль в затылке и шее; потом он понял, что лежит, и открыл глаза. Рядом с ним стоял человек, одетый в белое; сначала Пабло Симон решил, что это какой-то послушник, а сам он сейчас дома или в приходском училище, но тут же заметил, что голова человека скрыта капюшоном с прорезями для носа и для глаз.

— Где я? — спросил он, пытаясь приподняться со своего ложа. Но что-то резко дернуло его за левую руку, и он упал на спину, только тогда поняв, что прикован.

— За что меня схватили? Кто вы? — спросил он с негодованием и в то же время со страхом.

— Успокойся, брат, — попросил человек в капюшоне, положив руку ему на грудь. — Ты в подземной келье под теми самыми руинами, куда приходишь по ночам. Здесь у меня нет человеческого имени, а имя, которым меня называют в этих подземельях, я не могу тебе назвать, да и ни к чему тебе его знать. Лежи спокойно, с тобой кое-кто хочет поговорить.

Он позвонил в серебряный колокольчик, и в комнату вошел другой человек в точно таком же одеянии. Оба разговаривали очень тихо.

Тем временем Пабло Симон отчаянно пытался собраться с мыслями. Кто эти люди в капюшонах? Хотя они ударили и заковали его, но говорили очень доброжелательно, в их речи чувствовалось невероятное внутреннее спокойствие. Они были больше похожи не на злых духов, колдунов или разбойников, а на жрецов-аскетов, исполнявших какой-то обряд или епитимью.

Рассуждения узника прервал его белый страж, предложив ему чашку бульона, несколько кусков хлеба и сыр. Приглашение было столь любезным, что молодой человек охотно принял его и, пусть и без особых удобств, съел свой скромный обед.

— Сколько я был без сознания? — спросил он.

— Около шести часов, брат; но мы тебя осмотрели, и будь уверен, у тебя нет никаких серьезных повреждений.

— Шесть часов! Отец Педро будет в ярости; я еще ни разу не пропускал свою преподавательскую работу в приходском училище...

— Не переживай, Пабло Симон, отдохни. Я скоро вернусь.

С этими словами человек в капюшоне вышел из маленькой комнаты.

Оставшись один, юноша поначалу вернулся к своим размышлениям, но вдруг вздрогнул. Человек в капюшоне назвал его по имени, а ведь прошлой ночью, когда его застали врасплох, на нем не было ничего, что позволило бы его узнать.

«Возможно, кто-то со мной знаком, или меня узнали, пока я спал», — подумал он.

Затем Пабло Симон оглядел помещение. Меньше трех метров в длину и ширину, еще меньше — в высоту; из мебели — только деревянная кровать, на которой он лежал, и два стула. Окошко под потолком с трудом справлялось с ролью отдушины и слухового окна, однако даже в полутьме юноше удалось внимательно рассмотреть своего опекуна. Высокий, худощавый, тот был одет в простую льняную тунику с капюшоном, полностью скрывавшим его лицо. На груди, слева внизу, он носил небесно-голубой крест, почти как обычный, но что-то в этом кресте не давало покоя Пабло Симону.

— Да ведь это не просто крест, это развернутый куб! — воскликнул он.

Наконец-то в его уме хоть что-то начало проясняться. А не ложа ли это белых магов, или, может, секта морально неиспорченных христиан, соблюдавших столько предосторожностей, чтобы избежать инквизиции?

Эти мысли приободрили его, он закрыл глаза и задремал, но через несколько минут шум двери, с трудом двигавшейся в проеме, вернул его в сознание. На него смотрел, видимо, тот же самый человек в капюшоне. Наконец он спросил:

— Готов ли ты к долгой беседе? Ты хорошо себя чувствуешь, брат?

— Достаточно хорошо для прикованного, — с досадой ответил Пабло Симон.

Человек, задавший вопрос, уступил место другому, в таком же облачении, но последнего отличал какой-то золотой треугольник

посередине лба.

— Мир тебе, брат Пабло Симон Фосолето! Я слышал твои последние слова...

Молодой человек смотрел на него, не в силах скрыть удивления.

— Я отвечаю тем же на ваше любезное приветствие, кем бы вы ни были. Но откуда вам известно мое полное имя? Ваш голос мне как будто бы знаком.

— Не обременяй себя знанием того, под каким именем я действую во внешнем мире, мире «мертвых», — оно ничего тебе не даст.

— А могу ли я узнать, почему меня сковали?

— Что за странное существо человек! Стоит связать ему руки или запереть на пару дней, он отчаянно рвется на свободу; но, связывая себя самого и отдавая в плен собственным страстям, порокам и невежеству, он наслаждается. Он превратил свой земной проводник из обиталища в темницу и, влюбившись в собственные страдания, делает все возможное, лишь бы не покинуть ее...

— Судя по тому, как вы говорите, вы доктор теологии, а возможно, кардинал или епископ; но я сейчас нахожусь в слишком неловком и неприятном положении, чтобы вести метафизические беседы; мне кажется, уже перевалило за полдень...

— Поверь, ты можешь забыть о своем приходском училище. Сделай милость, отвечай на мои вопросы как можно искреннее и правдивее, от этого зависит твоя жизнь. Нас ведет тот же идеал, что движет Солнце и планеты по их небесным орбитам, и мы любой ценой должны избежать провала. Твоя безопасность — в твоих руках; если будешь говорить мне правду и вести себя тихо и смиренно, с тобой ничего не случится и ты не встретишь никаких затруднений.

Слова человека в капюшоне были исполнены такой воли и такого благородства, что молодому химику стало ясно: собеседник не замедлит их выполнить.

— Я уступаю силе; слушаю тебя и обещаю быть покорным, тем более что мое положение к другому и не располагает.

Станный посетитель присел у ложа и спросил:

— Тебя зовут Пабло Симон Фосолето, не так ли?

— Да, так.

— У тебя будет другое имя. Твое земное имя претерпит трансмутацию в день твоей свадьбы с «Софией»; у тебя все еще есть

шанс.

Молодой человек посмотрел на него с изумлением и спросил:

— Что за трансмутация? Не думайте, что я, подобно невеждам, считаю, что София — это суккуб с соблазнительными формами, с которым, как говорит отец Педро, пребывают в греховной связи все, кто не учится и не молится по указанию Церкви. Я знаю этимологию этого греческого слова и его значение: мудрость, или целостное знание. Но что же вы хотите со мной сделать?

— Меня радует твоя эрудиция и свободомыслие. А что сказал отец Педро, когда ты описал ему все, что видел и слышал ночью в этих руинах?

— Я никогда не обсуждал этого с отцом Педро! С какой стати?..

— Подожди! — прервал его человек в капюшоне. — Ты ни с кем не говорил об этом?

— Нет! С какой стати мне было говорить? Я ни разу не видел и не слышал ничего особенного, пока вы не схватили меня; я думал, это мои галлюцинации или просто фосфорическое свечение.

— Ты понимаешь, что если обманешь меня, то заплатишь высокую цену? — голос человека в капюшоне стал суровым, и Пабло Симону стало неуютно на своем ложе. Наконец он ответил:

— Да... Я почему-то чувствую, что навсегда лишился свободы, а возможно, и жизни... Но я не лгу.

Сквозь окошко виднелись кровавые отблески закатного солнца на облаках, и тени кельи, словно жадные вампиры, росли и росли, изгоняя последние лучи света.

Человек в капюшоне, казалось, задумался, а молодой химик грустно смотрел в каменный потолок. Но вот молчание прервал решающий вопрос:

— Что ты услышал у стены древнего подземного двора?

— Я ничего не понял; возможно, в этих словах не было смысла...

— Мне не важно, понял ты или нет! Что это были за слова?

— Что-то вроде «Абракас — это петух, а петух поет перед рассветом».

— Это всё?

— Всё...

— Ты ничего не видел?

Пабло Симон покачал головой, но человек в капюшоне переспросил:

— Никакого действия? — при этих словах он достал медальон, висевший у него на шее и скрытый одеждой. В центре медальона виднелась фигура человека с головой петуха, одна его рука воздевала овальный щит, другая — копье. Фигуру окружали древнееврейские знаки и египетские рисунки. Было похоже, что медальон сделан из золота, инкрустированного синей смальтой и бриллиантами.

— Я ничего не видел, и никогда не видел ничего подобного... Что означает это изображение?

— Много. Это символ Бога, у него триста шестьдесят пять добродетелей.

— Как дней в году...

— Ты умен, Пабло Симон! Теперь ты знаешь более чем достаточно, чтобы нас сожгли, расскажи ты об этом инквизиторам.

— Я ненавижу инквизицию, наверное, так же сильно, как и вы! Три дня назад они сожгли на городской площади маленького сына башмачника Николаса за то, что у него были нервные припадки, которые повторились во время обряда изгнания бесов. Когда он закричал на костре, мать пробралась сквозь строй конных стражников и попыталась его спасти. Тогда один из судей приказал бросить ее в огонь, мол, ею тоже овладел дьявол. А пока бедную женщину копьями заталкивали в костер, эти волки в одежде пастырей поднимали кресты и распевали фразы на латыни.

— Я тоже был свидетелем этой драмы, Пабло Симон, но нас должна объединять не ненависть, а любовь. Ты изучишь наши доктрины, и тогда возродится твоя вера в Иисуса Христа.

— А как же мои лекции в училище и химические исследования? Что я скажу, если вернусь через месяц или через год? Что я путешествовал? Я не смогу им ничего объяснить, и эти фанатики решат, что я стал невидимкой... Меня сожгут!

— Ты не можешь никого сжечь или сгореть сам; твое тело — да, может. Но не волнуйся, с тобой ничего плохого не случится, — ответил спокойным голосом человек в капюшоне и, позвав, видимо, своего ученика или помощника, приказал освободить руки и ноги молодого химика от оков.

Спустя несколько минут тяжелые дверные запоры задвинулись, и Пабло Симон остался один, наблюдая за танцем черных теней, отбрасываемых на стены большой сальной свечой.

Он не знал, что ангел судьбы ведет его сейчас к самому удивительному приключению, доступному человеку, — к путешествию в глубь самого себя.

Он проснулся среди ночи, бормоча:

— Я должен освободиться из этих руин...

И словно далекое эхо повторило его слова, но смысл их изменился. Эхо говорило об освобождении души от рабской жизни, полной моральных и интеллектуальных ограничений, которые были свойственны ему до сих пор. Возможно, только этой ночью Пабло Симон научился «слышать»...

Глава III. Духовное становление

Дни проходили за днями, стирая своими невидимыми руками все земные страхи и опасения Пабло Симона. Иногда они приносили ему удивительные подарки: то вдруг исчезнет какое-то сомнение, то на несколько минут его посетит глубокое внутреннее спокойствие, то, созерцая рассвет и позабыв о мирских занятиях и обязанностях, он вдруг испытает чистую радость.

Постепенно его заточение становилось все более добровольным; ему уже позволялась полная свобода в некоторой части подземелий и относительная свобода — под присмотром его стражей — наверху, среди руин. В последнем случае его прогулки заканчивались с восходом солнца, ведь они должны были оставаться тайной для тех немногих горожан, что забредали в эти уединенные места.

Глубоко в его сердце начала расти надежда, как прорастает из зерна хрупкий, но могучий стебель; в силу того же божественного закона его внутренние стремления перерастали его самого, становясь все более сильными, и в своем апогее превращались в скрытый пока образ кроны свершений.

Многое вызывало у него живой интерес, и прежде всего — личность таинственного человека в капюшоне, видимо одного из главных здесь, который расспрашивал его в первую ночь. Его голос казался Пабло Симону знакомым, хотя звучал не совсем естественно, как будто был изменен. Удивляла его и забота, которую по отношению к нему проявляли, удивлял и тот факт, что братство, насчитывавшее около полусотни членов, хотя и не располагало никакими видимыми денежными средствами, тем не менее имело все необходимое: еду, одежду, медикаменты, книги и инструменты. Он не раз видел огромные корзины с продуктами и дорогими лекарствами, которые потом оставляли где-то в городке для нуждающихся. Такая необычная милостыня приобретала особое значение, когда предназначалась семьям, обездоленным инквизицией. В таких случаях добавляли еще одежду, книги и небольшие суммы денег.

Пабло Симон знал, что подобные пожертвования делались без оглядки на политические, социальные и религиозные различия. Если

кто-то действительно нуждался, это уже само по себе давало ему право на помощь логи. Молодой человек помнил, как неприязненно обычно толковали все эти дары в приходе, приписывая им дьявольское происхождение и низкие цели, и с грустью размышлял о том, среди какого лицемерия и моральной нищеты ему пришлось жить.

Восхождение на горную вершину не дает подлинного ощущения высоты, если над головой не видно других гор, вздымающихся над облаками, а внизу не темнеют мрачные ущелья. Так и Пабло Симону необходимы были вершины знания и пропасти воспоминаний.

Он довольно прилично знал произведения Аристотеля, чей «Органон» был краеугольным камнем философии того времени. Схоластика многое позаимствовала у славного ученика Платона в том, что касается формы изложения и силлогистики, но всегда руководствовалась неизменным постулатом «Magister dixit» (Так сказал учитель) — памятником человеческому тщеславию под маской непогрешимости.

С помощью членов загадочного братства молодой человек подробнее познакомился с трудами Платона, которого те, кто возвысился до его толкования, называли божественным. Раньше он читал только отдельные диалоги и маленькие фрагменты «Государства», а теперь мог пользоваться более полными сводами его трудов без утомительных дополнений и комментариев переводчиков, которые впадали в апологетику и вкладывали в уста любимого ученика Сократа такое, что ему никогда и в голову бы не пришло.

Благодаря такому свободному чтению он незаметно для самого себя начал мыслить так же свободно. Ему больше не чинило препон лицемерие под личиной добродетели, когда грех, стоит лишь прикрыть его монашеской рясой, обретает черты благородства и высокой нравственности. До смерти устав от всей этой лжи, теперь он поглощал книги по пятнадцать часов в день.

Однажды его опекун принес ему Библию современного образца, однако молодой человек отказался ее взять, сказав, что в сравнении с древнегреческими трактатами она ничего не стоит. Наставник помолчал, глядя на него, а потом спокойно и строго произнес:

— Надеюсь, ты не обидишься на мои слова, но вынужден заметить, что ты ведешь себя так же глупо, как человек, который отвергает, скажем, прекрасное изделие ювелирного искусства лишь потому, что

не смог стереть грязь, его покрывающую... Так что, Пабло Симон, научись очищать эту драгоценность, и я уверяю тебя, что в определенном смысле эта книга не менее ценна, чем произведения Платона и Аристотеля.

— Но что же в ней прекрасного? Я читал и перечитывал ее множество раз и знаю практически наизусть. А сейчас, когда мой разум избавился от страхов и я могу мыслить свободно, я вижу, сколько в ней противоречий и выдуманных историй, фантастических и бесполезных. К тому же каждый церковный собор что-то из нее выкидывает или добавляет...

— Разве я сказал: «Вот тебе чистая, совершенная и сверкающая жемчужина»? Я лишь даю тебе совет: очисти как можно тщательнее то, что у тебя в руках, и ты обретешь нечто столь ценное и столь совершенное, какое только может создать человек.

— Ты сказал «человек»? — удивился Пабло Симон. — Что-то я не понимаю — я никогда не смотрел на Библию как на творение человека, а всегда воспринимал ее только как Божественное творение. А когда и в это перестал верить, уже не мог найти в ней ничего заслуживающего внимания.

— Ты как ребенок, который наивно верит, что его отец-врач может вылечить любую болезнь. Обнаружив, что это не так, он впадает в другую крайность и больше не видит в своем родителе ничего хорошего. Но если этот ребенок чуточку подумает и обратится к истине и справедливости, ему придется признать, что, хотя раньше он и преувеличивал отцовские способности, однако отец все-таки в состоянии лечить кое-какие болезни, а многие другие — облегчать.

Пабло Симон улыбнулся, услышав такую аналогию, и попросил объяснить подробнее.

— Мы еще об этом поговорим, — последовал ответ, — однако я бы хотел, чтобы ты забыл про апологетику и про все эти холодные, формальные рассуждения. Лучше обратиться к здравому смыслу, к искренности, к прямым в своей основе мыслям, даже если они не будут следовать строгим аристотелевым канонам.

— Мне это нравится больше...

— Вот и отлично. Когда зайдет солнце, тебя найдут и проводят ко мне.

Никогда раньше ход небесного светила не казался молодому человеку таким медленным. Вопросы, что жили глубоко в его сердце, смутные атавистические страхи, рассуждения, которые только начинали сопутствовать его горячему стремлению возвыситься над сомнениями, — все это наполняло его душу беспокойством. В глубине души он хотел найти подтверждение тем истинам, которым следовали древние христиане — ученики Учителя, а его отношение к Святому Писанию было лишь криком отчаяния, несколько приглушенным милосердным Платоном.

После скромного ужина — образца простоты и умеренности, царивших в этой необычной общине, — настало время встречи.

Когда его вывели из подземелья, он полной грудью вдохнул аромат ранней весны. Шел девяностый день его пребывания здесь, и апрель 1578 года еще только начинал свое движение к смерти.

Тот, кто ожидал его, стоял шагах в двадцати, созерцая гористые склоны, где мерцали огоньки — окна сельских домов с бедно накрытыми столами, отличавшихся удивительной чистотой и простотой. Его одеяние было серым, как и капюшоны еще нескольких братьев, отдыхавших среди руин. В такой одежде их невозможно было различить даже за тридцать шагов. И хотя выглядели они необычно, их легко можно было бы принять за монахов какой-то малоизвестной секты.

Молодой человек медленно подошел к указанному ему месту.

— Мир тебе, Пабло Симон.

— Мир и вам.

Они стояли под высокими, поросшими мхом стенами молча и неподвижно, как силуэты на огромном полотне, нарисованном сепией. Черная безлунная ночь расцвела звездами, которые таинственно мерцали на небе.

Человек в капюшоне мягко взял юношу за руку и вместе с ним отошел туда, где полуразрушенные колонны еще несли на себе отпечаток былого величия.

— Так рушатся творения людей, когда время или собственные несовершенства делают их бесполезными. Так же гибнут религии, исполнившие свою миссию. Однако запомни, Пабло Симон, что, подобно тому как на месте упавших колонн возводят новые строения, на смену умершей религии приходит другая. И эта другая религия —

независимо от ограничений эпохи и географического расположения — является воплощением той же насущной потребности и проистекает из того же источника. Поэтому все они в одинаковой мере божественны, а их большее или меньшее совершенство зависит от проводника — назовем его Учителем. И от взаимопонимания и взаимодействия между его учениками.

Произнеся эти слова, человек в капюшоне пригласил его присесть на камень. Теперь они совсем слились с окружающим пейзажем. После недолгого молчания молодой человек спросил:

— Если христианская религия уходит своими корнями в иудейскую, что несомненно, то почему иудаизм до сих пор существует? Ведь христианство пришло на смену этой древней религии, а в большинстве существенных вопросов эти доктрины противоречат друг другу.

— Скажи мне, милый юноша, ты видел, как в море умирает река?

— Нет, но я знаю, как это происходит.

— Тогда тебе должно быть известно, что отделить пресные воды от морских очень трудно. В устье различие очевидно, но в нескольких километрах от берега ощущается уже лишь слабый привкус пресной воды.

— Я про это читал.

— Иными словами, существуют переходные, «наполовину морские» зоны. Так же и религия, например иудейская, породив христианство, и дальше живет собственной жизнью, исполняя свою миссию для какого-то количества верующих. И точно так же через пятьсот или тысячу лет в лоне христианства появится новая религия, и она на протяжении столетий будет существовать рядом с той, которая ее породила и которая будет постепенно распадаться на многочисленные конфессии. Это закон, что правит нами, и его исполнение — лишь вопрос времени.

— Думаю, это очень вероятно и даже истинно. Однако — если я вам не сильно докучаю своими расспросами — если эти две религии, и другие тоже, рождены одной божественной силой, то почему в некоторых частях их доктрины противоречат друг другу, а их приверженцы ненавидят друг друга? Признаюсь, этот вопрос уже не первую ночь не дает мне покоя. И действительно ли один и тот же дух одухотворяет разные религии, которые существуют в одно время?

Разве может одна-единственная душа одновременно оживлять разные тела? Поверьте, таинственный друг, я расспрашиваю вас не ради того, чтобы поспорить с вашими рассуждениями, которые своей разумностью превосходят всё, что я когда-либо слышал. Я лишь хочу, если это возможно, побороть свои сомнения, которые, как медленный огонь, разрушают с течением времени крепость моих убеждений...

— Я буду с тобой искренен, Пабло Симон. Давай попробуем превратить свинец этих сомнений в золото правильного знания. Начнем по порядку. Ты говоришь, что существуют религии, которые противостоят одна другой, а их приверженцы ненавидят друг друга. На первый взгляд, приходится согласиться с этим, поскольку именно так это и видится. Однако я спрашиваю тебя: действительно ли они противоречат друг другу в главном, или это касается только второстепенных элементов, добавленных к основному корпусу религии позже? Например, иудеи придают огромное значение обряду обрезания, а христиане его запрещают и скорее готовы увидеть своих детей мертвыми, чем подвергнуть их такому ритуалу. Но разве обрезание — это главное в религии Моисея? Или же это второстепенная деталь, имеющая скорее физиологические, чем духовные обоснования? Однако, попав в руки невежественных священнослужителей и фанатиков, она превратилась во что-то первостепенное. Про обрезание ничего не написано на Скрижалях Завета, которые, согласно традиции, Моисей получил на горе Синай, или Лунной горе. А разве в тех частях Евангелий, которые у разных авторов совпадают (то есть в тех частях, которые с большой вероятностью отражают действительные слова Иисуса), что-то говорится про обязательность или запрещение этого ритуала? Ты сам прекрасно знаешь, что нет. Нет необходимости приводить цитаты, ибо каждый может взять Библию и убедиться в этом сам. Мир устал от цитат, проповедей, церковных соборов и «священных войн». Людям необходимы дела, поступки, реальность. Если мы проповедуем кротость, то давайте не будем подстрекать к войне, и подстрекать не только мужчин, но и женщин, и детей, как случилось во времена Крестовых походов. Если мы называем себя смиренными последователями Иисуса Христа, то нам, по меньшей мере, не приличествует пылать гневом и не подобает купаться в роскоши рядом с теми, кто изнурен голодом и холодом, среди нищих рабов, которые

годятся лишь на то, чтобы замешивать хлеб для тиранов... Если все мы — братья по вере Иисуса, который, как ты знаешь, прошел обрезание, то не будем придавать значение мелочам и не будем изгонять действительно способных людей с важных должностей в пользу своей родни. Сегодня произвол приобрел такой размах, что даже профессиональных убийц и публичных женщин наделяют почетными званиями в обмен на их деньги или их любовь.

Голос этого обычно спокойного человека дрожал от волнения. Во времена чудовищной несправедливости, когда на кострах сжигают больных людей и детей, страдающих эпилепсией, очень сложно сохранять взвешенный взгляд, абсолютную невозмутимость.

Минуты молчания милосердным саваном укрыли мрачные воспоминания собеседников. В ушах у них все еще звучали крики сына сапожника: «Мама, мама, я горю!» В своем воображении они снова видели женщину, которую копьями заталкивают в костер, безжалостно тыча острием в почерневшее, объятые огнем тело.

— Мы немного отклонились от темы, Пабло Симон; давай вернемся к...

Он оборвал фразу и резко встал. Пабло Симон проследил его взгляд и увидел, что к ним сломя голову бежит один из братьев, большими скачками перепрыгивая препятствия. А в это время остальные быстро и безмолвно спускались в замаскированные входы-ловушки.

Они были похожи на привидения, исчезающие в трещинах своих склепов.

— Брат, брат! Где брат Двенадцатый? А где Шестнадцатый?

— Думаю, возле колокольни... А что случилось? Ты выглядишь очень встревоженным, дорогой юноша.

— На то есть причина, брат Одиннадцатый. Многочисленные группы вооруженных людей перекрыли все подходы сюда, а по старой дороге через западные ворота движется отец Педро во главе отряда из пятидесяти вооруженных до зубов отборных солдат инквизиции. Они вот-вот будут здесь!

Брат, что принес эту зловещую весть, мгновенно скрылся в направлении полуразрушенной колокольни.

Пабло Симон, который все слышал, увидел вдалеке на дороге колонну людей. Он заметно помрачнел и сжал зубы.

— Смотри, Пабло Симон, — спокойно и привычно мягко сказал ему человек в капюшоне, — я могу разобраться с этим. Но если увидят тебя, ты пойдешь на костер.

— Ну и пусть! Я не могу оставить вас одного с этими убийцами.

— Тише! Беги же, а то будет поздно!

— Нет! И горе тому негодяю, который тронет вас или обидит.

— Я говорил тебе, что стремлюсь основывать наш союз на любви, а не на ненависти...

— Моя ненависть — это любовь к человечеству! Я не святой, я ненавижу душегубов!

— Хватит! Они уже здесь. Быстрее прячься, где сможешь. Замри и молчи, и пусть тебя не слишком удивляет то, что ты увидишь. И помни: если ты убежишь, братья нашей ложи не позволят тебе выдать нас...

— Я останусь здесь не из страха, а по доброй воле... Не знаю, кто вы, но пусть вам повезет!

Пригнувшись к земле, он отбежал на несколько шагов и нырнул в щель между обломками стены. В это время к человеку в капюшоне молча присоединились двое братьев.

Шагах в ста от них зажглись несколько факелов, и группа людей миновала полуразрушенную стену, окружавшую старый замок. Пабло Симон, наблюдавший за происходившим из расщелины в толстой стене, видел, как братья спрятали под камнями свои плащи и подпоясались шнуром, тут же став похожими на обычных священников. А может, так оно и было?

В свете десятков факелов холодно блестело оружие подходивших к ним людей. Среди них юноша сразу узнал отца Педро. Высокий грузный священник шел растопырив руки, чтобы сохранить шаткое равновесие на обломках, покрывавших старинный пол. Свет факелов, казалось, делал красное лицо дородного клирика еще краснее, черты его были мелкими: маленький нос, вялый подбородок, глазки, зло блестевшие из глубоких морщин. Он не был человеком высоких идеалов или большого ума, однако ему нельзя было отказать в смекалке и находчивости, так что на каком-то этапе он мог стать опасным противником.

В этот момент первые люди с факелами приблизились к тройке братьев ложи. Пабло Симон едва смог сдержать возглас удивления:

таинственный человек в капюшоне, с которым он беседовал, оказался хорошо знакомым ему в мирской жизни отцом Матео.

— Вот почему я узнал его голос! — прошептал молодой человек.

Двух других он знал лишь в лицо, они служили в новой часовне в горах.

— Отец Педро! Что это за демонстрация военной силы? — спросил отец Матео, кивая в сторону упавшей колонны, где, опершись на мушкеты, стояли два солдата.

— О, это же отец Матео! Вижу, вы здравствуете, — съязвил тот.

— А что случилось? Неужели моя жизнь в опасности?

— Не могу этого утверждать, однако прокурор инквизиции Лонгин, который прибыл с нами, имеет определенные подозрения.

Из тени в свет факелов вышел сам Лонгин. Высокий, худощавый, весь в черном, с черными блестящими глазами, он оправдывал свое имя — «рожденный ранить».

— Отец Матео, с благоволения нашего Господа я узнал, что в этих местах собирается для своих ужасных вакханалий братство безбожников.

Брат Одиннадцатый едва не рассмеялся, но сдержался и продолжал слушать прокурора:

— Мы переживали за вас, ибо сегодня пятница, а именно в этот день они обычно собираются. Знаю, что вы с братьями часто наведываетесь в эти руины, чтобы предаваться размышлениям. Я по настоянию нашего заботливого отца Педро привел сюда своих людей...

— Благодарим вас, Лонгин, однако мы не слышали и не видели ничего необычного, — вмешался в разговор один из братьев ложи.

— В любом случае, Лонгин, думаю, следует внимательно осмотреть все потайные места, вдруг вы найдете какого-нибудь безбожника, который здесь прячется. Что вы на это скажете, отец Матео?

— Не буду возражать, отец Педро. Если так велит ваше сердце — пожалуйста.

Вооруженные люди разделились на небольшие группы по пять-шесть человек и исчезли в руинах. Несколько из них остались возле клириков.

— А что является предметом ваших размышлений, отче? — с насмешкой спросил отец Педро.

— Совесть, — ответил отец Матео. — Разве вы не знаете, что этот внутренний голос, наш добрый советчик, — примерно то же, чем был Христос для апостола Павла? Он живет в душе каждого, и его следует освободить.

— Ох, отец Матео, вы всегда были философом. Но нужно меньше философствовать, а больше верить, ведь если совесть человека — это что-то большое, то совесть всей Святой Церкви — еще больше. Нам нужно лишь повиноваться ее правилам, ибо она есть отражение Бога на земле, а человеку не подобает тягаться с Богом.

Матео кусал губы, слушая эти рассуждения, продиктованные корыстью, а не поиском истины; они призваны были поддерживать то политическое устройство и тот социальный порядок, которые были весьма выгодны отцу Педро.

Несколько минут прошли в молчании. Трое заговорщиков героически старались казаться спокойными, пока солдаты инквизиции, набранные из профессиональных бандитов и головорезов, сновали возле замаскированных входов в подземелье. У Матео был еще один повод для беспокойства — Пабло Симон. И больше для того, чтобы скрыть свое волнение, чем из желания поговорить, он неожиданно спросил отца Педро:

— Не жалеете, что пришлось идти сюда, покинув теплый очаг в приходе?

Его собеседник присел на колонну, все еще шумно дыша и барабанил пухлыми пальцами по животу, и ответил:

— По правде говоря, я предпочел бы доброе вино из моей бочки этому холодному и сырому воздуху.

— Не следует забывать книгу Исаяи, где сказано, что вино может погубить даже пророка, — не сдержался самый молодой из братьев, проявив неосмотрительность.

— Есть много вещей, которых следует остерегаться больше, чем пророчеств Исаяи, — прозвучал раздраженный ответ. — Лонгин, лично отбери дозорных, пусть перевернут здесь все плиты во дворах, осмотрят подземелье, поднимутся на башню!

— Будет сделано, отец Педро.

Ум этого приходского служаки работал лучше, когда от него требовалась реакция, а грозящая неудача пробудила в нем чуткий инстинкт охотничьей собаки.

Матео еще больше забеспокоился, хотя и знал, что в доступных подземельях братьев не найти, даже если постараться.

Грохот переворачиваемых камней и плит эхом разносился в темноте, как шум далекой битвы.

Наконец, когда солнце уже поднялось над горизонтом градусов на десять, вернулся Лонгин в испачканной одежде, с расцарапанными в кровь руками.

— Нет тут никого! Мы обшарили все подземелья, там полная разруха и ни души. Никаких следов безбожников. Отец Педро, мои люди устали, раздражены и хотят пить. Прикажите прекратить эти бесполезные поиски!

Два десятка разбойников за его спиной загудели, по-звериному поддерживая просьбу своего предводителя.

Отец Педро, тщеславный и жестокий, опирался на этих людей и потакал им, осыпая подарками и разного рода маленькими радостями. Поэтому его решение было предсказуемо.

— Проклятые псы! Наверное, они заметили, как мы приближаемся, и сбежали. Собирай своих людей, Лонгин, и веди нас в приход.

Толпа одобрительно заревела, и головорезы радостными завываниями сообщили новость своим товарищам, которые все еще рыскали в отдалении.

Трое братьев ложи вместе со всеми быстрым шагом двинулись в городок, а в руинах осталось несколько человек, которые должны были нести дозор, пока не придет смена или пока ситуация не определится.

Пабло Симон целый день оставался практически неподвижным, заживо замуровав самого себя. Расщелина, в которой он прятался, находилась в римской стене трехметровой толщины. Он тщательно заделал края расщелины с обеих сторон, одновременно засыпая ее обломками камня.

Сделав таким образом свою щель меньше, он дождался, пока сумерки не стерли краски с пейзажа вокруг, и, пытаясь не шуметь, выбрался из своего заточения.

Неподалеку несколько гвардейцев инквизиции болтали, согреваясь жидким огнем — настойкой из большой бутылки.

Он едва мог двигаться — от долгого сидения в столь неудобной позе затекли ноги. Со всеми предосторожностями юноша добрался до одного из потайных входов, где дверью служила тяжелая каменная плита. И убедившись, что его никто не видит, постучал, как это не раз делали на его глазах братья. Он подождал некоторое время, но снизу не донеслось ни единого звука. Попробовав отодвинуть плиту, он понял, что ее закрыли на тяжелые засовы, а с ними не справилась бы и сотня человек.

Приближавшиеся шаги одного из солдат заставили его метнуться в углубление старинного портала. Оттуда ему было видно, как блестящие сапоги выдавливали в земле еле заметное напоминание о себе. Когда шаги солдата стихли вдаль, Пабло Симон осторожно выбрался из укрытия и вернулся к плите. Он еще раз постучал маленьким камешком, но ответа опять не было. Он снова попробовал сдвинуть плиту, и, к его неопишуемой радости, она немного подалась безо всякого шума. Молодой человек замер, отошел на несколько шагов и внимательно огляделся. Вокруг не было ни души, ближайший костер горел метрах в двухстах от него. Он вернулся к потайному входу и так быстро, как смог, немного отодвинул плиту, чтобы пролезть через отверстие. Внизу царили густой мрак и тишина. Пабло Симон спустился на несколько ступенек и остановился, чтобы задвинуть плиту на место. И когда ему это удалось, сошел по оставшимся ступенькам в галерею. Неожиданно сбоку распахнулась дверь, и в исходившем оттуда свете стало видно, что его окружило тесное кольцо людей в капюшонах, а несколько шпаг медленно приблизились к его телу.

— Ты один? — спросил кто-то.

— Вы же видите. Опустите шпаги, братья! Мне удалось обмануть людей Лонгина... После того, как я узнал вас, меня совсем не влечет обычный мир.

Острия шпаг не шевельнулись, и тот же самый голос произнес:

— Говори правду! Если гвардейцы поблизости, то тебя наверняка видели и выследили. Нам надо это знать, и если так — мы завалим эту галерею камнями и собьем их со следа. Если ты сбежал от них — то должен рассказать, как это получилось!

— Повторяю — никто за мной не гнался. Я двадцать часов провел на ногах в укрытии, лишь бы не навести их на след... Только не знаю,

как там отец Матео... Братья, сжальтесь, позвольте мне отдохнуть!

При этих словах бедного страдальца шпаги опустились, и один из братьев, возможно старший, повел его в ближайшую келью.

— Ты должен простить нас за такой прием, милый юноша, ибо Иисус также учил защищать все благородное от посягательств зла. Для нас братство является чем-то более благородным и гораздо более христианским, чем другие общины, исповедующие бездумное идолопоклонство и кровожадный фанатизм. Это пристанище для немногих истинных христиан, которые, даже будучи гонимы и истребляемы, сохраняют неоценимую привилегию оставаться добрыми, искренними и свободными от ненависти к тем, кто ощущает Бога не только через нашего дорогого Учителя, но и с помощью Моисея, Платона, Мухаммеда или кого-то еще. Все они советуют практиковать добро и добродетель... А теперь отдохни и поешь, а потом тебя проводят в твою келью — и отсыпайся сколько захочешь. Возможно, брат Одиннадцатый вернется завтра.

Устроившись на деревянной скамье, Пабло Симон опустошил большую миску супа с хлебом и выпил несколько чашек воды. Потом лег, не раздеваясь, на скромное ложе и провалился в глубокий сон...

— Добрый день, Пабло Симон.

Без капюшона было видно, что лицо отца Матео освещает прекраснейшая из его улыбок. Светло-каштановые, почти рыжие волосы, серые глаза и белая, как облатка для причастия, кожа делали его похожим на скандинава, хотя на свет он появился на побережье Средиземного моря. Он принадлежал к тем особенным людям, которые везде в своей стихии — и служа мессу, и управляя судном, и руководя войсками. Ему было около пятидесяти, однако на вид он был ненамного старше Пабло Симона и с высоты своего роста излучал настоящий оптимизм.

— Отец Матео, доброго вам здоровья! Как вам удалось ускользнуть от отца Педро и Лонгина? А братья тоже вернулись?

— Сколько вопросов сразу! Да, когда-то я тоже задавал массу вопросов... Все хорошо. Отец Педро думает, что я прогуливаюсь в горах, а Лонгин, который ненавидит меня едва ли не больше священника, не имеет никаких фактов против меня и вынужден ждать, пока я не допущу какую-нибудь ошибку. А тебя никто не видел?

— Нет. Я прятался до самой ночи. Однако отец Педро что-то подозревает... Мне кажется, что всем нам грозит большая опасность...

— Не преувеличивай. Я имею связи в курии, и эти люди лишают наших врагов свободы действий. Они сеют раздоры между ними, натравливают одних на других. Есть у них такой недостаток — большая любовь к золоту, богатому столу и служанкам. Все это, как ты знаешь, оборачивается их слабостью и делает их уязвимыми.

— А есть в тайных братствах кардиналы и епископы?

— Конечно, есть, и их намного больше, чем ты можешь себе представить.

— Но почему же тогда продолжает действовать инквизиция, почему высасывают последние средства у невинных людей, поработанных страхом и предрассудками? Почему не принести на Запад истинное христианство, разумное и доброе?

— По той простой причине, что в Божьих намерениях — приберечь эти улучшения на будущее. Наших противников в сотни раз больше, да и в политико-экономических средствах у них такое же преимущество.

Брат Одиннадцатый помрачнел, а на лбу, покрытом тонкой паутиной морщин, явно проступили озабоченность и боль.

Уже одетый, Пабло Симон прошел с ним по галереям в келью-библиотеку. Спустя десять долгих минут наставник прервал молчание, проронив печальные слова:

— Очень больно это признавать, мой милый юноша, однако большая часть людей тоже против нас... Крестьянам и ремесленникам — людям с добрым сердцем, но невежественным и ожесточившимся вследствие религиозного фанатизма и политического террора — ближе тот символ веры, который гласит: «Вступай в воинство инквизиции, и тебе будет позволено свободно убивать, грабить неверных, прелюбодействовать. Тебе простится все, ибо ты делаешь это, служа Господу». Ужасно, как много людей поработано во имя свободы! Как много крови пролито под девизом милосердия и смирения! Погребальный костер из тел мудрецов, принесенных в жертву во имя мудрости, так велик, что достает до облаков!

Священник снова умолк, и постепенно черты его лица обрели обычную мягкость и доброту. Он пригласил Пабло Симона на ужин к себе в келью.

Комната отца Матео была не богаче, чем комната молодого химика, ее размер и убранство были почти такими же: кровать, пара жестких стульев да простой стол, какие стояли во всех деревенских домах. Стены были увешаны многочисленными пергаменами и деревянными табличками со священными надписями и символами.

Обстановка напоминала строгий монастырь: просто и скромно, без излишеств, но, в отличие от монастыря, здесь не чувствовалось уныния, а умеренность не была показной. Гравюры и рисунки были выполнены с исключительным мастерством, а над кроватью, покрытой соломенным тюфяком, висел развернутый куб из литого золота в форме семеричного креста.

Один из братьев ложи принес плотный ужин, который они съели с большим аппетитом.

— Через три часа я должен вернуться в свой приход, — негромко произнес брат Одиннадцатый.

— Ох и зол же будет отец Педро!.. Отец Матео, вы сегодня говорили об идолопоклонстве...

— Прости, что перебиваю, но очень тебя прошу, не называй меня отцом, ибо все мы дети одного Отца — Бога. Я твой брат... Если я стану твоим учителем, можешь говорить мне «отец», но скорее в духовном смысле слова.

— Вы правы, но порой привычка бывает сильнее, чем лавина, чем бурный поток.

— Обычай и привычки — это моральные потоки, и нужно строить дамбы разума, чтобы направлять эту силу в русло правильного действия и распознавания.

— Так и есть. Брат, я спрашивал вас про идолопоклонство. Отец Педро и другие в своих проповедях обвиняют тех, кто поклоняется образам, в ложной вере, но разве поклонение наших правоверных статуям дев и святых не похоже на идолопоклонство?

— Не просто похоже, это оно и есть; преступление — это преступление, как здесь, так и в Китае, и не важно, одет ли преступник в черное, белое или красное. Критиковать других, ничем от них не отличаясь, — подло и низко. В христианстве везде, в любой из его сект есть явные признаки идолопоклонства. В апологетике сказано, что истинно верующие через статуи святых и священные реликвии молятся единому Богу; будь так, христианину было бы не важно, стоит

ли он перед статуей святого Игнатия или Девы Марии Скорбящей. Но на самом деле все иначе: каждый почитает одного или нескольких святых и не готов поклоняться какому-то другому святому, которого, возможно, выбрал для себя его брат или отец. Получается, весь народ верит в какие-то второстепенные божества, которые, по его представлениям, помогают приблизиться к единому Богу, и даже выбирает для себя личных или семейных полубогов.

— Это самое настоящее идолопоклонство.

— Ты прав, Пабло Симон, но если бы этим все ограничивалось, то было бы еще не совсем идолопоклонством; пожалуй, это больше напоминало бы чувственный пантеизм.

— Да, действительно...

— Все гораздо хуже; одного и того же святого обычно почитают в тысяче разных образов; но попробуй поменять местами иконы или скульптуры из двух разных деревень — и ты увидишь, как «истинно верующие» отвергнут чуждые им изображения и потребуют вернуть свои, поскольку те якобы наделены чудодейственной, как правило целительной силой. На церковном совете мы часто сталкиваемся с одной проблемой: некоторые образы изнашиваются настолько, что чуть ли не разваливаются на куски, но заменить их невозможно, ведь среди верующих могут начаться волнения. И эти представления нельзя приписать фанатизму народных масс, их внушили людям почитатели древнего афоризма: «Одним мудрецом управлять гораздо сложнее, чем тысячей невежд». Обычно церковные авторитеты, проповедуя одно, поступают совсем по-другому: изливая хулу на идолопоклонство, сами и порождают его, причем в весьма грубой и примитивной форме... Ты слышал про так называемых «черных мадонн»?

— Да, они считаются чудотворными, а некоторые из них — божественного происхождения...

Священник не сдержал улыбки, и в словах его послышалась ирония:

— У человеческой Судьбы прекрасное чувство юмора! Так вот, Пабло Симон, эти статуэтки из дерева или черного камня появились во времена язычества. Большинство из них — статуи богини Астарты, их создали в эпоху Римской империи, но есть и изображения особых божеств, имена которых благоразумнее не разглашать. Им более десяти тысяч лет, они принадлежат исчезнувшему культу, который

существовал на последнем осколке континента атлантов — острове Посейдонисе и на соседних островах. Эти статуи действительно имеют сильный энергетический заряд, они были заряжены магическим способом благодаря знанию законов Природы и психологии, знанию, которое сегодня утрачено всеми, кроме немногих. Одну из подобных статуэток вынесли на берег морские волны, там ее и нашли и теперь используют, ничего не зная о ее происхождении. Видишь, иногда даже Божественное позволяет себе пошутить... Сегодня ей пылко поклоняются как христианской реликвии... Но даже не сомневайся: под маской того или иного святого сейчас ценится лишь собственная безопасность; от святых требуют покровительства, жизни для друзей и смерти для врагов. Разве просят о чем-то ином, освящая оружие перед сражением? Говорят, нет более мрачного и омерзительного зрелища, чем труп человека, но уверяю тебя, о стремящийся к истине, что еще страшнее и отвратительнее выглядит труп религии. В ее мертвой плоти зарождаются духовные черви, и вскоре от ясного ума, светлой обители разума, остается лишь раковина бесформенного ядовитого моллюска. К нашему сожалению, некоторые религии рождаются почти мертвыми, ведь всего через несколько лет после их появления от их имени начинают творить чудовищные вещи... Что ж, мне пора... Замучив разговорами, я научу тебя не тянуть меня за язык, — добавил он с улыбкой.

Через несколько минут он снял свою тунику и надел облачение обычного клирика; внешне он снова стал отцом Матео.

Чем тише звучали шаги доброго наставника, тем слабее становились для Пабло Симона внешние ощущения. В его обнесенном стенами внутреннем убежище росло страстное, неудержимое желание духовного свершения. Он хотел бы пройти посвящение в Мистерии! Да, всего несколько месяцев назад жизнь не давала ему никакой надежды, достойной того, чтобы ее лелеять, и вот теперь в нем поселилось самое лучшее стремление, доступное человеку, стремление к тому, о чем говорили все Учителя, все религии: к Духовному Совершенству.

Жизнь молодого человека потекла своим чередом; все, что его окружало, дышало благородством и чистотой. Еще прежде, в своей химической лаборатории, он научился работать последовательно, но эта методичность была инстинктивной, обыденной. А в криптах

«Руин» его труд носил в большей степени духовный характер: сами усилия были такими же, но их направленность удивительным образом отличалась. Один день не походил на другой, и каждый его чему-то учил, а душа, вкушая мистические блюда спокойствия, мудрости, красоты, росла здоровой, жизнерадостной и сильной.

Спящие побеги на верхушках деревьев разомкнули свои веки, и прикосновение солнца наполнило стволы и ветви новыми жизненными соками. Пабло Симон любовался окружавшим его миром, будто видел в первый раз; его, словно маленького ребенка, все завораживало и восхищало. Он мог часами наблюдать за тем, как быстро растут грибы, как возвращаются домой ласточки, или слушать странные голоса, доносившиеся грозовой ночью из сосновых крон.

Но при этом влюбленный в истину разделял роковой и неизбежный удел всех влюбленных: он не только наслаждался, но и страдал... Ему не открывался абсолютный смысл всего этого средоточия сил и совершенств, коим является Природа. А для человека нет ничего хуже, чем не видеть цели и смысла добра и красоты. Ведь так он незаметно приходит к нелепому и подлинно атеистическому понятию личного Бога, способного радоваться или огорчаться; Бога капризного, который может поддаться гневу, который избирает одни народы и ненавидит другие, — иными словами, еще более ограниченного и злого, чем простые смертные, которые, тоже будучи родителями, дарят любовь всем своим детям.

Пабло Симон сбросил умственные и психологические оковы, которые ему навязывали в течение многих лет, но, разрушив свою старую духовную хижину, очутился под открытым небом, у стен великолепного дворца, выстроенного лишь наполовину. Душа, проделавшая слишком долгий путь, чтобы поддаваться материализму или бесплодному культу тоски и отчаяния, ждала... Таинственное «нечто» вело ее к еще более таинственному «Тому»...

Деревья, пробудившись в новом цикле физического сознания и обнаружив свою наготу, поспешно надевали наряды из листьев. Солнце с каждым днем приближалось к зениту, и мириады полевых цветов совершали такое же замечательное усилие — стремились вверх, к свету.

В один из самых ярких солнечных дней Пабло Симон собрал в кулак всю свою смелость и предстал перед братом Одиннадцатым с

просьбой по всем правилам принять его в ложу в качестве ученика. От одной только мысли, что ему могут отказать, у молодого человека дрожали руки и терялся дар речи.

Брат Одиннадцатый сначала предельно мягко и доброжелательно похвалил его за такой достойный шаг, но потом предостерег:

— Избранная тобой дорога проходит сквозь тернии; ты не сможешь их избежать, даже наш Учитель Иисус Христос не смог. Будучи великим наставником в Мистериях, он должен был в равной мере учиться, сражаться и страдать. Послушай, Пабло Симон, если ты не в силах противиться любому налетевшему на тебя желанию, если желания правят тобой, а не ты ими, если сыновей из плоти и крови ты ценишь больше, чем духовных детей, если хочешь спокойно умереть в своей постели — беги с этого узкого пути, ибо сильным он дарует славу, но слабых сводит с ума и низвергает.

Солнце, словно обессилив, упало за вершины гор. Укрывшись в руинах, они молчали. Брат Одиннадцатый погрузился в свои размышления, а Пабло Симон был поражен тоном и силой слов наставника. Некоторое время спустя, будто пытаясь немного смягчить свое предостережение, человек в капюшоне добавил:

— Хотя некоторые из нас, выбрав этот путь, уже многие годы идут по нему без особых затруднений... и очень счастливы...

Пабло Симон поднял свой взгляд; в глазах наставника было столько спокойствия, что он вздрогнул от страха перед неизвестностью. Какие враги подстерегают его на «Трудной Стезе»? Хватит ли ему храбрости? Не слишком ли поздно вставать на этот путь?

Ответы брата Одиннадцатого не заставили себя долго ждать:

— Запомни: даже самый слабый, соединяясь с Божественным, становится сильнейшим, даже один он будет в большинстве против всех остальных. Твой физический возраст благоприятствует тебе. Человеку свойственна ошибка впадать в крайности, так что не думай, что посвящение — дело простое, но не думай также, что оно чрезмерно трудно.

Молодому человеку оставалось только изумляться, насколько легко читались его мысли.

— Здесь нет ничего сверхъестественного; конечно же, каждый наставник читает в душе своего ученика, но скорее в силу собственного ученического опыта, чем благодаря

парапсихологическим способностям... Не пугайся таинства, стань его возлюбленным сыном: знай, что величайшее таинство, корень всех тайн — это неизменный и неподвижный двигатель вселенной, и приблизиться к нему можно только с помощью мудрости. Действие и бездействие, добро и зло, все видимые и невидимые царства Природы — всего лишь поле деятельности, лишь пути, длинные или короткие, но неизбежно ведущие к мудрости.

— Но вы призываете к добру и, что еще важнее, делаете добрые дела. А может ли зло тоже вести к Богу?

— Нет, если под Богом ты понимаешь высшее Благо; но рано или поздно зло неизбежно должно трансмутировать. Добро — это зло, трансмутировавшее благодаря эволюции, а зло — это добро, павшее под действием инволюции.

— Тогда получается, что по сути своей Доброе и Злое это одно и то же?

— А разве могут существовать две абсолютные субстанции? Разве могут сосуществовать две абсолютные силы? Ты же знаешь, что нет. Все главное, основное непременно должно быть единым.

— Значит, почтенный брат, добро и зло — это одно и то же, и суть их одна?

— Суть одна, но она находится за пределами добра и зла в том смысле, какой мы придаем этим понятиям исходя из нынешнего состояния нашего ума. Она лежит, как бы это сказать, «по другую сторону» всего проявленного. И как бы ни хотели любители логики все свести к понятному и разумному, такова очевидная истина Природы, а мистическая аскеза это подтверждает. Собака — домашнее животное и друг человека, и мы называем ее хорошей; лев, напротив, кажется воплощением дикости, он, если бы мог, разорвал бы и пожрал всех людей вокруг, и мы говорим, что это вредное, злое животное. Но действительно ли лев и собака хорошие или плохие? Не будет ли это просто-напросто нашей эмоционально-ментальной оценкой, даваемой по внешним проявлениям, совершенно априорно? Разве пес является «хорошим» по отношению к своим жертвам, или к животным, которых мы убиваем, чтобы его накормить, или к тем существам, которых он выслеживает на охоте и предает в руки убивающего их человека? С другой стороны, разве лев причиняет зло деревьям, скалам, бабочкам?

— Брат, но разве можно сравнивать скалу и человека? Разве человек не бесконечно более ценен?

— На твой взгляд — может быть, но не с точки зрения Божественного, правящего нами.

— Простите мою настойчивость...

— Меня заботит только, чтобы эта настойчивость была вызвана жаждой мудрости.

— Я лишь хотел сказать, что вы же сами утверждали, что мы способны воспринимать лишь проявленное, имеющее форму. Как же тогда познать замысел Бога, или Божественного, как вы его называете?

— Бог, которого ты, вероятно, представляешь себе, опираясь на общепринятые концепции, — не совсем то же самое, что Божественное, о котором говорю я, но в данном случае это не важно. Хорошо, а как ты узнаёшь политические взгляды своих соотечественников?

— По тому, что они говорят, пишут или делают.

— А чьи-либо кулинарные предпочтения — по тем кушаньям, которые он подает на стол?

— Кажется, я понимаю, к чему вы ведете...

— К истине, Пабло Симон! Замысел Божественного ты можешь познать точно так же, как в этих примерах: по его творениям. Солнце согревает всех, и все бескрайние запасы природных ресурсов дополняют и уравнивают друг друга таким образом, чтобы каждому их хватало для развития. У хищников в избытке добычи, у птиц — зерен, у камней — химических элементов, тепла и давления. Природа не знает пристрастий. Нам отвратительна пища шакала, а ему были бы противны наши изысканно приправленные блюда.

— Я согласен, но является ли разум преимуществом?

— Для человека это дар и преимущество, поскольку у него есть соответствующие проводники — физический, эмоциональный и ментальный; но был бы разум так же полезен другим творениям Природы, не подготовленным к этому? Разве бомбарда не является в руках взрослого человека средством защиты, а в руках ребенка или безумца — источником опасности?

Пабло Симон ощутил, как на него начали опускаться удивительная ясность и спокойствие, отблески которых он всегда ощущал среди сверкающих космических листьев древа ночи. Это «нечто», которое он

много раз предчувствовал, приближалось к нему, и с каждым шагом в его сторону усиливались ожидание и надежда. Наконец он решился задать еще один вопрос.

— Скажи, о мудрый брат, появляется ли божественная искра разума благодаря совершенствованию этих проводников, или эта искра сама шлифует их? Другими словами, присущ ли разум потенциально всем существам, даже животным, или он сходит с Небес как награда?

— Милый юноша, скажи, прокладывает ли река сама себе русло, или благодаря руслу собираются слабые потоки воды и образуют реку?

— Станный вопрос! Я думаю, что обе причины дополняют друг друга.

— Правильно думаешь; но разве вода, которая в конце концов станет рекой, прежде не упала с неба? И разве закон, которым она была при этом движима, не соответствует зову необходимости и естественной воле всех вещей? Вот и ответ на твой вопрос: вода в облаках — это Разум, а лучше сказать — космический разум; река — разум человека; а русло — низшие проводники человека, которые вода наполняет и по которым она течет.

— Я понял тебя, брат, но как-то иначе, чем обычно; и я привыкаю понимать этим способом — не только умом, но и какой-то интуитивной силой, которая отзывается на твой голос.

— У слова «понимать» есть гораздо более широкое и действенное значение, чем принято думать. Знай, Пабло Симон, что во все времена все религии в своем изначальном состоянии считали, как считает и философия, что наша Солнечная система — это огромный организм; центром и сердцем его является Солнце, а планеты — его органы. Между ними происходит взаимный обмен изначальной энергией, и эта энергия, направленная однажды звездой-царем, течет по всем энергетическим системам артерий и вен до самых дальних пределов ее царства — тела. Дух, телом которого является эта система и «точка сознания» которого находится в Солнце, и есть наш Бог, единственный, кого мы можем воспринять нашими ограниченными способностями. В свою очередь, этот дух является учеником и частью другого, звездного организма, еще большего, а дух того, другого организма — это его Бог. Я весьма настоятельно советую тебе, прежде чем выносить какое-то суждение о том, что я тебе рассказываю, сделать усилие и избавиться от всех предубеждений и примитивного понимания, что возможно, а что невозможно. Запомни слова благого Учителя: «Как наверху, так и внизу»; об этом же говорили все Учителя до него и будут говорить всегда. Вспомни твоего любимого философа Платона, его слова «познай самого себя» дадут тебе ключ. Если ты изучишь, как твои тонкие принципы взаимодействуют с телом и влияют на его функции, ты без труда поймешь то, что я только что нарисовал тебе в бесконечно большем масштабе. Твое тело населяет множество существ... Постарайся открыть эту тайну... Не проси больше света, лучше избавься от слепоты!

— Все это так необычно...

— Да, ведь тебя воспитывали в других представлениях, которые давно потеряли силу из-за многочисленных искажений и вставок, и за ними ты не видишь единой структуры — той, о которой я тебе рассказываю. Но разбей свои ментальные оковы! Взлети, сын Неба! Очень спокойно обдумай всё и рассмотри целостно, а потом, если предпочтешь то, чему тебя учили прежде, можешь продолжать верить в это, я тебя принуждать не буду. Я не проповедую какую-то религию или какое-то учение, а изучаю их все, и меня интересует лишь общая для них суть. Я не навязываю тебе догму — я указываю тебе путь; я не жду от тебя подчинения моим мыслям — напротив, язываю к твоему разуму и хочу освободить его; наконец, я не говорю ничего, что не

считал бы истинным, и не требую от тебя большего, чем делаю сам. Поразмысли над этим, Пабло Симон, и, если к следующей весне ты будешь тверд в своем желании приобщиться к священной науке, к сокровенным Мистериям, я приму тебя в ложу и обниму как сына.

Глаза брата Одиннадцатого сияли в ночи блеском голубых звезд. Он положил руки на плечи собеседнику и сказал очень тихо, но так, чтобы дотянуться до глубин его души:

— Запомни навсегда то, что я сейчас говорю. У тебя есть один год; если в течение года намерение, которое ты мне сегодня высказал, изменится, никто из нас не будет в обиде. Я буду любить тебя точно так же, и, весьма возможно, если пообещаешь не разглашать то, что видел и слышал, ты вернешься к прежней жизни, а здесь у тебя останется много преданных друзей. Но если ты решишь вернуться к обычной жизни в конце этого срока и после Посвящения или если будешь позорить братство, предупреждаю, лучше не решайся на это. Хотя даже в этом случае ты в любой момент можешь уйти, но данное тобой слово не должно быть нарушено даже под страхом смерти. Хорошенько об этом подумай, Пабло Симон!

Наставник убрал руки с его плеч и, добродушно улыбнувшись, указал ему на вход в подземелья.

Молодой ученик все отчетливее чувствовал присутствие скрытой стороны мира и повсюду наблюдал божественное единство Природы. Месяц за месяцем проходили в мире, свободном от оков прошлого, и Пабло Симон все больше проникался духом братства, а главной целью его жизни стала возможность приобщиться к Мистериям. Подобно камню, брошенному на дно реки, он смывал с себя грязь, налипшую за долгие годы, и его душа, постоянно соприкасаясь с этой живой и прозрачной средой, полировала свои шероховатости и вновь обретала совершенную, сияющую форму.

С наступлением осени он обрел спокойствие, а на его пути обозначилось нечто, что должно было очень серьезно повлиять на его жизнь. Это был человек, которого в приходе знали как отца Иустина. Ровесник Пабло Симона, телосложения он был очень хрупкого. Среднего роста, с большими и бесконечно добрыми глазами, с правильными, детскими чертами лица, он выглядел лет на десять младше своего возраста. Пабло Симон знал его давно, но никогда не чувствовал к нему особого расположения. Он, ученый-мыслитель,

бесстрашный, но одновременно скупой на слова, не мог найти ничего общего с Иустином, крайне набожным мистиком, застенчивым и, видимо, неспособным мыслить абстрактно и сражаться за добро, какими бы принципами он ни руководствовался. Пабло Симон считал его одним из тех людей, которые, будучи слишком робкими или унылыми, чтобы влюбиться в женщину, влюбляются в Бога слепой, глупой любовью, основанной на страхе, слабости и нездоровой тяге к самоистязанию.

Однако тот отец Иустин, которого он узнал в «Руинах», каждый день доказывал, что прежние суждения были поспешными и неверными. За мягкой, женоподобной внешностью скрывалось огромное сердце, готовое на любую жертву во имя ближнего. Под покорным и мягким характером таилась стальная воля. Далекий от чувственного и слезливого мистицизма, он любил безымянного Бога, не имеющего человеческой формы и человеческих качеств, и почитал его в Природе. Наконец, он относился к тому типу людей, далеко продвинувшихся на пути почитания Божественного, к которому, несомненно, принадлежал и сам Учитель Иисус.

Никому в ложе, кроме брата Одиннадцатого, разговаривать с Пабло Симоном не разрешалось, но тут было сделано исключение, и молодые люди почти каждый вечер до глубокой ночи беседовали на философские и религиозные темы; иногда при этом присутствовал и брат Одиннадцатый. Их разговоры принесли неоценимую пользу будущему ученику — они давали ему возможность жить рядом с человеком, который мечтает о том же, что и он, ведь все мы нуждаемся в подобных людях, а они нуждаются в нас. Пабло Симон понял, что в основе дружбы может лежать нечто гораздо более возвышенное, чем попойки и грубые развлечения. Раньше друга у него никогда не было, и для него стало счастьем обрести его.

Но в какой-то момент отец Иустин, или брат Восемьдесят Второй, как звали его здесь, перестал посещать ночные беседы. Брат Одиннадцатый уклончиво сообщил Пабло Симону, что кое-что задержало Иустина в приходе помимо его воли. Однако тот заметил волнение и тревогу всех братьев; некоторые из них, самые молодые, вели жаркие споры.

В конце концов он узнал, что его любимый друг попал в руки инквизиции и находится в городской тюрьме. Его судили и после

обвинительной речи Лонгина признали виновным. Это означало лишь одно: костер! Судья, предвидя народные волнения, спешил исполнить приговор как можно быстрее. Брат Одиннадцатый вернулся на закате, и Пабло Симон выбежал ему навстречу.

— Господин, почему вы скрыли это от меня? Он умрет! Умрет на костре!

— Успокойся, бедный юноша! Что толку в том, что ты бы узнал? Ты говоришь, что он умрет, но ведь это признак невежества: смерти не существует для тех, кто не хочет ее видеть. Жизнь неразрушима, и она продолжается, то оживляя это тело из плоти, то существуя в виде энергии... Это нечто новое для тебя, ты еще все это узнаешь.

— Я знаю, знаю, брат! Дух не может умереть, но я не «чувствую» это своим сердцем! Его сожгут! Как поступит ложа?

— Ложа сделает все возможное в рамках разумного.

— Давайте нападём на тюрьму инквизиции!

— Умерь свой гнев, Пабло Симон, прошу тебя! Нужно сражаться за идеалы, а не за людей! А ты не хочешь узнать, что думает обо всем этом брат Восемьдесят Второй?

— Хочу, но что бы он ни сказал, я знаю, что в глубине души ему будет страшно...

— Ошибаешься! Этот юноша обладает невероятным присутствием духа, всего за несколько лет он достиг высокого уровня в братстве, и это сопровождалось внутренним ростом. Ему совсем не страшно расстаться с телом; он спокоен и ждет смерти в прекрасном настроении.

— Брат Одиннадцатый!..

— Довольно, Пабло Симон! Не говори, лишь бы что-то сказать, попусту возражая мне. Подумай над моими словами и извлеки из них урок. Именно этого хочет плененный юноша, который помнит тебя.

— Я хочу его увидеть!

— Может, это и получится, хотя я сомневаюсь. А сейчас вернись в свою келью. Мне нужно подумать, — добавил он с плохо скрываемой усталостью.

Пабло Симон грустно попрощался с ним и пошел к потайной двери.

Он смог заснуть лишь на рассвете. Это было его первое столкновение с ложей. Он не был согласен ни с подобным

невозмутимым спокойствием, ни с безропотным принятием своей участи со стороны друга. К тому же на смерть он смотрел иначе — он все еще боялся ее, хотя и знал, что это неправильно. Тысячу раз он повторял себе, что брат Одиннадцатый прав, но вскоре гнев разбивал все разумные доводы, и на их обломках Пабло Симон торопливо строил самые нелепые планы.

Через несколько дней его душа успокоилась. Но все это время за ним внимательно наблюдали...

И вот однажды брат Одиннадцатый вошел в его келью и сказал:

— Завтра на рассвете его сожгут на городской площади. И это единственная возможность его увидеть, которую я могу тебе предложить.

— О, брат! За эти два месяца я свыкся с мыслью о его смерти, но все-таки моему сердцу снова беспокожно. Постарайтесь меня простить... Есть нечто, чего я не понимаю, и это причиняет мне жестокую боль!

— А я понимаю, но иногда даже меня терзают подобные вещи. Я не виню тебя, а лишь прошу постараться не винить и нас; это бы сильно огорчило брата Восемьдесят Второго.

— Не принимайте близко к сердцу мои глупости, прошу вас. Но я так страдаю! Я не в силах видеть, как он умирает. Скажите, брат, в чем его обвиняют эти подлецы?

— Прежде чем ответить, хочу тебе напомнить, что даже эти недостойные члены Святой инквизиции — твои братья, и ты должен ненавидеть зло, которое в них обитает, но не их самих — они всего лишь орудия собственных страстей, страхов и верований.

— Разве они не виноваты?

— Да, виноваты, но есть ли у тебя право судить? Разве не для этого существует божественный закон?

— А разве этот закон не находится и во мне самом?

— Конечно; но ты его бессознательный слугитель, а если попытаешься стать его вершителем, то можешь выйти за пределы дозволенного и вызвать сильнейшую реакцию этого закона против тебя и против того, кого ты защищаешь. В ответ на твой вопрос скажу, что наш брат, отец Иустин, для «внешних» людей обладает определенными психическими способностями, подкрепленными

полученными у нас знаниями, и это позволяет ему исцелять больных, особенно тех, кто страдает нервными заболеваниями. Ты знал это?

— Я что-то слышал об этом в семинарии, но не верил, пока не узнал здесь брата Восемьдесят Второго.

— У него очень гибкий и необыкновенно чистый разум, который обладает огромной гармонизирующей жизненной силой. Поверь мне, Пабло Симон, это прекрасный, исключительный человек.

— Я знаю и сам имел возможность убедиться в этом, дорогой брат.

— Так вот, наш с тобой общий друг по зову своего доброго сердца добился больших успехов в лечении. Ему было все равно, кого лечить — бедных или богатых, христиан или иудеев. Поначалу клир не слишком обращал на это внимание, приписывая чудесные исцеления молитвам и церковным реликвиям. Но затем прошел слух, что всего этого недостаточно для власти над Природой, что он принадлежит к какому-то «оккультному центру» и даже одержим дьяволом. Месяца три тому назад он вылечил от паралича сына казненного инквизицией мужчины, и это стало искрой, от которой вспыхнул порох. Его доброта и смирение поставили в неудобное положение отца Педро, Лонгина и даже трибунал. Ибо он был похож на настоящего мученика, тем более что люди любят его и одновременно побаиваются, ведь все уверены в его магических способностях. И за это его сожгут! И Христос имел те же самые способности.

— И Его тоже убили...

— Да... Так ты пойдешь?

— Конечно. Я должен...

— Мы тебя переоденем, и никто тебя не узнает, если будешь во всем нас слушаться. Надеюсь, ты не наделаешь глупостей и не навредишь ни себе, ни ложе. Я отвечаю за тебя перед великим Учителем.

— Не беспокойтесь. Обещаю быть благоразумным.

За три часа до того, как тени перебрались на запад, Пабло Симон уже был одет как член небольшого братства горных монахов. При выходе к нему присоединились еще несколько братьев, которые облачились так же, закрыв лица капюшоном.

Они шли молча, опустив головы, с толстыми Библиями в руках. Молодой ученик в который раз повторял себе, что должен хранить спокойствие и не поддаваться иллюзии внешних форм. Но если шаг

его был медленным и спокойным, то сердце в ожидании встречи с Судьбой неистово колотилось.

В городке царило необычайное оживление. Группки крестьян и посланцы разных церковных орденов стекались к большой центральной площади. Братья ложи держались еще теснее и тихо обменивались короткими фразами. Один из них, по виду старший, зажег большую свечу, чтобы освещать дорогу и не отличаться от других групп.

Самые первые вестники небесного светила уже начали окрашивать высокие облака, когда Пабло Симон и братья достигли площади. Квадратная звонница приходской церкви устремлялась вверх, подобно жезлу власти в царстве страха.

Понемногу все вокруг озарялось багрянцем, становясь похожим на ожидаемое кровавое событие. Посередине круглой площади возвышался зловещий символ этого этапа существования человечества — этапа невежества. В своем вечном движении колесо циклов времени сделало еще один оборот на Запад, к власти анархии и фанатичных культов тотемов. Священные Мистерии безымянной Религии мудрости выжили только в нескольких городах Египта, в уединенных центрах Греции, и к Средним векам в римских катакомбах и подземельях по всей Европе еще оставались немногочисленные, но героические остатки древнего братства, о котором с таким восторгом говорили Пиндар, Платон, Протагор, Юлиан и Эсхил.

Да, на площади поднимался костер инквизиции — угроза вольнодумцам, поэтам, физикам, астрономам и химикам. Никогда ни одно пламя не порождало столько теней, как костры инквизиции. Казалось, в небе над площадью звучат слова ангела из Апокалипсиса: «Горе живущим на земле!»

Пабло Симон едва не плакал от злости и отчаяния. Но тут к нему подошел монах и прошептал:

— Если ты Пабло Симон, то должен знать, что на костре сожгут Восемьдесят Второго.

— Да, а кто ты, брат?

— Сейчас это не имеет значения. Я тут по воле брата Одиннадцатого. Следуй за мной.

Братья, стоявшие рядом, одобрительно кивнули. Шагов через сто они свернули в проулок возле семинарии, где стояла двухколесная

повозка, окруженная более чем сотней простых солдат и примерно таким же количеством гвардейцев инквизиции на белых лошадях. Один из них выехал им навстречу, и лжемонах протянул ему вощеную табличку с печатью. Офицер немедленно отдал приказ, и кольцо стражей разомкнулось, пропуская посетителей. В черной повозке их ждал отец Иустин — изможденный, израненный, грязный, одетый в лохмотья, но с самой доброй улыбкой на устах. Уловив тревогу Пабло Симона, он подал тому знак подойти поближе.

Находясь рядом с приговоренным, молодой человек никак не мог постичь, как в таком хрупком теле могла существовать столь светлая и нежная душа, которую он узнал в часы их неторопливых бесед в «Руинах». Его поражало, что людям, которые принадлежали к ложе, удавалось силой собственной воли разрывать обычную взаимозависимость между душой и телом.

Охрана отошла шагов на двадцать, и они могли говорить свободно.

— Пабло Симон, бедный мой, зачем же ты пришел? Это зрелище не для тебя.

— Я сам попросил, друг мой.

— Я должен был это предвидеть... Возможно, тебе это пригодится... Потом... Да, пригодится...

— Не понимаю, о чем ты говоришь, но хочу помочь тебе. Я просил брата Одиннадцатого отбить тебя силой, чтобы избавить от ужасных мук на костре.

— И ты о таком просил? Ну и позабавил же ты этого мудрого человека!

На его бесцветных губах появилась искренняя улыбка, в которой не было ни грусти, ни насмешки.

— Как тебе удастся сохранять такую твердость духа?

— Потому что у меня есть знания и любовь к Божественному. Что может случиться со «мной»? Огонь поглотит эту оболочку из плоти, но меня не затронет. Я отождествляю себя не с телом, а с бессмертным духом, не подверженным никакому вреду. Платон ясно объяснил: все зависит от того, на чем сосредоточено наше сознание, дорогой мой.

— Но как, Бога ради, ты можешь спокойно об этом говорить? Разве ты сможешь избежать боли?

— Мог бы, но какая в том польза? Энергия мне понадобится для того, чтобы подняться к тонким мирам, откуда я смогу помогать людям

и быть ближе к нашему Господу. Страдания — это оплата всех долгов. Страдания освобождают и обновляют внутренние силы. Разве бывают роды без боли? И рождение в духовной жизни происходит точно так же, требуя крови и слез. Распятие дало нам воскресение.

— Тебе страшно?

— Важно не это. Главное, чтобы страх не владел нами. Человек должен властвовать над своими слабостями... Но тебе пора идти, Пабло Симон. Инквизиторы в нетерпении... Будь здоров, учись и вспоминай меня. И я буду о тебе помнить.

— Отец Иустин, брат! — задыхаясь от боли и гнева, едва смог вымолвить Пабло Симон. Но железные пальцы его спутника вцепились в его руку и быстро потащили на площадь.

Она была уже до отказа набита народом. В лучах рассветного солнца можно было увидеть отдельный помост для священнослужителей и отдельный — для членов трибунала инквизиции. Перед ним выстроилось оцепление из королевских арбалетчиков. Возле церковников на почетных местах расположилась и местная знать. Под навесом щебетали знатные дамы, которых очень интересовало, что ощущает человек, переходя в иной мир. Только встречаясь со строгими взглядами своих духовников, они смущенно затихали.

Огромные толпы монахов громко молились за спасение грешной души.

Пабло Симон и его спутник вновь присоединились к группе братьев ложи. Его весьма удивило, что на помосте был и отец Матео — бледный, но спокойный. Он беседовал с отцом Педро, которого на днях должны были повесить до кардинала. Его объемистый живот колыбался, а красное лицо выдавало волнение. Похоже, такое огромное скопление горожан на площади беспокоило его.

Добросердечный простой народ давно устал от постоянных денежных «кровопусканий», которые устраивали ему хозяева, и от равнодушия и бездействия церковников. Отец Иустин вылечил многих, явив подлинную духовную силу и необыкновенное знание свойств различных трав. А теперь он попал в ловушку ненависти и обмана, и его собирались сжечь на костре.

Монотонный барабанный бой оповестил о том, что повозка, окруженная конным караулом инквизиции, въехала на площадь.

Впереди шествовали экзорцисты — священнослужители, которые, как некоторые верили или должны были верить, обладали силой вселять страх в дьявольское воинство.

Над пестрой толпой поднялся страшный шум. Бродяги в лохмотьях потрясали своими железными клюками; пьяницы, как обычно, жестикулировали, не соблюдая никаких приличий; то тут, то там старшины гражданских орденов, увешанные оружием и наградами, выкрикивали имя самого кроткого, самого смиренного из Учителей. Однако эти возгласы только будоражили бедный, убогий народ, измученный страданиями, чумой, нищетой и предрассудками.

Двое инквизиторов держали под руки отца Иустина, одетого в красную хламиду с капюшоном, разрисованным черными дьяволами. Процессия остановилась перед помостом, над которым развевались хоругви. Размеренный стук барабанов сменился быстрой дробью. И Лонгин, не сходя со своего белого коня, откинул капюшон, скрывавший лицо приговоренного. Когда братья отца Иустина и те, кому он помог, увидели страшные следы пыток, среди них прокатился глухой стон. Он же одарил всех присутствующих улыбкой, ставшей еще шире, когда он встретился глазами с Лонгином. Тот придержал коня и отъехал.

Глашатай инквизиции зачитал выдвинутые обвинения. Отца Иустина обвиняли в колдовстве, а также в том, что в его тело, а точнее в печень, вселился дьявол, обвиняли в том, что он ест трупы обезглавленных детей, и даже в том, что принадлежит к некоему братству безбожников и душегубов. Лонгин приблизился к основному помосту и передал отцу Педро письменный вердикт. Тот тяжело поднялся и повернулся к отцу Иустину:

— Что ты скажешь на это, одержимый дьяволом? Трибунал инквизиции вынес приговор. Ты препятствовал экзорцистам и отказался вернуться в лоно Святой церкви. Однако, помня, что когда-то ты был добрым христианином, мы являем тебе нашу милость и подарим жизнь, если ты признаешь свою вину и поможешь нам погубить врагов Христа и его Посланника на земле. Говори, одержимый! Во имя Христа, вернись ко благу!

Обвиняемый стоял уже один, без сопровождения, цепляясь слабыми руками за край повозки. Глядя отцу Педро в глаза, он сказал звонким голосом:

— Покончим с этой комедией, Педро! Ты лучше всех знаешь, как я принял сан. Я достаточно чист и добр, чтобы не запятнать никого из вас. Дай мне покой, чтобы последние мгновения своей телесной жизни я мог посвятить молитве. Братья, слышащие меня! Иисус Христос сказал: «По плодам их узнаете их». Мой труд открыт перед вами. Возлюбленные мои, молитесь за этих людей. Умирают они, а не я. Они убийцы собственных душ. Из того, что вы слышали, правда лишь то, что я принадлежу к братству — и в этом братстве гораздо больше христианства, чем во многих церквях. И знаете, почему я присоединился к нему? Потому что наши священники ничему не учились и ни о чем не размышляли. Из-за политиканства и корыстного догматизма они забыли слова Учителя Праведности. Найдите Библию пятисотлетней давности, и вы увидите, что она сильно отличается от нынешней.

В этот момент Лонгин хлестнул коня, подъехал ближе и со всего размаха ударил приговоренного по лицу, крикнув:

— Нужно заставить замолчать этого демона, он развращает народ!

Отец Педро невольно поднялся с места, чтобы остановить его, но прокурор был слишком раздражен, чтобы это заметить.

В один миг площадь отозвалась ревом раненого зверя. Толпа горожан и студентов решительно двинулась к повозке с очевидным героическим намерением освободить отца Иустина. Отец Матео встал, а братья ложи, смешавшись с толпой, ждали лишь его знака, чтобы начать действовать.

Однако путь бунтовщикам преградили члены религиозных общин с тяжелыми дубовыми палками в руках. Столкновение было жестоким. Сторонники обреченного на смерть юноши вынуждены были отступить, но вооруженные косами, серпами и секирами крестьяне все-таки сильно помяли фанатиков.

Лонгин во главе сотни конных гвардейцев кинулся в самую гущу стычки, а в это время группки подростков добивали сбитых с ног людей, раскалывая камнями головы. Вскоре порядок был восстановлен, и отец Педро попросил осужденного продолжить свою речь, но покороче.

— Я не хотел этого! По моей вине убиты и покалечены люди... Заканчивайте скорее этот фарс, дайте всем спокойно разойтись по

домам. Да смилостивится над вами Господь, а мне пусть Он даст силу...

Израненный и уставший от накала чувств отец Иустин почти упал на дно повозки. Двое стражников кинулись к нему и подняли на ноги.

Пабло Симон не мог пошевелиться — братья крепко держали его за руки, опасаясь, что он совершит что-то безрассудное.

Отец Педро подал знак, и повозка подъехала к большому костру, в центре которого стоял пятиметровый толстый столб, а с него свисали кандалы и колодки.

Конная гвардия оттеснила возбужденную толпу, та ревела, сама не понимая почему.

Поставили лестницу, отца Иустина подняли наверх и крепко приковали к столбу. У него был какой-то удивительно отсутствующий вид, он не сопротивлялся и двигался, как автомат. И только когда солдаты отошли в сторону, снова стал самим собой и, хотя был теперь еще бледнее, улыбался, обводя глазами площадь.

Священник поднес к его губам крест на длинной железной рукояти и сказал:

— Эй, Иустин, если извергнешь демона, что овладел тобой, и поцелуешь этот святой крест, на котором распяли Господа, то еще сможешь спастись, ибо милость Пресвятой Богородицы безгранична.

Осужденный грустно улыбнулся и сказал:

— Мне стыдно за вас, я хорошо вас знаю и вижу, что вас привел ко злу фанатизм, для меня непонятный. Мой вам последний совет: лучше изучайте древние языки, потому что слово «демон» означает «дух», который вы сейчас и выгоняете из моего тела. Прошу, зажгите костер, я очень устал и измучен всеми вашими пытками, и мне будет обидно, если люди воспримут мою физическую слабость как недостаток веры или недостаток знания.

— Дьявол тебя побери, — процедил священник.

Чернь начала бросать камни в костер и выкрикивать оскорбления — так же рьяно, как некоторое время назад защищала казнимого.

Глава трибунала отдал приказ, и раздалась траурная дробь барабанов. Стражник снова накинул на голову мученика красный, разрисованный дьяволами капюшон и затянул его веревками.

Несколько священников-экзорцистов окропляли святой водой людей, которые выкрикивали имя Христа, размахивая сотнями

факелов и кидая камни в Иустина. Уже совсем обессиленный, он повис на цепях, которыми был прикован.

Громкая барабанная дробь послужила знаком для стражника, и тот кинул вязанку горящих веток к подножию столба. К нему присоединились все, у кого были факелы. Каждая церковная община делегировала для этого своих членов и пастырей.

Вскоре огромный костер полыхал, доставая до неба длинными красными языками и клубами черного дыма. Приговоренный не подавал ни единого признака жизни, даже когда какие-то жестокие люди тыкали факелами прямо ему в лицо, чтобы он пришел в себя и можно было поиздеваться над ним.

Отец Иустин тяжело приподнял голову и устремил свой взгляд, угадывавшийся даже сквозь капюшон, на безжалостных мучителей.

Отец Педро не смотрел на него. Он с подозрением осматривал подходы к площади, переживая за свою безопасность. Но рядом с ним отец Матео, бледный как смерть, будто окаменел и не сводил глаз с костра.

От ветра огонь перекинулся на капюшон мученика, и людям сразу открылось его обугленное лицо, обсыпанная пеплом голова и обгоревшие брови. Все ожидали истошного крика или страшных гримас, однако этот человек, который желал миру счастья, превозмог и свою нечеловеческую боль. На его обгоревших губах появилась широкая улыбка, а глаза устремились к небу.

Потом дым, скромный брат огня, скрыл предсмертные судороги тела, которое, ощущая, что душа покидает его, напоследок противилось этому.

А Пабло Симон видел только эту улыбку, выжженную в огне другим огнем — огнем Любви.

Глава IV. Сияющий венец

Юная дева Весны медленно превращалась в великую Матерь Природы; люди зовут ее Лето...

Пабло Симон был одет в белую тунику одежду недавно посвященных; на левой руке он носил горизонтальный символ, означавший восприимчивость, основательность и послушание.

Брат Одиннадцатый позвал его к себе, чтобы сообщить важные известия. Наступило полнолуние, и легкий ветерок, спускаясь с гор, наполнял ночь благоухающим ароматом.

— Приветствую тебя, Пабло Симон, а вернее, брат Сто Шестидесят Третий!

— Приветствую тебя, почтенный брат! Чувствуешь, какой ветер? Ради кого Природа надевает такие наряды? Ее красота становится зрелой, чарующей...

— Она ожидает своего Супруга... чтобы показать ему Сына. Замечал ли ты, что, когда наступает пора цветения, бутоны на ветках и недостроенные птичьи гнезда как будто чего-то ждут?

— Да... Но чего?

— И они ожидают Супруга. Он целует их, отправляется на охоту, а потом возвращается, чтобы познать плод своей любви. Так он завершает царствование Супруги, и венец, который был перевернут, словно амфора, поворачивается обратно и указывает в небо.

— Язык этот весьма неясный, но, хотя его устройство мне не очень понятно, я «чувствую» общий смысл, скрытый в нем. Иногда так говорил брат Иустин... Он будет рад моему посвящению?

— Очень, если ты прошел его по велению сердца, а в этом я уверен!

— Не сомневайтесь; я живу лишь для того, чтобы служить человечеству, следуя универсальной мудрости, безымянной религии безымянного Божества.

— Слова, сказанные тобой, — нектар, из которого ангелы создают мед праведников. Они собирают мед с цветущих душ... Возможно, когда-нибудь ты убедишься, что мои слова — это не просто метафора. Природа едина, мы же дробим ее, а когда в наших руках оказываются

ее осколки, плачем, не видя в ней жизни, и проклинаям Бога, создавшего Природу мертвой и пустой. Но запомни, брат, именно мы являемся убийцами Природы. И только мы можем воскресить ее; однажды наука и религия, объединившись, добьются этого. Но прежде необходимо избавиться и от нелепой потребности «увидеть и дотронуться, чтобы уверовать», и от тщеславных мыслей, будто современные исследователи намного превзошли исследователей минувших времен.

Ведь на пиках развития каждого народа были те, кто знал, что Земля круглая, знал о гелиоцентрической системе, о существовании невидимых «анималькулей» и эфирных существ, проходящих такую же эволюцию в эфирной среде, какую рыбы проходят в воде. Часть этих знаний станет общедоступной через пару веков, а часть — немного позже; и тогда ученые посмеются над нашими нынешними мудрецами так же, как те сейчас смеются над учеными, жившими двести лет назад.

— «Какою мерою мерите, такою и вам будут мерить».

— Верно. Что касается религии, она раздроблена на множество частей, внутри каждой из которых существуют тысячи сект. И вместо того, чтобы почитать То, на что указывают разные учителя, будь то Иисус, Мухаммед или Моисей, люди поклоняются «проводникам», будто они смертельно враждующие боги, а не разные воплощения или дети единого Отца. Изучая религии, ты увидишь, что все наставники всех времен учили одному и тому же, различия же возникали из-за исторических и географических особенностей; никто из них не называл себя Богом, а все разногласия между ними — это более поздние вставки, которые неисповедимыми путями возникают в сфере обрядов и ритуалов. Мы уже видим рядом с собой примеры подобного искажения, когда одна из форм религии, например религия мусульман, искажается внесением политических и военных элементов, никак не связанных с ее настоящими задачами. Священнослужитель, которому следует быть чистым, кротким и добрым, как правило, являет собой полную противоположность этим добродетелям. Он такой же продажный, как и обычный человек, он отдает приказы убивать и разрушать, он вмешивается в политику и извергает брань со священного амвона или просто-напросто ведет мирские дела, далекие от той цели, под предлогом которой он занял столь высокий пост. В

крупных городах во время аутодафе эти служители религии вместо убийства быков, корриды, убивают предполагаемых еретиков. О, несчастные Учителя! Они созерцают со своей высоты, как извращаются их идеи и как их имена, изначально символизировавшие вселенский мир и гармонию, наносятся на боевые копья и щиты, витают над братоубийственными кострами и служат флагом для армий, убивающих женщин, стариков и детей!

Брат Одиннадцатый умолк, но Пабло Симон знал, что за воспоминание его сковало; мягкая улыбка осветила лицо наставника, а его правая рука едва заметно сделала прощальный жест.

Молодой человек посмотрел, нет ли кого-нибудь поблизости, но вокруг лишь белел мрамор да извивались темные щели мраморных плит. Лунный свет падал почти вертикально, придавая и без того необычному пейзажу воистину впечатляющий вид.

Прошло несколько бесконечно долгих, как показалось ученику, минут, и наконец философ сказал:

— Я хотел сообщить, что с завтрашнего дня ты можешь вернуться к своей работе в приходе и в лаборатории, если ты не против. Мы всё устроили: все будет выглядеть так, будто ты прибыл из отдаленной семинарии. Ты будешь поддерживать тесную связь с ложей и со мной и станешь новым лучом света во тьме, охватившей тысячи юных сердец. Хочешь?

— Я не думал об этом, но, мне кажется, хочу; я очень переживаю за этих юношей, ведь на них давят и делают из них фанатиков. Я бы не смог пребывать в объятиях мудрости, в то время как рядом мой ближний, возможно, истекает кровью... Да, брат! Я всей душой хочу вернуться к этим бедным людям и помогать им, чем смогу! Учить их, что нельзя убивать даже насекомое, не то что человека...

— Ты выбрал очень правильный путь. Одна из труднейших преград для начинающих — ложное представление, будто судьба ближних их уже не касается и что можно учиться и пробуждать духовные силы, избегая всякого общения со своими братьями. Говорю тебе, до тех пор, пока самая последняя душа на пути эволюции не достигнет Царствия Небесного, никто не обретет подлинного счастья. Чем более ускоришь шаги слабых, тем меньше придется потом ждать их... Что ж, завтра ты сядешь в экипаж, который возвращается из упомянутой мной

семинарии; все пассажиры, как и прислуга, принадлежат к ложе. Все пройдет гладко.

Брат Одиннадцатый худощавой и сильной рукой дружелюбно похлопал молодого человека по плечу и указал ему на выход из подземелий.

Пабло Симон получил должные наставления, к тому же у него была мощная поддержка среди верховного духовенства, поэтому он справился и с подозрениями отца Педро, и с внезапными допросами Лонгина и вернулся к прежней работе.

Чтобы расширить свою лабораторию, ему пришлось изрядно потрудиться, но все-таки он смог это сделать, а в качестве помощников-подмастерьев с ним работали двое братьев ложи.

Раньше Пабло Симон, следуя материалистической концепции, считал, что металлы — это безжизненные, инертные элементы или чудесные божьи дары, но теперь он узнал их скрытую сторону. Основную часть времени он занимался алхимией, которая была химической наукой будущего, а не лженаукой суеверных людей, как ошибочно будут думать грядущие поколения.

Он узнал, что металлы относятся к группе душ-«эскизов» на пути эволюции и среди них есть существа, продвинувшиеся весьма далеко, а есть и отстающие. Он увидел, что вся Природа пронизана множеством нитей, подобно тому как в рождественском вертепе спускаются сверху и переплетаются веревки, на которых держатся куклы. «Трансцендентные законы» доходят до разных частей разных царств и создают симпатические связи между минералами, растениями, животными и звездами, точнее, духами-хранителями небесных тел. Таким образом, звезды — это материальные проводники совершенных существ, проделавших такой путь эволюции, что человеку понять их не легче, чем кишечной бактерии уловить сущность человека.

Он понял, что минералы тоже рождаются, растут, воспроизводятся, болеют и умирают. Он изучил жизнь металлов, и теперь они казались ему не более «безжизненными», чем животные, ведь животные проявляют жизнь, двигаясь и перемещаясь, а металлы — сопротивляясь внешнему давлению и попыткам сломать их. Он научился распознавать признаки усталости в минералах и рудах: когда металлу дается непосильная для него работа, он почти полностью

перестает справляться с ней, и, чтобы восстановить первоначальные свойства, ему нужно дать отдохнуть.

Значительная часть этих знаний в искаженном и разрозненном виде сохранилась в народе, словно остатки воспоминаний о лучших временах.

Каждая новая зима говорила Пабло Симону об эфемерности всего земного, а весна — о вечном возрождении жизни в новых формах.

Во время первых занятий, когда он только стал учеником ложи, ему доверили нечто, что он хранил как величайшее сокровище знания. Это был «универсальный ключ», открывающий многие, если не все, загадки Природы.

В ту пору в городке своими магическими, чудесными исцелениями прославилась одна девушка. И каково же было удивление Пабло Симона, когда однажды ночью в «Руинах» брат Одиннадцатый представил ее как члена ложи.

— Брат, это твоя сестра Ипатия.

— Ипатия? Ты взяла имя мученицы, растерзанной по приказу Кирилла?

— Это имя мне дали старшие братья...

Голос девушки был нежным и необыкновенно мягким, как и она сама. Белая туника и иссиня-черные волосы придавали ее изящному лицу бледный оттенок долин, освещенных ночным сиянием луны. Она являла образ ангельской, а не человеческой чистоты и отражала единство с Богом, которое ощущала.

В ее приветствии было что-то простое и детское. Уходя, брат Одиннадцатый нежно посоветовал ей:

— Ипатия, береги себя! Твое тело — очень хрупкий сосуд, а ему нужно вмещать огонь...

— Конечно, брат! — ответила она и тихо добавила: — Какой он добрый!

— Да, и очень мудрый... Сестра, чем ты занимаешься? Я имею в виду, какую работу ты выполняешь в рамках священной науки? — спросил Пабло Симон.

— Ты не поверишь, брат, но на самые простые вопросы ответить сложнее всего... Я вижу то, что произошло, и то, что должно произойти, словно это корни и крона великого дерева, ствол которого —

настоящее... Я знаю, ты любознателен, но я испытываю не любопытство, а тревогу...

— Если нынешнюю жизнь ты видишь как результат пройденного пути и как то, что еще предстоит пройти, если ты представляешь ее как еще один след на единственной дороге; если убеждена в том, что ты вечна, что ты — нетленный обитатель эфемерной оболочки, духовное вместилище всей сути, что может тревожить тебя?

— Ах, все то, чего я не знаю, чего не делаю, бесконечное число существ, не ведающих причины своих бед, те, кому я не в силах помочь!

— Брат Одиннадцатый говорил, что познание Закона — это инструмент, которым можно перепилить металлическую решетку страдания...

— Тревожит меня не совсем то, что понимают под страданием. Говорю тебе, сама по себе боль меня не тяготит; меня беспокоит полное неведение ее причин. Люди, пребывая в невежестве, оплачивают одни долги, но тут же создают новые. Я жажду нести людям освобождение; «нечто» вызывает ко мне, и я жажду наполниться им... Один или два раза мне удавалось с ним соприкоснуться, но потом я снова падала.

Глаза девушки, которой едва исполнилось пятнадцать или шестнадцать, стали влажными и засияли странными синими огоньками. Вскоре она попрощалась с Пабло Симоном и спустилась в подземелья, а он, неистовый ныряльщик в море тайны, все стоял и стоял у разрушенного портика.

Девушка эта была отмечена каким-то знаком судьбы, и ему никак не удавалось его определить; она была гораздо выше любых эмоциональных проявлений и казалась сверхчеловеческим существом, но в то же время испытывала глубокий священный трепет, что противоречило всякому духу исследования и абстрактного мышления. Пабло Симон чувствовал, что его одновременно и привлекает, и отталкивает эта необычная натура.

Он рассеянно стряхнул с одежды пыль руин и уже направился было в городок, но увидел, что к нему идет брат Одиннадцатый. Тот спросил:

— Что ты думаешь об Ипатии?

— Она очень необычная... совсем не похожа ни на кого из нас. Никак не пойму: ее душа одновременно сильная и слабая, просящая и повелевающая... Не знаю!

— Представляю твое замешательство, оно охватывает всех, кто с ней знакомится. Люди зовут ее Волюспа, она сирота, ее семья была откуда-то с севера, с морей у Северного полюса. Говорят, ее мать была гречанкой, но, поскольку девочка очень рано осталась сиротой, она помнит только свое имя. Мы дали ей приют в доме брата Восемьдесят Восьмого, ты знаешь его под именем Габриэля, он делает оси для повозок, его кузница — на большом холме.

— Я знаю его! Никогда бы не подумал, что он член ложи!

— У него здесь своя миссия. Вернемся к нашей сестре. Дорогой юноша, ты должен знать, что некоторые люди получают посвящение скорее от ангелов, чем от мудрых людей или Учителей. Они не всегда находятся впереди или позади нас на духовном пути, иногда они на том же уровне, что и мы, но при этом кажутся нам странными и даже чем-то отталкивают. Подумай немного вот над чем: не важно, из чего сделаны два параллельных металлических прута, из золота или железа; их положение относительно друг друга никак не связано с тем веществом, из которого они состоят. Так и познание и свершение могут стремиться к одной и той же цели, но пользоваться разными методами и разными инструментами. При человеческом посвящении золото добродетели получают, перерабатывая все неблагородные металлы, то есть преобразуя недостатки в достоинства. Ангельское посвящение уже само по себе дает золото, и борьба идет не за то, чтобы его получить, а за то, чтобы предотвратить его порчу. Все это ограничено определенным отрезком времени, ведь, когда завершится наш этап эволюции, начнутся новые этапы, и они восполнят несовершенство нынешнего. В известной тебе системе формирования есть разные методики, существуют они и внутри ангельской системы, но в ней бывают трудности с использованием ментального проводника, и они обычно в меньшей мере наделены разумом, особенно абстрактным.

— Получается, что ангелы лишены разума?

— В определенной степени да. Но не забывай, что я говорю о том, что для нас является настоящим моментом, ибо в начале этой вселенной разум родился в сердце ангела. Пара намеков из сказанного

могут пригодиться для понимания некоторых отрывков из апостола Павла.

— Брат, вы позволите?..

— Спрашивай! Я нахожу в этом радость!

— Мне часто говорили об этой и о других эпохах, которые, если я правильно понял, охватывают много миллионов лет. Почему и каким образом сменяются эпохи? Почему их законы отличаются друг от друга?

Опасаясь, чтобы их, увлеченных беседой, не застал врасплох кто-то чужой, Матео предложил молодому человеку перейти в одну из крипт. Так они и сделали, и внизу, выпив бодрящего травяного отвара, продолжили разговор.

— Слушай, о стремящийся к Свету! Душа Вселенной состоит из «суммы» (термин неудачный, но другого слова не подобрать) душ всех, кто в ней живет, и то же самое можно сказать о твоей душе, только в меньшем масштабе. Чтобы не запутаться, я очень прошу тебя быть предельно внимательным: твоя душа индивидуальна, такой ты ее видишь своим сознанием, именно так ею пользуется духовная искра, приводящая ее в движение. Из понятий «душа» и «дух» люди создали такую путаницу, что считают их одним и тем же. В результатах в переводах Библии появляется масса нелепостей; но ты должен научиться различать эти понятия. Я говорю тебе об этом, чтобы ты применял закон аналогии с пониманием. Ты читал Платона и Гомера и поэтому знаешь, что человек пользуется своим телом так же, как в земной жизни пользуется одеждой; износив одну, он выбрасывает ее и приобретает другую.

Так он шлифует себя, стремясь стать «совершенным, как Отец наш Небесный». Шаг за шагом он становится совершеннее, а неисполненные желания одной жизни — это побудительные причины для его способностей и возможностей в следующих жизнях в рамках того, что позволит хорошая или плохая судьба, созданная его собственными действиями на протяжении сотен жизней.

— Простите, что прерываю вас, брат, но историк Диоген пишет, что, по мнению пифагорейцев, дурные поступки человека могут привести к тому, что он перевоплотится в животное. Это правда?

— Диоген был не философом, а хронистом, поэтому он ничего или почти ничего не знал о тайном учении Иисуса Христа, которое тот

передал очень немногим. Потом этих немногих травили и гнали толпы прокаженных, нищих и проходимцев, которые и присвоили себе возникшее движение. Никогда ни один пифагореец, посвященный в Мистерии, не стал бы утверждать нечто столь смехотворное с точки зрения философии. Самый испорченный человек лишь в самых исключительных случаях, в одном на сто тысяч миллионов, может на мгновение утратить наследие Прометея — разум, утратить человеческий облик. Жаль, что враги философии борются с ее утверждениями не другими аргументами, а прибегают к издевкам, обману и костру. Но мы удалились от основной цели нашей беседы.

— Ваши объяснения очень полезны для меня, брат Одиннадцатый.

— Хорошо, тогда ты отчетливо увидишь, что, по закону аналогии, раз уж мы прибегли к его помощи, окружающая нас материальная Вселенная, подобно нашему физическому телу, является «кожурой» духовной сущности. Эта космическая кожура периодически умирает, ее миры растворяются в пространстве, а дух свободно парит до тех пор, пока на пути к совершенству ему не потребуется новое тело, и, когда оно будет готово, дух заселит его. И теперь представь на мгновение, что твое прошлое воплощение произошло бы в Египте в эпоху Птолемеев за два-три века до Рождества Христова. Разве ты не оказался бы во власти других обычаев, не ел другую пищу, не поклонялся Богу как-то иначе?

— Так и было бы.

— Перенеси этот образ на масштаб Космоса. Если бы та сущность, чьим проводником является материальная Вселенная, вновь проявилась в другой подобной Вселенной, разве она не изменила бы некоторые свои свойства в соответствии с новым этапом своего эволюционного развития? Если мы будем смотреть на это подобным образом, то сможем говорить лишь о законах, правящих «нашей эпохой», и даже о малых законах, правящих лично нами в рамках великих законов.

— Но Закон один...

— Ты прав, дорогой юноша; как одна и та же вода в разных сосудах приобретает множество форм, так и единый Закон чтит тех, кто его воспринимает и кто движим необходимостью.

Этой ночью ни Учитель, ни ученик не ложились. В душе каждого из нас спит тайна, невероятно соблазнительная нимфа. Проснувшись,

она прикасается волшебной палочкой ко всему вокруг, возвращая миру кристальную чистоту и делая нас друзьями всего и вся, но она не переносит мирских интересов и не признает усталости. Она и служанка, и госпожа подлинного философа, того, кто кормится прямо из груди Сфинкса, этого удивительного символа жизни.

Пабло Симон постепенно начинал пользоваться «анкхом», ключом мудрости и осуществления, и одну за другой открывал двери Природы. Твердой волей и правильным знанием он пробуждал свое внутреннее зрение, а его глаза обрели свойство видеть тонкие планы, где живут гномы, ундины, феи, эльфы и все существа, воспоминания о которых сегодня сохранились только в древних священных книгах. От этих воспоминаний остались одни осколки, и сейчас ими пользуются лишь для развлечения детей.

Помимо этих существ, молодой посвященный научился видеть тонкие тела недавно умерших людей, а также световую оболочку и световое излучение всех предметов и всех существ.

Но владение этими умениями требовало полного контроля над собой, чтобы окружавшие его враги не смогли доказать то, что некоторые из них уже начали подозревать, и чтобы он не окончил свои дни на костре.

Однажды ночью, когда осенняя армия безмолвия и уныния наступала морозящим дождем, Пабло Симон задержался в подземельях своей лаборатории. Один из учеников открыл дверь закутанному во что-то и насквозь промокшему человеку.

— Хосе, кто это?

Юный подмастерье алхимика молча указал на лицо вошедшего. И только тогда Пабло Симон вдруг разглядел его.

— Ипатия! Что вы здесь делаете в такое время? Хосе, сними с девушки плащ и принеси успокоительное!

Но та решительным жестом отказалась от помощи и едва слышно произнесла:

— Брат Пабло Симон, простите мое вторжение и мой отказ, но мне придется сразу уйти. Передайте братьям, что очень скоро Ипатия сможет помогать им с неба...

Пабло Симон велел ученикам удалиться и повнимательнее пригляделся к девушке, позволившей себе упасть на стул. Он заметил, что ее широкий плащ скрывал лишь одежду для сна. Она вся дрожала

и, похоже, готова была лишиться чувств, поэтому молодой человек, не обращая внимания на слабые протесты, снял с нее плащ, укутал в плед и усадил к огню. Он заставил ее выпить успокоительное и спросил:

— Случилось что-то серьезное? Что довело вас до такого состояния в столь поздний час? Вы пришли одна? Вас что-то напугало?

— Что толку говорить об этом, брат! Рука, выпускающая стрелу, может остановиться, но летящая стрела неизбежно достигнет цели. Завтра на рассвете меня схватят солдаты Святой инквизиции...

— Откуда вы знаете?

— Я «видела» это и «знаю», что меня ждет самая страшная и омерзительная смерть...

— Ипатия, вы очень слабы в последнее время; возможно, это всего лишь галлюцинация...

— Нет... такого рода галлюцинаций у меня никогда не было...

— Тогда вам нужно скрыться! Подождите здесь! Я пойду в «Руины» и посоветуюсь с братом Одиннадцатым!

— Не делайте этого, брат, умоляю вас! Даже если вы все умрете со мной, вы не измените линию моей судьбы. Смерти я не боюсь, меня беспокоят лишь мысли о муках, ведь мое больное тело изменит мне...

— Не будем больше об этом! Дождитесь меня!

С этими словами Пабло Симон поспешно вышел из лаборатории, оставив девушку в обществе Хосе и нескольких слуг.

На обратном пути дождь усилился, а встающее солнце не пробивалось сквозь тучи. Пабло Симона встретил слегка побледневший Хосе.

— Сестра Ипатия сбежала! Она притворилась спящей или действительно уснула, и я оставил ее одну, чтобы принести одеяло, а когда вернулся, ее уже не было...

— Несчастная! Еще одна жертва! Ах, Хосе, когда человечество осознает свою судьбу, порожденную за несколько последних веков, когда глазам его будущих правителей предстанет вся пролитая кровь, то участь древних религий, в храмах которых сейчас пасется скот, покажется им завидной и блистательной, как свет Солнца...

Пабло Симон сорвал с себя плащ из вощенной парусины и швырнул в угол. В подобные мгновения острое чувство справедливости, энергия, преодолевающая любую преграду, и все еще несовершенный

контроль разума и эмоций доводили его до откровенных вспышек гнева, «праведного гнева», от которого несвободны даже те, кого люди считают богами.

Приняв лекарство собственного изобретения, которое помогало с легкостью переносить усталость и нервное напряжение, Пабло Симон сделал невероятное усилие, чтобы снова одеться, и направился в приходское училище. Едва он вошел, как его срочно вызвал к себе отец Педро, который несколько месяцев назад вступил в Священную коллегия. Новое облачение, еще более пышное, чем прежде, делало его фигуру еще заметнее. Он не скрывал неприязни к своему окружению, ведь теперь он жил в гораздо более крупном городе и лишь изредка наезжал в этот глухой университетский городок.

— Пабло Симон, Христа ради, приведи ты в чувство эту ведьму! Никто из врачей не смог... Разве что поможет один из твоих таинственных отваров...

— Мои отвары вовсе не таинственные, монсеньор, вы их видели, как и многие другие люди...

— Такие же несведущие в алхимии, как и я! Их ты можешь провести, но только не меня. Ты знаешь больше, чем кажется. Приведи в себя эту распутницу! Если не сделаешь этого или если убьешь ее, трибунал поджарит твою плоть...

Пабло Симон с огромным усилием овладел собой и осмотрел девушку. Похоже, она не принимала никакого наркотического средства, а просто благодаря своей воле и способностям покинула тело, чтобы отдохнуть и избежать допросов.

Молодой человек попросил послать кого-нибудь к нему домой и взять у его помощника настойку. Когда ее принесли, он налил несколько капель сквозь стиснутые зубы Ипатии и, медленно приподняв одно за другим ее веки, с помощью зеркала осветил глаза. Вскоре девушка пришла в сознание и настороженно огляделась.

— Она очень слаба; позаботьтесь о ней, если хотите видеть ее живой, — прошептал Пабло Симон на ухо Педро, чтобы тот не приказал подвергнуть ее пыткам.

— Ты ее знаешь? — спросил прелат.

— Разумеется; ее зовут Волюспа.

— Или Ипатия? — прозвучал за спиной Пабло Симона сухой голос Лонгина.

Педро барабанил пальцами по животу, что было верным признаком беспокойства. Молодой посвященный повернулся и с холодным спокойствием спросил у сыщика:

— Откуда я могу знать какое-то другое имя, если все называют ее этим?

— Можешь, если ты член ложи... — Лонгин был напряжен, словно охотничья собака.

— От страха у вас начинаются видения! — воскликнул Пабло Симон.

— Не сердись на Лонгина; твоя работа — исследование металлов и элементов, а он расследует дела людей... Лонгин, откуда ты это знаешь? — спросил инквизитор.

— Монсеньор, мачеха этой ведьмы «невольной» открыла мне, что именно таким именем та называла себя в молитвах дьяволу. Вы решите, что я преувеличиваю, но в этом городке сотни заговорщиков: профессора, священники и военные являются членами ложи.

Черные глаза кардинала наполнились страхом, и он истерическим криком выпроводил Пабло Симона. Тот с глубоким поклоном удалился.

Прошел месяц, хлопья снега молчаливо умирали на подоконнике приходского училища, и вот Пабло Симона, поглощенного этим зрелищем, снова вызвали в кабинет директора, который теперь занимал отец Антонио, человек с добрым сердцем, но фанатично служивший инквизиции.

В зале вдоль стен расположились первые лица городка и священники, специально прибывшие сюда из окрестных мест. Во главе стола сидел Педро, а по обеим сторонам от него — Матео, Антонио, Лонгин и еще трое членов суда Святой инквизиции.

Старик на входе, выполнявший обязанности распорядителя церемоний, указал Пабло Симону его место и доложил о его приходе сидевшим за столом.

Пабло Симон стал рассматривать собрание; присутствовавших было не менее пятидесяти, среди них — несколько членов ложи, человек десять-двенадцать. Когда прибыло официальное лицо ордена Святой инквизиции, заседание можно было начинать.

После официальных приветствий новый кардинал сообщил:

— Суд Священной канцелярии инквизиции объявляет колдунью Волюспу, или Ипатию, как назвала она себя в силу своей греховной низости, виновной. С согласия Святой церкви, суд предоставил нам решить, какой смерти она заслуживает, и прочие детали. В этот раз костер не является рекомендованной мерой, поскольку этот обычай казни заблудших представляется нам неэффективным: чем больше сжигается еретиков, тем больше у них появляется учеников, а кроме того, многие горожане начинают ими восхищаться и защищать их. В чем причина этой напасти? Может, дело в нашей чрезмерной мягкости к сотням астрономов, химиков и даже клириков, к тем, кто высказывает суждения, противоречащие святой Библии или тому, как толкует Библию Святая церковь? Вам слово, дети мои!

Ответом ему было глубокое молчание: те, кто не имел большого влияния, говорить боялись, а остальные, прежде чем сказать, долго думали. Но вскоре слово попросил Матео.

— Братья! Для чего мы собрались? Чтобы убить больше людей или чтобы найти способ укрепить Церковь и вернуть в ее лоно отступников? Мы видим, как каждая казнь приносит нам сотню врагов и уводит от нас тысячу друзей. Следовать ли нам и дальше столь неразумным путем? За последние сто лет миллионы верующих на севере Европы, в Малой Азии и Африке откололись от нас; даже в наших странах немалая часть аристократии, девять десятых интеллигенции, половина людей искусства повернулись к нам спиной. Говорю вам как член Церкви: если мы не уйдем с этой гибельной дороги, через пять-десять веков католиков останется совсем немного, но самое печальное, что дискредитирована будет не только Церковь, но и Иисус Христос, и все религиозные формы. Братья, задумаемся! Давайте перестанем сжигать безумцев, больных и тех, кто думает не так, как мы! Приостановите казни, обеспечьте лучшие условия для священников в далеких селениях, пусть даже в городах у нас останется меньше удобств! Пусть солдаты Святой инквизиции преследуют лишь разбойников на дорогах и пиратов, и вы увидите скорое возрождение Церкви!

— Бога ради, святой отец! Если мы последуем этим советам, нас самих сожгут еретики, а мои люди превратятся в обычную армию на службе у экономики, а не у Бога, — запротестовал Лонгин, бледный от

сдерживаемого гнева; положение Матео и его слава не позволяли нападать на него в открытую.

— Лонгин, ты по долгу службы знаешь преступников и совершаемые преступления, ответь: разве пилигримов и одиноких священников убивают те, кто присягнул ложе?

— Нет, потому что таких мало!

— Ты знаешь, что это не так, Лонгин; их не так уж мало, во всяком случае, их хватило бы, чтобы убить или ограбить старика. Церковь сама стала для них врагом, но они — не враги Церкви.

По всему залу тут же распространился все возрастающий шум голосов, многие недоумевали, как Матео осмелился сказать такое. Пабло Симон сидел словно прикованный к своему стулу и, стиснув зубы, слушал этого исключительного человека, не сводя с него глаз.

Антонио как директор учебного заведения больше не мог сохранять спокойствие, и сквозь нестройный шум пробился его твердый и страстный голос.

— Я прошу критиков отнестись к отцу Матео терпимо и проявить уважение, ведь пусть я и знаком с ним лишь несколько месяцев, но знаю его как образец христианских добродетелей, которые всем нам могли бы пригодиться. Он чист, мудр и добр, но, как это ни печально, чрезвычайно снисходителен и слишком симпатизирует силам, направляемым врагом Бога. Братья-инквизиторы, я понимаю ваш праведный гнев, но ума не приложу, как может столь почтенный священник, как Матео, советовать сохранять бесстрашие, когда нужно быть предельно строгими и разом проучить всех этих порочных людей. Хотел бы я познакомиться с руководителями этой знаменитой страшной логи и посмотреть, способны ли они проявить хоть малейшую добродетель и заслуживают ли хоть какого-нибудь прощения. По мне, так лучше сжечь их всех, даже если их станет больше, лишь бы они не оставались на свободе! Посмотрите на эту бедную девочку, Волюспу, которую превратили в Ипатию, жрицу какого-то дьявольского кровавого культа, если судить по этому проклятому имени — Ипатия, символу язычества и идолопоклонства!

Антонио сел, а Матео предпочел проглотить слова, чуть не сорвавшиеся с губ. Долгие часы тянулось совещание, на котором допускалось исходить лишь из одного мнения, и было решено подвергнуть девушку так называемому испытанию водой, поскольку,

как говорили многие, свидетельских показаний, подтверждающих, что она связалась с колдовством, было мало. Пожалуй, самая мерзкая и жестокая пытка инквизиции из множества применявшихся ею состояла в том, что обвиняемого связывали, сажали в мешок, затыкали ему рот и бросали в реку или глубокое озеро; если несчастному удавалось несколько секунд продержаться на плаву, ему приписывали магические силы, потом вытаскивали его на берег и отправляли на костер. Если же он сразу тонул, то на этом месте читались молитвы, звучали песнопения, водружались религиозные символы, а когда доставали тело утопленника, следовало погребение по всем канонам, и родственникам торжественно объявляли об успехе операции.

Пабло Симон вышел, до смерти устав от подобного фарса, его разъедал бессильный гнев, он испытывал отвращение к напускному благочестию этих самых настоящих иуд.

Той же ночью, когда в ложе закончились официальные встречи, соответствующие ступени посвящения Пабло Симона, к нему подошел Матео и пригласил в свою келью. Как только они вошли, он сказал:

— Антонио, директор приходского училища, отправляется завтра в соседний город. Я подготовил нападение на его карету, чтобы иметь возможность поговорить с ним. Он человек хороший, но весь, как грязью, облеплен догмами и «авторитетами». Потом ты уедешь за границу: Лонгин с подозрением относится к твоим опытам и, если получит хоть малейшую улику, тут же отправит тебя на костер. Мои связи уже не смогут тебя защитить.

— Брат Одиннадцатый, я не хочу уезжать от вас! Вы ведь тоже в опасности!

— Но мое присутствие здесь необходимо, и мое официальное положение заставит инспекторов Святой инквизиции долго колебаться, прежде чем они решатся меня обвинить. Впрочем, я уже спланировал твоё путешествие; рано или поздно его должен совершить каждый ученик...

— И куда вы меня посылаете?

— В Малую Азию, в Индию, возможно, в Китай. Посмотрим... Хочешь присутствовать при беседе с Антонио?

— Конечно, брат!

— Тогда сохраняй спокойствие и жди от меня вестей.

На закате следующего дня человек двадцать пять из членов ложи переоделись в разбойников, вооружились и устроили засаду у большой дороги. Затянутое свинцовыми тучами небо казалось ватным, а рощи, обрамлявшие широкую равнину у подножия гор, смешались со своими тенями и словно выросли. В разрывах туч на небе поблескивали первые звезды, а вдали засверкали еще два огонька, и свет их шел не с неба.

Вскоре карета отца Антонио остановилась перед деревом, лежавшим поперек дороги, и восемь человек из эскорта Святой инквизиции, не оказав большого сопротивления, были взяты в плен. Всех, включая личного секретаря Антонио и пассажира-лиценциата, связали и с кляпом во рту отвели к развалинам заброшенной мельницы.

Там, в комнате, служившей когда-то зернохранилищем, остались только Антонио, Матео, еще один брат из ложи и Пабло Симон. Служителя церкви развязали и предложили ему сесть. Все трое членов тайного общества, лица которых скрывали большие бесформенные капюшоны, были осыпаны упреками и обвинениями со стороны директора:

— Разбойники, нечестивцы! Почему бы вам наконец не ограбить нас и не дать мне продолжить свой путь с миром? Вы уже не щадите солдат Христовых?

— Солдат? Мы не знаем, какой Христос платит вам жалование за службу... Что же касается нечестивцев, то жизнь сама опровергает вас, — воскликнул брат Одиннадцатый, стараясь не рассмеяться при виде изумления на лице собеседника.

— Кто вы? Вы говорите не как военный...

— «Знающие» говорят, что король не разговаривает, как раб, а раб не разговаривает, как король... Отец Антонио, обещаете ли вы не раскрывать наши личности, если мы вам покажемся?

— Если это не принесет вреда Церкви, то пусть будет так.

— Оставьте софизмы: да или нет? Я не глава ложи, но у меня достаточный уровень, чтобы говорить от ее имени... Вы обещаете?

— Да, клянусь никогда не выдавать вас.

— Хорошо... Покажи себя, Пабло Симон!

— Молодой химик! Лонгин был прав! О, сбившийся с пути истинного!

Он бы еще полчаса отчитывал Пабло Симона, если бы, увидев лицо Матео, не онемел от страха, изумления и гнева одновременно. И, прежде чем к нему вернулся дар речи, он вынужден был узнать в третьем человеке в капюшоне преподавателя греческого из собственной семинарии.

— Времени у нас очень мало, отец Антонио. Слушайте меня внимательно, а главное, обдумывайте то, что слышите; я бы не стал понапрасну рисковать жизнями более двадцати человек.

— Говорите!

— Благодарю... Прежде всего, я хочу, чтобы вы знали: то, что говорят о тайных ложах, — сплетни и домыслы. Я не отрицаю, что могут существовать тайные братства, где занимаются черной магией и обезглавливают детей, но у нас нет с ними ничего общего, точно так же как и вы не в ответе за те преступления, которые может совершить христианин, только потому, что он христианин...

— Это клевета!

— Так будут восклицать священники через пять веков, когда их будут обвинять в принадлежности к той же самой Церкви, которая сегодня сжигает столько невинных людей.

— Сжигают одержимых дьяволом!

— Иисус исцелял бесноватых, а не убивал их! В конце концов, если вы верите, что нежнейшее, загадочное существо, столь чистое и достойное святости, которое через несколько дней умрет в ваших руках, одержимо демоном, то в демоне гораздо больше благочестия, чем в Боге... Многие ли священники могут похвастаться такими добродетелями? Дело не в том, чтобы носить распятие на сердце, а в том, чтобы поместить сердце в центр креста, креста жизни... По сути своей Иисус Христос, которого мы так плохо знаем, не отличается от тех Учителей, которые приходили до него или которые придут в будущем. Если посмотреть беспристрастно, то настоящий христианин должен стремиться к истине через Христа, мусульманин — при посредстве Мухаммеда, и так все остальные. Зачем воевать, если у всех нас один и тот же Бог, если все мы отстаиваем одни и те же истины? Разве не сказал Иисус: «Есть у Меня и другие овцы, которые не сего двора»? Разве единая истина, говорившая его устами, отличается от той, что содержится в книгах одной из восточных религий, тех, что вы критикуете, не зная их содержания: «Какими бы

путями ни шли ко Мне люди, я всех их встречаю с распростертыми объятиями»)?

Антонио беспокойно вертелся на своей скамье; казалось, внутри него идет невероятная битва. В конце концов он взорвался:

— Все это прекрасно, но Господь наш бичом выгнал торговцев из храма, и именно так мы поступаем с неверными, которые оскверняют христианское общество! Если им не нравится в наших странах, почему бы им не отправиться в другие, мусульманские или протестантские?

— Когда они так поступали, их всегда уничтожали вместе с их покровителями. На протяжении всей истории религиозные и политические системы жили в чудовищном содружестве; политика находится на службе у религии, а религия, увы, — на службе у политики.

— Благодаря этому Церковь создала сообщество наций, объединила народы, которые тысячу лет постоянно воевали.

— Да, объединила, но лишь ради того, чтобы сражаться с другими. Однако еще прежде, чем Церковь заняла свое нынешнее положение, во всем мире — а не только в четвертой его части — правила религия Мистерий; из ее останков вы строите погреба и подвалы и даже кичитесь этим. Таинственные змеи, которых вы видите в Мексике, Индии, Египте или Фракии, в свое время имели гораздо более универсальное символическое значение, чем любое из ныне известных. История, которую вы изучали, пропущена через сито схоластики; так что если вы хотите быть справедливым, «слушайте оба колокола». Стали бы вы читать лишь тех историков, взгляды которых противоположны вашей религии? Почему же для того, чтобы узнать истину, не читать тех, кто рассказывает обо всех обычаях?

— Те, кто, по-вашему, «рассказывает обо всех обычаях», всего лишь поддерживают мнения, враждебные Церкви.

— В этом виновата сама Церковь, которая стала враждебной свободе.

— Вера исключает свободу.

— Но свобода не исключает веру. Вера должна вырастать из подтверждения фактов, она посланница и провозвестница иных, более возвышенных фактов, уравнивающих первые; вера не противостоит всему разумному, она не противоположна любому движению вперед и не враждебна тем, кто чувствует, мыслит и любит.

Если христианская доктрина обладает силой, почему бы вместо того, чтобы убивать и преследовать всех, кто ее не придерживается, не вступать с ними в спор и не склонять на свою сторону силой истины, с помощью размышлений, благодаря любви и чистоте служителей этого учения? Вырвите с корнем догмы и нелепые утверждения, которые Господь наш никогда не произносил, начните сотрудничать с философией, как бы вы ее ни называли, ради гармонии, стоящей над всеми противоречащими друг другу формами! Брат мой, мир до смерти устал от слов «ты поступай так, но не смотри, поступаю ли так я». Меньше советов, больше примеров! Верить, что падшая женщина, осаждаемая чужим возделением и собственной нуждой, исправится, выполнив несколько обрядов и прочитав несколько молитв, — это жестокая шутка. Когда, сделав все это, она увидит, что осталась такой же, как и была, ее охватят отчаяние и неверие, и она падет еще ниже. Она чувствует, что все это формальности, что все это обман, ведь тот же самый священник, который отпустил ей грехи, по-прежнему осуждает ее, как осуждают и все благородные дамы из религиозных обществ. Она видит не сострадание, а глумление. Эх, брат Антонио, пожалуй, на всей Земле не сыскать людей более жестоких к себе подобным, чем наши милосерднейшие и утонченнейшие дамы! Сколько всего сокрыто под белыми монашескими покрывалами и скромными пелеринами! Сколько грехов сдерживается не силой добродетели, а отсутствием возможности совершить их, и облачается в ангельские чувства!

— Вы все верно говорите, но священник чувствует себя обязанным порицать грехи, чтобы зло не правило в мире. Отец Матео, не станет ли наше молчание потворствовать всякой безнравственности?

— Я был бы вам признателен, если бы вы не называли меня отцом... Я не ваш Учитель и уж тем более не Отец, живущий на небесах...

— И я тоже был бы признателен, если бы вы не называли меня братом...

Матео грустно улыбнулся, но не оставил своих попыток. Он знал, что сердце клирика было в высшей степени добрым и чистым. Антонио был аскетичен в жизни, полон милосердия, просто он окутал себя догмами, словно бабочка коконом, который вот-вот лопнет.

— Да будет так! Вы мне брат, а не отец, как и я вам. Вот истина; все остальное не имеет значения. Единственный наш Отец — это Бог, а наша единственная родина — это Вселенная.

— А где же «ваша Церковь»?

— Если под этим словом вы подразумеваете религиозную организацию, задача которой — наставлять людей, я скажу вам, что в нее должны входить наиболее продвинутые на пути эволюции существа из каждой группы, самые мудрые и добрые. Это душа всех религий, у которой нет ни политико-религиозно-общественных группировок, ни цвета мантии, по которому отличают «сверхлюдей» или тех, кто «дарует спасение». Напротив, представители этой церкви должны быть скромными и внешне ничем не выделяться, ведь так их дела покажутся еще более важными и великими. Пусть они прежде всего служат Богу, а не изменчивым, как ветер, экономическим и социальным интересам. Если же ваш вопрос касался материального пространства, внутри которого идет служба, я отвечу вам, дорогой Антонио, что это — вся Природа, ведь церкви строят люди, чтобы дотянуться до Бога, но лучшие естественные храмы построило Божественное, страстно желая приблизиться к людям.

— Все это чудесно, но неосуществимо и нецелесообразно, дорогой Матео. Не стоит отказываться от помощи Христа. Если бы мы не были такими, какие есть, то были бы еще хуже... Солнце садится... Лучше отпустите меня, а сами спрячьтесь где-нибудь подальше...

— Пусть ваше сердце не тревожится о моей безопасности или о безопасности моих спутников! Все мы пожертвовали земным существованием во благо человечества, и для нас не так важно, завершится оно через два месяца или через двадцать лет.

— Но какая польза вам или какая польза людям от нашего разговора?

— Большая! Вы, в некотором смысле, сейчас хозяин этого городка, в ваших руках — жизнь Ипатии и сотен таких же, как она. Не поддавайтесь интригам Лонгина и тем более не отступайте под гнетом страха, в котором нас держит монсеньор Педро! Подумайте немного: если вам дорого то, что осталось от изначального послания Христа, то хотя бы в этом университетском городке сражайтесь за то, чтобы остановить моральное разложение и убийства.

— Что там?

— Тихо!

Двое братьев ложи вбежали в помещение.

— Погасите огни и не шумите! У мельницы остановился отряд Святой инквизиции...

— Отпустите меня... Я собью их со следа!

— Тише, Антонио! Мы еще не закончили беседу... Если ваши попутчики попытаются привлечь к себе внимание, их заставят замолчать силой; я вам доверяю и не угрожаю, а прошу вас поспособствовать тому, чтобы все разрешилось мирно и благополучно.

Один из членов ложи нес уже кляп и веревку, но, услышав эти слова, отказался от своих намерений.

Посмотрев в окошко, Пабло Симон объявил:

— Спешились! Идут сюда!

— Сколько их?

— Там очень темно... но не менее тридцати. Что будем делать, брат Матео? Встретим их?

— Умерь свой пыл, Пабло Симон! Кровопролитие — не выход из ситуации... Наверху есть весьма просторный чердак; там, под пустыми мешками, мы спрячем пленников и спрячемся сами.

Дверь мельницы затрещала под ударами, и беглецам пришлось поторопиться и принять дополнительные меры безопасности. Через пять минут все пассажиры кареты, кроме священника, с кляпами во рту лежали связанные под грудой пыльной мешковины, а к их горлу были приставлены огромные кинжалы.

— Мне противны подобные меры, но иначе пришлось бы послать на смерть всех моих людей и, возможно, многих из ваших, — прошептал Матео на ухо отцу Антонио.

Тот беспокойно зашевелился, укрываясь мешками.

В этот момент прочная, но уже старая дверь мельницы с тяжелым грохотом упала, и ее предсмертный крик разнесся по всем углам старинного здания. Бряцание оружия и топот сапог, подбитых гвоздями, слились в одну быстро разрастающуюся волну.

Вскоре один из пленников, страж Святой инквизиции, ударил ногой по бочке и попытался крикнуть. Получив резкий удар рукоятью кинжала по голове, он упал без сознания.

Буквально через мгновение поднялся люк чердака, и из него, окутанный красными сполохами огня, словно глубоководное

чудовище, вырос жестокий и кровожадный Лонгин. Вслед за ним появились несколько стражников, вооруженных шпагами. Следователь инквизиции разворошил своим оружием гору щебня, лежавшего на полу, приказал свалить несколько ближайших бочек, а затем воскликнул:

— Пустая трата времени! Крестьяне нам рассказали, что эти нечестивцы уже ушли.

— Сеньор, там, внизу, вино! — закричал стоявший на лестнице солдат.

— Так пейте! Но с первого, кто опьянеет, я сначала сдеру кнутом кожу, а потом посажу его в бочку с солью. Через десять минут выступаем за этими дьяволами!

Сразу после этих слов черная фигура нырнула в отверстие люка, из которого доносилась брань и врывались алкогольные пары и отсветы огня.

Когда толпа инквизиторов удалилась, наполнив пустоту здания тишиной и темнотой, члены ложи спустились и вывели своих пленников. Никто из них, кроме священника, не знал личностей своих похитителей, и их, крепко связанных, с кляпами во рту, оставили на складе мельницы.

— Это место становится опасным, Антонио; я отведу вас в наш «тайный монастырь».

— Почему вы мне доверяете?

— Разве вы не обещали нам ничего не раскрывать? К тому же вам завяжут глаза, так что вы не узнаете, куда мы направляемся, и мы сделаем так, что вы не определите ни расстояния, ни направления.

Маленькие группы людей, тщательно укрытых темными капюшонами, подходили во мраке ночи к «Руинам».

В келье Матео приходскому священнику развязали глаза, и, кроме него и Матео, в комнате остался только Пабло Симон.

— Я думаю, мы недалеко от прихода, — попытался угадать Антонио.

— И что это вам даст? Видите эту лампу?

— Да... от нее идет странный свет, совершенно белый, а фитиль выступает из золотистой жидкости...

— Вы знаете, что это?

— Нет... — монах медленно поднял взгляд и посмотрел на собеседника; в его голосе слышался не ясный страх. — Видимо, это одна из тех дьявольских лампад, что могут гореть веками, и в них даже не нужно подливать масло?

Матео лишь улыбнулся в ответ, а молодой человек рассматривал лампу с широко раскрытыми от удивления глазами, он был таким же бледным, как и озарявший его свет.

— Да, это одна из тех ламп, которым всеобщее невежество приписывает взмывающее происхождение, — пояснил наставник. — Но не бойтесь, Антонио; двенадцать лет назад я сам ее сделал, а жидкость в ней на основе золота была дистиллирована руководителем этой ложи. Она создана не волшебством и не лапами дьявола, но мастерством, терпением и самой что ни на есть доброй волей служить человечеству. Наконец, кипрский рыцарь Подокаттар писал о ней в 1566 году в книге «De Rebus Cypriis». Есть и гораздо более древние упоминания у Климента Александрийского, Гермолая, Плиния,

Бураттина, Цитезия, Лицета, а также у многих других посвященных в Мистерии разного уровня, которые знали про эти лампы и создавали их. Вам ни о чем не говорит фраза из книги Исход, 27:20: «И вели сынам Израилевым, чтобы они приносили тебе елей чистый, выбитый из маслин, для освещения, чтобы горел светильник во всякое время»? Здесь на подлинный смысл накинута вуали и добавлены некоторые слова, чтобы запутать исследователя, но, даже если не вступать в полемику на такую деликатную тему, достаточно ясно видно, что великий иудейский Посвященный знал о «вечных лампах» и об их использовании в церемониальной магии.

— Насколько я понимаю, Матео, философы всегда утверждают, что Священные писания искажены везде, где не согласуются с их системами.

— Отсюда можно сделать два вывода, а именно: либо философы обманывают, чтобы подорвать авторитет модных эрудитов, либо же все, что согласуется с философией, было намеренно искажено. Я думаю так же, как и вы: они заинтересованная сторона; почитайте Библию двухсотлетней давности и сравните с современной; а после, увидев степень отличия, представьте себе, что произошло за тысячелетия, в том числе из-за постоянных переводов и копирований, не говоря уже о заявлениях *ex cathedra*^[1] и результатах церковных соборов.

— Но сейчас делается попытка вернуться к изначальной версии Ветхого Завета; богословы многие годы проводят в исследованиях... Они владеют древнееврейским...

— Нет, дорогой Антонио! Используйте свой здравый смысл, осмейтесь подумать!

— Отец Матео! Я вам не погонщик мулов и не кузнец!

— Но предрассудки и предубеждения лишают вас всех преимуществ. То, что происходит, — всего лишь попытка истолковать тексты таким образом, будто Иисус Христос был единственным божественным Учителем и будто бы более ранние тексты, хотя они содержат те же самые учения, — вредные, дьявольские. Если истина, высказанная полторы тысячи лет назад, является благом, разве та же самая истина, высказанная на три тысячи лет раньше, может быть злом только потому, что ее произнес Гермес Трисмегист или Орфей? Можно ли, руководствуясь логикой и справедливостью, утверждать, что

младенец Аполлон на руках матери — это «предвосхищенная дьяволом копия» Девы Марии, держащей свое дитя? На чем строится убеждение, что более раннее является плагиатом более позднего, если очевидно, что все наоборот? Вы можете противопоставить моим словам веские аргументы, но небо всегда будет синим, даже если сотня или тысяча напыщенных безумцев будет утверждать, что оно зеленое... Люди не создают истину, они могут лишь открывать ее...

— Прекратите богохульствовать! Умоляю вас, не смущайте мой дух...

— Если ваш дух смущается истиной, изгоните его, ведь тогда это всего лишь плут в королевской мантии. Освободитесь от узурпатора, наведите порядок во дворце, и вы увидите, как пробудится его законный владелец и поспешит заселить дворец.

— Ради Бога, послушайте! Что общего вы находите у совершеннейшего всеобщего Отца, высшего источника добра и справедливости, о котором говорит нам Христос, и языческого Юпитера, окруженного смертоносными лучами и совершающего инцесты со своими дочерьми?

— Столько же общего, сколько у Ю-Питера, вездесущего духовного Отца, причины всех причин, корня всех божеств, объединенного с Юноной, первозданным пространством, его женской противоположностью, и Яхве, каким его описывают библейские легенды, если смотреть лишь на внешнюю сторону. Разве он не является жадным, несправедливым богом, ибо сначала калечит своих детей, а потом карает их за те изъязы, в которых они не виноваты? Разве он не соединяется с ними, заставляя их грешить, ведь он еще и отец, провоцирующий кровосмешение и все виды прелюбодеяния? Разве он не продается и не покупается за подношения, попирая справедливость и мораль? Наконец, разве его имя на древнееврейском не звучит как «самец-самка», будучи сатурнальным образом сексуальных и порочных сил Бездны?

— Наш Господь его так не описывал!

— Он никак его не описывал. Но именно таким он представлен в Ветхом Завете, а вы, зная об этом, утверждаете, что Иисус Христос — его единственный Сын... Этим вы разрушаете дело Христа. Он пришел, чтобы поднять павшую религию, чтобы «исполнить Закон», покоившийся под гнетом самого нелепого формализма, а вы ввергли

его новый закон в такое же состояние, прикрыв его невежеством. Нам говорят, что Учителя преследовали за то, что он по субботам исцелял больных. А разве сегодня точно так же не преследуют того, кто работает по воскресеньям, или того, кто дает пищу гонимому еврею, протестанту или простому мыслителю?

— Хватит, хватит, умоляю вас! Мне больно, у меня сердце кровью обливается!

— Пусть обливается, ведь это доказательство того, что вы еще живы! Благодаря боли выковывается духовное самоосознание, и лишь оно позволяет нам становиться лучше и открывать путь Бога... Вы можете спокойно выслушать меня?

— Сейчас я не в силах сохранять спокойствие, но и перестать вас слушать тоже не имею возможности...

— Хорошо... Прежде всего, я не говорю, что Библия. — это нагромождение пустых легенд и всяких глупостей. Так говорят материалисты, но их появление — логичная реакция на навязывание верований, противных логике и разуму. Да, истина живет на страницах этой книги, но она сокрыта под вуалями, спрятана за аллегориями. Иисус признавал, что с непосвященными людьми говорит лишь языком притч и что Таинства Царства Небесного хранит для своих прямых учеников. К сожалению, сегодня внутренними ключами пренебрегли и от этой священной книги оставили лишь труп без души, набор детских сказок, которые смешны и абсурдны, если понимать их буквально... Например, когда Каин убивает Авеля и идет искать себе жену в земле Нод, то какую жену он мог найти, если единственной женщиной в то время была его мать Ева?

— Это библейские Таинства... Лучше молчать о том, чего не знаешь.

— Другими словами, хранить молчание и не учить тому, игнорирование чего может привести к вредным толкованиям. Следует дать возможность каждому толковать эти отрывки сообразно своему уровню и разумению или даже исключать их из публичных изданий.

— Такие же нападки делала и Реформация!

— Эх, Антонио! Реформация и весь этот раскол — лишь начало распада всей колоссальной машины; она выстроена очень хорошо, но ее фундамент стоит на песке. Лишь знание истины делает людей свободными, а разнообразные секты словно соревнуются друг с

другом в неведении. Менять одно ярмо на другое бессмысленно, главное — перестать быть волком! Антонио, услышьте мои слова, ибо они возвещают неумолимую реальность фактов. Грядущие века посмеются над библейскими «сказками», над мнимой хронологией, согласно которой люди за полдюжины поколений сократили срок жизни на восемьсот лет, и над нелепым «избранным народом». Исследования в области археологии, физиологии и этимологии развенчают мертвую букву, и в нее будут верить лишь неграмотные люди, в то время как интеллигенция начнет высмеивать Библию и в конечном итоге придет к отрицанию Бога. Когда же мир разглядит за этой мертвой буквой воистину могущественный дух, когда поймет, что эти анналы извлечены и составлены из других источников, которым десятки тысяч лет, когда откроется, что в этой книге все символично и она никогда не содержала никакого зла, а зло было лишь в умах тех, кто ограничивал свободу мысли, — тогда, возможно, будет уже слишком поздно. Тогда голос Божественного в очередной раз обратится к Земле, и наш мир погрузится в забвение, а с ним и многие, многие религии, которые, оставив на страницах истории короткую запись, проложили дорогу для известных нам форм. Платон учит нас, что вещи и явления живут столько же, сколько существует то, с чем они отождествляются; если бы вера отождествляла себя с истиной, она была бы вечной, но от ее внебрачного союза с насилием, интеллектуализмом и порочностью появляются лишь незаконнорожденные дети, которые в скором времени (через каких-нибудь пять или шесть веков) искалечат и в конце концов убьют свою мать, открывая двери страшному атеизму, могильщику всего истинного, всего благого.

— Простите, Матео, я не могу больше думать! Мне нужно отдохнуть, побыть одному!

Голос приходского священника мучительно и неестественно повысился и звучал хрипло — то ли из-за тревоги, то ли от угрызений совести.

Два дня спустя Антонио готовился покинуть катакомбы; его лицо выглядело слегка осунувшимся. Да, непрекращающиеся внутренние монологи принесли ему немало страданий, но на лбу его проступила печать размышлений; огромным усилием ему удалось преодолеть собственную слепоту, и ее место заняло божественное знание,

логичное с точки зрения разума и гармоничное по отношению к Природе. Люди перестали казаться ему проклятыми созданиями, игрушками некоего Отца, который, не понимая, как распорядиться своей силой, создал живых существ лишь ради того, чтобы они служили ему и воздавали хвалу. Нет, нет, ужасно было верить в несправедливого Бога, принимать, что он может гневаться, что достойные дела он ценит меньше, чем этикетки с указанием религии, от имени которой эти дела совершаются, — теперь все это прошло, как страшный сон; теперь на его духовном горизонте постепенно занимался рассвет.

Пусть пока в общих чертах, но он познал единый универсальный Закон, который, приспосабливаясь к потребностям каждого из существ, трансформировался во множество гармоничных, циклических законов, существующих вечно в рамках периода объективного проявления. Теперь он воспринимал Божественное как чудесное средоточие всех душ во Вселенной, увенчанное Непостижимым Безмолвием; он узнал, что степень совершенства существ зависит от них самих, что все существа являются наследниками своих собственных поступков, что «Король» чище и мудрее всех, независимо от того, каким именем называют Божественное и в какую эпоху оно воплощается в теле. Вовсе не обязательно проклинать Анаксагора, Платона, Аристотеля только потому, что они родились до Христа, их добродетели были и в ту эпоху важны, и останутся актуальными десять или двадцать веков спустя. В конечном итоге, воссоединение всех индивидуальных душ в Едином Лоне зависит не от принадлежности к той или иной религии, а от добродетелей и свершений, ведь бессмертное существо шаг за шагом очищает себя, проходя разный опыт и становясь «совершенным, как Отец Небесный», и, прежде чем стать человеком, оно должно было проявиться в других мирах, в царствах минералов, растений и животных.

Антонио боялся, что церковники узнают о его приключении; он чувствовал, что стал другим. Он сам признался в этом братьям, пришедшим проводить его:

— Я уношу внутри себя «нечто» очень большое; я боюсь, что оно прорвется наружу через глаза и...

— Антонио, вы боитесь умереть? — шутливо спросил Матео.

— Вы не знаете, каково сейчас моей душе. Раньше я верил, что инквизиция осуждает одержимых дьяволом животных, не способных испытывать боль; сейчас я знаю, что это люди, у них есть семьи и мечты о семьях, есть планы и надежды. А я помогал убивать их! Скольких детей я сделал несчастными; сколько жен остались одинокими и вынуждены были предаться пороку; сколько преступников насладились добычей! О, Матео, я не хочу туда возвращаться; позвольте мне стряхнуть с души всю эту грязь!

Вдруг голос его захлебнулся в слезах, он опустил на колени и обнял ноги своего наставника. Тот сразу же поднял его и очень твердо, но одновременно нежно позвал в свою келью. Пабло Симон вместе с двумя братьями остался дожидаться их, он молчал и был глубоко взволнован.

Через несколько минут Матео и Антонио вернулись; последний выглядел невероятно бледным, но уже более спокойным. Один из заговорщиков подал ему повязку для глаз.

— Вам больше не нужно завязывать мне глаза; это мой дом, и ваш идеал теперь стал моим!

— Простите, Антонио, — ответил Матео, — хотя нам позволено рисковать нашими собственными жизнями, мы не имеем права рисковать ложей.

Антонио взял повязку и туго завязал глаза; так скупец запирает сундуки, пытаясь уберечь свое богатство.

Время шло своим чередом, оставляя в мире след прошедших дней. И вот снег снова покрыл саваном голые ветви деревьев; но деревья не умерли, они просто спали.

Все это время Ипатия оставалась в подземной камере, она была на грани смерти, страдала от нервного потрясения и долгих дней внешнего оцепенения. Приходский священник, находясь под влиянием логи и собственной совести, делал все возможное, чтобы смягчить ненависть инквизиторов.

Пабло Симон с каждым днем становился все молчаливее, и его прогулки за городом становились все длиннее. Он много раз пытался посетить пророчицу, но безуспешно. Она же, в свою очередь, упорно отвергала все попытки спасти ее. Она желала только смерти, но физические, психологические и ментальные мучения, которым она подвергалась, превратили это желание в фарс. Все ее тело сжалось от

напряжения, а моральные устои ослабли, точнее пытались ослабнуть, от непристойных разговоров и поступков тех, кто ее окружал. В результате этого кошмара в душе девушки поселился навязчивый страх, который постепенно калечил ее и против ее воли отделял моральные принципы от тела.

Однажды в полдень, когда Пабло Симон проходил мимо внутреннего двора тюрьмы инквизиции, прилегавшего к зданию прихода, сквозь смотровое отверстие двери он увидел какое-то существо, издававшее самые жуткие крики, которые он когда-либо слышал. Какая-то старуха, вся в лохмотьях, с жидкими пепельными волосами, отчаянно пыталась скрыться от солнца, но стражники, вооруженные короткими хлыстами, заставляли ее оставаться под лучами светила. Пабло Симон содрогнулся при виде этого ужасного зрелища и отпрянул; потом хотел посмотреть снова, но в эту минуту подошел стражник и велел ему уйти.

— Кто эта старуха? — спросил Пабло Симон, в горле у него все сжалось и пересохло.

— Эта? Ведьма. Она зовет себя Ипатия. У нее очередной припадок.

Тяжелая дверь, закрывшаяся за солдатом, спасла его от двух стальных рук, которые яростно устремились к его горлу.

Только невероятное усилие и все достоинства, обретенные благодаря внутренней дисциплине, к которой он приучался с первых дней в ложе, позволили Пабло Симону уйти без скандала. Сжав зубы так сильно, что кровь заструилась из десен, и пронзив ногтями кожу ладоней, он побрел куда глаза глядят, не чувствуя усталости, словно автомат.

Должно быть, люди, пребывающие в отчаянии, внушают страх и ужас простым и чистым существам в Природе, и птицы, его старые друзья, в смертельном испуге разлетались от его шагов, а тысячи зеленых губ на листьях деревьев, казалось, умолкали при приближении молодого посвященного.

Наконец ноги его подкосились, и он в изнеможении упал лицом в траву. Неизвестно, сколько времени он так пролежал, но, когда сознание к нему вернулось, он увидел, что находится в чудесном кедровом лесу, выходящем к глубокой лощине километрах в десяти от «Руин». Было темно почти как ночью, и небо казалось грозным и мрачным.

Пабло Симон посмотрел на карманные часы и обнаружил, что с момента его ужасного открытия прошло уже больше пяти часов. Он содрогнулся от жестокого воспоминания, словно от ледяного дыхания.

Тишину подчеркивали чудовищные раскаты грома, отражавшиеся эхом от склонов соседних гор. Чтобы защититься от дождя и холода, птицы спешили спрятаться под покровом из опавших листьев и мха. Вся Природа пребывала в ожидании, в молчаливом напряжении. Пабло Симон, захваченный первозданным очарованием этого зрелища, был еще одним из существ, ожидавших бури. Короткие неистовые шквалы срывали верхние ветви деревьев, но те не падали на землю, потому что их более скромные собратья, словно в знак благодарности жертве тех, кто указывал на Небо, поддерживали их и не давали упасть.

«Какой хороший пример для людей! — подумал молодой человек. — Когда падает кто-то, кто составляет передовые отряды высших слоев общества, те, кто стоят ниже, помогают ему... рухнуть еще быстрее! А здесь, в лесу, павшие деревья погибают в древесных объятиях своих братьев».

Его созерцание прервал ослепительный луч молнии, и он увидел, как громадные капли застучали по листьям, по стволам и по земле. Пабло Симон сделал несколько шагов и укрылся под деревом с великолепной кроной. Вокруг него монотонная магическая музыка переходила в «крещендо». Но эта музыка была особой, ведь под музыкой люди понимают гармоничное сочетание звуков, полностью противоположное тишине. А эта музыка напоминала танец души безмолвия, отмечавшей праздник одиночества и очередную встречу с собой, и это был танец словно на цыпочках...

Откликаясь на настойчивый зов капель, из глубины влажных цветов выходили ангелы благоухания. Чары становились глубже и сильнее; кристально чистая вода, скользя по ветвям дерева, журчащим каскадом спускалась по его необъятному стволу. Крупное пятно пены разрасталось среди корней, распространяя столь утонченные и редкостные ароматы, что, поддавшись их гипнозу, Пабло Симон погрузился в состояние сладостной пустоты, благоприятной для самонаблюдения.

Вдруг на занавесе дождя, словно рисунок, стал проявляться какой-то светлый образ, окруженный розоватым ореолом. Пабло Симон, не в силах двигаться и ясно мыслить, мог лишь смотреть и слушать;

казалось, он слушал и смотрел одновременно, ведь взаимопроникающие вибрации воспринимаются лучше. Внезапно видение стало четким и ясным, обрело глубину. Это была Ипатия — да, Ипатия стояла перед ним и выглядела очень измученной и уставшей, но улыбалась. Она приблизилась к нему, взяла за руку, и в то же мгновение, не заметив перемещения, Пабло Симон увидел вокруг себя похожий, но в то же время отличающийся пейзаж. Он увидел самого себя в других одеждах — стоящим под огромным деревом рядом с высоким худощавым человеком; облачение этого человека напоминало одежду горных пилигримов...

Когда молодой человек вернулся в свое обычное сознание, он обнаружил, что, как и несколькими минутами раньше, стоит у основания огромного дерева, но почувствовал в себе нечто новое. Он совершил путешествие, и теперь должен найти то место и того человека.

В полночь Пабло Симон пришел в «Руины». Там его ждал Матео, который сообщил:

— Вечером наша сестра Ипатия лишилась разума...

— Это не она, Матео, это физическое тело отделилось от ее души. Она отправится со мной на Восток...

Впервые Матео смотрел на своего ученика с искренним восхищением; к счастью Учителя, его ученик постепенно переставал быть учеником...

Глава V. Восток

Вода в пруду успокаивалась, и на ее поверхности постепенно прорисовывалось овальное пятно лица. Наконец его черты стали отчетливо видны: бритые голова и лицо, слегка запавшие глаза, худые щеки. Да, даже сам он не узнавал в этом облике Пабло Симона Фосолето, преподавателя химии в приходском училище, нерешительного и немного измученного ученика брата Одиннадцатого.

С тех пор, как он покинул «Руины», прошло десять лет, и уже более шести из них он находился подле нищего философа, гуру^[2], объезжавшего Индию и Китай и приносившего мир и покой душам и исцеление больным телам.

— Лану^[3]! «Сын мой»^[4], где ты?

— Я здесь, Учитель, созерцаю себя в водах...

— Будь осторожен, не подумай, что отражение — это ты сам...

Совершенно невозможно было определить возраст говорившего: маленького роста, тело высохло до золотистого цвета, голова и лицо выбриты... Ему могло быть и пятьдесят лет, и сто, и даже больше. Все его одеяние составляли белоснежная льняная туника и нечто вроде плаща из грубой некрашеной шерсти. Его облачение странным образом дополняли пара колец и ожерелье из необычных металлов и драгоценных камней. Но, пожалуй, больше всего в этом человеке поражали глаза, в них была такая сила и глубина, что они влекли к себе, словно магия звезд ясной ночью.

— Так ты созерцаешь себя в водах? — с доброй улыбкой спросил аскет. — Но мне кажется, себя ты не видишь...

Пабло Симон, или Сани, как его звали на Востоке, тоже улыбнулся, уловив двойной смысл этих слов.

— Я сказал не подумав, меня соблазнила Майя^[5]...

— Вот одна из главных ошибок людей: они знают, как действовать, но в нужный момент действуют так, будто не знают. Ты уже видишь — дело не в том, чтобы больше знать, а в том, чтобы жить тем, что знаешь. Твое замешательство напомнило мне одну притчу великого

религиозного наставника, Сиддхартхи Гаутамы Будды, однако тебе она известна так же хорошо, как и мне...

— Я был бы очень рад снова услышать ее из твоих уст. Притча остается той же, но при этом она каждый раз другая — так мы каждый день любимся цветами, но получаем все новое удовольствие.

— Говорят, более двух тысяч лет назад обширные леса изобиловали многочисленными стадами слонов. И вот один слон, весьма массивный самец, оказался на пути странствующего монаха, и тот укрылся в безопасном месте, чтобы хорошенько рассмотреть животное. Зверь, казавшийся воплощением физической силы, подошел к пруду и вытянул хобот, чтобы напиться, но, едва заведя в воде собственное отражение, в ужасе бежал, и еще долго вдали был слышен его рев. Все это очень развеселило монаха, и он стал громко насмехаться над толстокожим. Проходивший мимо Просветленный увидел монаха и упрекнул его за насмешки над таким животным, как слон, добавив, что монах не менее смешон, чем этот зверь. «Но почему, брат?» — поинтересовался монах. И Гаутама ответил: «Потому что ты тоже обманулся. Ты смеешься над слоном, которому показалось, что он увидел надвигавшегося на него другого огромного слона, и при этом ты утверждаешь, что сам видел именно слона... Это большое заблуждение! Ты всего лишь смотрел на отражение одного из самых плотных его проводников; ты видел не «его самого». Так и люди, глядя на свое тело, говорят: «Это я», но «я» не должно отождествлять себя ни с одним из своих слуг. Тогда, однажды освободившись, оно достигнет Нирваны, чистого действия в лоне Любви и Сознания Бога, действия, к которому не примешиваются грубость, страсть, психичность, тревога — причины последующих рождений. Пока ты хочешь жить в этом мире, ты в нем живешь, ибо собственными желаниями человек намечает свой будущий путь». Так говорил Будда, о лану, и его слова, равно как и слова других Учителей человечества, — это для нас драгоценные светочи в ночи...

— Но действительно ли верно, что человек с помощью воли выковыривает границы своей будущей свободы? — спросил ученик.

— Ты знаешь, что такое карма...

— Да, это закон причины и следствия, который правит проявленными мирами. Ты объяснял мне, о мудрый, что он подобен течению реки.

— Так и есть; если погруженный в нее человек неподвижен и дает течению нести себя, вода толкает его мягко, лишь двигая вперед, и человек прилагает самые малые усилия. Если же он с глупым упрямством устремится к утыканным скалами берегам или, сопротивляясь движущей силе реки, поплывет против течения, сила ударов волн, которые обрушатся на него, будет равна его усилиям. Рано или поздно пловец вернется на середину реки и оставит борьбу, ведь сила воды не знает усталости, она не уменьшается и не растет; пловец возвращается в лоно закона из-за усталости и боли, которые были спровоцированы им же самим. Так пойми, лану, что боль — это самое милосердное божество, ведь она говорит об отклонениях и всегда действует ради нашей пользы. Она является вполне осязаемой проверкой для нашей относительной свободы воли, ведь, если бы у нас не было свободы воли, мы не могли бы (не хотели бы) в чем-либо сопротивляться Закону и не знали боли. Не действуя, мы не вызывали бы противодействия.

— Брат, а как же те, кто благодаря усилиям движется впереди всех и кому работа на благо человечества приносит неисчислимые страдания?

— Они тоже не следуют обычному закону реки, несущей всех остальных людей; они, дорогой юноша, плывут по другой реке, ближе к небу, выше тех рек, что состоят из воды. Они опережают течение и вынуждены сражаться с его относительной инерцией; чем больше физическое усилие, тем больше боли им достается, ведь ангел, заботящийся об их индивидуальной эволюции, не наделен тем видением, которое обретают люди, проникнувшие во Внутренние Мистерии Храма Служения. В конце эпохи они достигают озера, в которое впадает река, и самые сострадательные вновь бросаются в поток, чтобы помогать своим братьям. На Востоке мы называем их Нирманакая — это те, кто из любви отказались от Нирваны, или Мокши, от тихого и спокойного озера, от Неба, или рая западных христиан.

— Да, гуру; но кто придал движение этой реке, великому Закону, называемому Дхармой? Почему река движется и несет в своем русле людей и всех существ в нынешней эманации?

— А кто обусловил выбор твоего сегодняшнего физического существования?

— Я сам; мне было сказано, что я — наследник собственных поступков, и это подтверждается окружающей меня жизнью.

— А разве тебе не было сказано: «как наверху, так и внизу»? Рассудок и интуиция прекрасно дополняют друг друга благодаря закону аналогии. Ты сам дал первый импульс, ты же погасишь и последний. Когда в этих краях оказывается какой-нибудь путешественник, он смеется над брахманами, произносящими во время молений: «Я есть Брахма» или «Я есть Бог». Но эти брахманы ближе к истине и к Природе, чем все умозрительные философы и догматичные теологи всех распространенных религий. На самом деле, и этот путешественник, и ты, и я являемся Богом, иначе Божественное имело бы ограничения, а это невозможно.

— Так и должно быть.

— Все рассуждения о Божественном очень красивы, потому что учат нас смотреть вверх, но рассуждать о нем так же бесполезно, как писать на воде. Наш ум конечен; будучи конечным, он работает с конечными элементами, даже если речь идет об абстракциях, так что ему невозможно понять или охватить бесконечное. Ты пришел с Запада, там привыкли говорить и спорить о Боге; его ограничивают, придают ему облик, сводят его к обычному существу, высшему, но не отличающемуся в выражении доброты или гнева от других проявленных, ограниченных существ. Восточное представление, даже если говорить о внешней стороне религий, — иное, оно соответствует тому представлению, которое было у западных философов еще до расцвета и падения великой Римской империи. На Востоке утверждают, что человек может познать лишь «своего Бога», то есть духа, правящего этой солнечной системой, но только не Абсолют. Каждому стремящемуся к мудрости, прежде чем устремляться ввысь, следует познать мир, в котором он живет, ибо в этом мире есть тайники — ключи к другим, высшим мирам. Ищите собственную душу, и вы обретете душу Бога; изучайте истоки тел, и вы поймете происхождение других, более тонких существ; исследуйте гномов, фей, сильфов и других «элементалов», и вы будете в состоянии говорить об ангелах и демонах, как мы их здесь называем.

— Однажды Запад поднимется из глубокой ямы, в которой он погребен, и устремится навстречу своей судьбе, которая, насколько я

понимаю, состоит не в том, чтобы быть местом бойни между людьми или служить кладбищем духовных идеалов!

— Если ты сказал это просто из любви к людям, я рад за тебя; но если твоими словами движет лишь национализм или атакистическое сектанство, то я говорю тебе, что главное — чтобы человечество поднялось над скверной невежества, жестокости и эгоизма; не важно, какой народ пойдет впереди, главное, чтобы никто не остался позади. И вдобавок к этой работе нужно еще создать философский синтез, с помощью которого мы охватим взглядом всю «шахматную доску» целиком, увидим, кто на ней играет и зачем. С помощью анализа можно убить, но оживить можно только с помощью синтеза, объединения.

Наставник умолк и стал наблюдать, как вдалеке по дороге бежит стайка детишек, загоревших до черноты, грязнущих и почти голых. Они привыкли бегать пригнувшись к земле, словно маленькие лесные зверушки. Сани обернулся к наставнику и спросил:

— Можно ли что-то сделать для этих несчастных парий?

— У них очень плохая карма, ибо каждое эго низшей ступени эволюции воплощается в теле их расы; но в то же время они являются живым примером порчи и упадка брахманизма, и упадок этот отражается на состоянии народа. В древности самые разумные и высокопоставленные брахманы с любовью покровительствовали низшим классам и ставили их представителей на соответствующую работу, простую, но не унижительную, без изысков, но и не бесчеловечную. Постепенно собственная сила опьянила их, и те, кто прежде были для них младшими братьями, превратились в презренных полулюдей, «неприкасаемых». Будда пришел, чтобы вернуть культу изначальное величие, подобно тому как Иисус старался возродить изначальную иудейскую религию, которая ко времени его пришествия так обветшала... Оба наставника отчасти потерпели неудачу, ведь не так много тех, кто по-настоящему следует их примеру, их учению; большинство людей не вышли за рамки своего низкого морального состояния или, ссылаясь на священные имена, присвоили себе право разрушать, грабить и убивать ради собственной выгоды. Все эти религии, о лану, — неудачные попытки, благодаря которым люди и их непосредственные руководители получают достаточно опыта, чтобы в конце этой эпохи прийти к великой универсальной религии без сект.

Она будет посвящена исключительно «не-имеющему-имени» Богу Любви, и все чистые, добрые и мудрые люди будут ее представителями на Земле.

Наставник вновь умолк и медленно пошел к хижине из прутьев и камней, служившей им жилищем. Зимы в этих землях были холодные и снежные, однако здесь обильно рос кустарник, в котором можно было найти убежище и от жары.

Странствующий мудрец без лишних слов погрузился в вечернюю медитацию; перед ним горела лампада, масло для которой изготавливалось особым, сложнейшим способом, хранившимся в тайне.

Сани молча последовал его примеру и остановил свой твердый взгляд на красноватом диске заходящего солнца. Подлинная йога, состоящая не только из упражнений на очищение, или хатха-йоги, дошедшей до Запада; настоящее соединение с высшим Я посредством медитации; изучение Природы и правильное действие, — все это сделало его мягким и сострадательным по отношению к другим, но твердым, как сталь, строгим и требовательным по отношению к самому себе. Доброта, чистота и труд изменили его, придав силу. Он одинаково хорошо видел как физические тела, так и облаченных в эти тела сущностей. Он знал многие тайные свойства растений и драгоценных камней. Горные животные приходили поесть из его рук, и он часто общался с таинственными сущностями, обитавшими на вершинах гор и в сердце великой пустыни.

— Сани, послушай меня!.. — голос старца привлек его внимание, и молодой человек тут же оказался рядом; казалось, что речь Учителя звучит так, как говорят в обители Мистерий, в ней слышалась торжественность.

— Сегодня вечером я советовался с ангелами Огня о направлении твоего путешествия. Меня только что известили, что дальше ты должен идти без моего физического присутствия...

— О, дорогой наставник! Я думал, что рядом с тобой достигну освобождения... Мне не хочется разлучаться с тобой даже физически. В твоём обществе я научился понимать таинственный шорох листьев, шепот рубинов в центре горы и таинственный шум моря, которое всегда повторяет одну и ту же музыкальную ноту и произносит одно и

то же слово: АУМ... Ты посвятил меня в священные языки, более древние, чем птичье пение...

— И все это дало тебе освобождение, покой, благодать, внутреннюю мудрость?

— Оно дало мне если не все, то хотя бы часть этих божественных атрибутов.

— Что ж, а теперь я оставляю тебя, чтобы ты получил недостающую часть. Мой дорогой юноша, добродетели души — тоже живые существа; если их по неумению разделить, а через какое-то время их части не соединятся, они все умрут и работа окажется напрасной. Великая беда человека — неумение ясно распознавать; он часто пытается извлечь мякоть из плода, от которого остались лишь кожура да зерна. Нет, если источник отдал нам всю воду, мы должны найти другой, который даст нам еще, ведь любим мы не источники, а воду, бьющую из них. Чтобы индивид рос, на каком-то этапе эволюции ему необходимо любить конкретного Учителя, но потом, миновав этот детский этап, он начинает любить единую мудрость во всех Учителях. Мы должны любить не людей за их божественность, а само Божественное через людей.

— Я понимаю, о Не Имеющий Возраста! Ты просишь не о том, чтобы я не ценил тебя, а о том, чтобы распространил свою любовь на всю Вселенную, ведь и в тебе я люблю все того же Бога; через пятьсот или тысячу лет я снова встречу тебя, и у тебя будет другое лицо, однако любовь моя останется прежней, потому что ты не меняешься в своем проявлении, а переходишь из формы в форму. Я знаю это, ведь я тоже перехожу из одной формы в другую...

— Дух не рождается и не умирает, как это происходит с его таинственными образами и проекциями. Все это иллюзия, эфемерная игра линий, убивающая лишь оболочку реального.

— Скажи мне, о гуру, святой Просветленный, к чему вся эта дьявольская игра образов, бранных форм, глупых искр, считающих себя чем-то отдельным?

— Ох уж этот западный ум! Ты не знаешь, почему поднимается сок по стволу дерева или о чем мыслили и что создавали цивилизации сто веков назад, а хочешь познать причину существования Вселенной и даже Божественного...

Таинственный старец улыбнулся озорной улыбкой и добавил:

— Давай немного поедим, а в полночь зададим вопросы Великому Пожирателю.

Сани вымыл свою площадку в ручейке и стал прогуливаться под неосязаемым лунным дождем. Время от времени тишину нарушал далекий вой хищников или странные шорохи, которыми всегда полнятся большие леса и невозделанные пространства. Редкие высокие деревья с плоскими кронами стояли группами и, словно острова, вздымались над морем колючего кустарника и высокой жесткой травы.

Наконец молодой человек остановился у небольшого грота в склоне горы, там, где она едва заметно начинала подниматься над равниной. Странная усталость ласковым, усыпляющим прикосновением распространилась по всем его членам, и он прилег в расщелину поспать. Его полузакрытые глаза различали легкие белесые тени, танцевавшие на прогалинах, в тех местах, где не было деревьев и густых теней, враждебных этим поклонникам Луны. Вдали кровля храма молчаливо указывала на идеальное жилище людей — на небо.

К его укрытию медленно приблизилось видение, хорошо знакомое кандидату в Мистерии.

— Ипатия, это ты? — спросил он очень тихо и взволнованно. Гипнотическое состояние поглотило его настолько, что он ничего не видел перед собой и не мог сделать ни малейшего движения.

Видение утвердительно кивнуло головой. Каждое его движение выказывало радость, а обрамлявшая его аура окрашивалась неизвестными на Земле оттенками, подобными тем, что скрываются в сердце драгоценных камней.

— Скажи мне, Ипатия, почему со временем я вижу тебя все более четко и ярко, а вот твое лицо постепенно делается все менее отчетливым?

Вместо ответа призрачная рука указала на недалекую пустыню, и образ растворился в объятиях ветерка.

Сани погрузился в глубокий сон, и в грезах ему вновь и вновь повторялось самое первое видение: огромное дерево, а под ним — неведомый странник с магическим, глубоко проникающим взглядом...

Свет факела мягко коснулся врат его глаз. Учитель, воплощение мудрости и доброты, смотрел на него и улыбался.

— Лану, уже почти полночь; нам нужно поговорить с духами Огня...

— О, мудрый! Я снова видел ее!

— Что она показала тебе?

— Огромную пустыню... Ее лицо, дорогой гуру, оно становится все более расплывчатым... Что это значит?

Старец загадочно улыбнулся и молча пустился в обратный путь.

Сильный холодный ветер наполнял кроны деревьев невидимыми шумными птицами, а луна то надевала, то снимала прозрачную маску облаков.

Два человека быстрым уверенным шагом направлялись к временному жилищу нищего философа. Оказавшись там, старец достал несколько пучков сухих трав и извлек из своей туники несколько ярко окрашенных шелковых лент. Он жестом указал Сани, чтобы тот взял с собой примитивное приспособление, с помощью которого разжигали огонь.

Луна, касаясь драгоценностей старца, пробуждала в них странные блики, возможно, дремавшие не один десяток веков. Путники шли еще примерно полчаса, а затем остановились на краю плато, у подножия которого простиралась пустыня из огромных камней и мельчайшего песка.

Мудрец, не говоря ни слова, усадил своего ученика в соответствующую позу и начертил на песчаной почве несколько фигур, и, хотя они напоминали переплетенные круги, это было нечто другое. Затем он взял деревянный стержень и стал вращать его в «йони», деревянной матке, из которой мужской элемент извлекает искру. Цель непростой операции заключалась в том, чтобы поджечь первый пучок трав, который посвященный положил поверх символов вместе с другими приношениями. Старец принял нужную позу, и показалось, что на несколько мгновений он покинул мир, а когда снова открыл глаза, его лицо преобразилось и стало похоже на маску нездешнего, небесного могущества. Сани раньше никогда не участвовал в этой церемонии и изо всех сил старался соответствовать высоте своего Учителя.

Огонь, укрытый выступами почвы, живо разгорался и становился все темнее; наконец в центре пламя окрасилось сиреневым цветом, а его языки стали темно-синими. Ученик не мог сдержать легкой дрожи

— перед ним был «Черный Огонь», одно из самых страшных и опасных порождений магии. Лишь тот, кто глубоко знает Природу и ее самые тайные законы, был способен вызывать такую великую силу и использовать ее.

Поначалу от костра шел невероятный жар, но постепенно он спадал, и, хотя проверить этого Сани не мог, у него возникло ощущение, что огонь стал холодным; да, это был темный ледяной огонь...

Постепенно посреди дыма сгустилось тело какого-то странного существа. Оно было отчасти похоже на то, как изображают ангелов, но в его внешности было меньше сходства с человеком. Его крылья, если их можно так назвать, соединялись по всей длине тела, как бывает у некоторых бабочек, и составляли наименее плотную его часть, обладавшую наибольшей частотой колебаний. Чтобы детально рассмотреть его, Сани пришлось использовать внутреннее зрение. Голова существа завершалась очень острым конусом, похожим на колпак некоторых западных магов, и казалось, что ноги его соединялись в некое подобие длинного и гибкого стебля.

Старец сквозь огонь простер руки к видению, и местность сотрясли сильнейшие шквалы, не тронув лишь дальние заросли, а все окрестные животные вскричали, до смерти перепугавшись. Казалось, Природа хочет что-то выразить — то ли поклонение, то ли страх и ужас.

Голос мудреца прозвучал тихо и обезличенно. Слова он произносил очень медленно.

— Это дэва (ангел) Природы, божество воздуха. Он будет служить тебе, пока ты не покинешь пустыню. Дорожи им. После тыпустишь его на свободу, ибо, пребывая неподвижным, он сильно страдает; такое состояние противоречит его основному жизненному принципу... А сейчас огонь укажет тебе дорогу; иди в ту сторону и не возвращайся, чтобы проститься со мной, ведь в действительности мы не расстаемся. Не попадись в сети Майи.

Дэва исчез, и через несколько минут после того, как в пасть огня бросили новый пучок трав, огонь взвился вверх и образовал огромный язык пламени более светлого оттенка; пламя покачнулось под напором новых порывов ветра и, наконец, наклонилось к северу, а от источника

огня оторвались несколько язычков и почти тут же вновь соединились с ним.

Не мешкая долго, огонь потушили, маг-целитель вновь сделался неподвижным, и его лицо обрело привычные черты — невероятную детскую мягкость и теплоту. Сани молча размышлял. Он был стольким обязан этому удивительному человеку, что не хотел покидать его. Он видел, сколько добра тот приносил, какую аскетичную вел жизнь, и мысль о том, чтобы бросить его в суровой местности, полной всяческих опасностей, казалась ему чудовищной. Что важнее — его собственный внутренний мир и покой или искренняя и чистая любовь к наставнику? Голос старца прервал его прогулки в лабиринтах разума:

— Ману в книге законов говорит нам: «Так он, неизменный, чередуя пробуждение и покой, все движущееся и недвижимое всегда оживляет и разрушает». И поскольку эти слова являются точным отражением истины, которую ты уже предчувствуешь, не становись рабом формы, ведь она — лишь эфемерная иллюзия. Иди в пустыню, ищи и размышляй. Ты не расстанешься со мной, просто мое тело немного отдаляется от твоего.

При этих словах старец вынул из-за пазухи медальон, висевший у него на шее, и надел его на Сани. Это был драгоценный камень, похожий на яшму, в форме изящнейшего цветка, будто созданного сверхчеловеческим мастерством. Сани подумал, что, возможно, это и был настоящий цветок, превращенный в камень алхимическим путем — этим способом огромное количество времени, которое Природа затрачивает на то, чтобы растения окаменели, сокращается до нескольких часов. Он почтительно попрощался с мудрецом, что потребовало от него крайне болезненного усилия, и, не оглядываясь, стал спускаться к великой пустыне Гоби.

Сверхчувства, развитые благодаря упражнениям, вели его строго на север, и, хотя в отсутствие ориентиров физическое тело склонно ходить кругами, с пути он не сбивался. Пустыня с характерными для нее обширными зыбкими равнинами и странными образованиями из обломочных пород постепенно поглощала его и пыталась переварить свою жертву, приводя в смятение психику и иссушая тело. В полдень жара стала невыносимой, и Сани, в полной мере ее ощутивший, добрался до остатков буддистской пагоды II века до нашей эры; рядом с ней сочился ручеек, несколькими метрами дальше умиравший среди

песков. Место служило удобным укрытием для путников, страдавших от испытаний пустыни.

Сани заметил аскета из школы карма-йоги, предававшегося медитативному экстазу. Было похоже, что медитацией он не ограничился и потому больше напоминал покрытую пылью статую, чем живого человека.

Путник утолил жажду и наполнил кувшин. С немалым удивлением он обнаружил в складках своей одежды скромную рисовую лепешку, приготовленную по-тибетски. Он не помнил, чтобы брал что-то с собой, но его наставник на его памяти совершал и не такие чудеса.

До захода солнца Сани отдыхал, а потом, совершив подобающие жертвоприношения, вновь направился на север. За эти шесть часов неподвижный аскет с закрытыми глазами не выказал ни единого признака биологической активности.

Прилив теней постепенно заполнял низины, пока не добрался до пиков самых высоких гор. Теперь «искателя истины» в его движении направляли звезды, но ему было непросто, ведь наступление теней сопровождалось холодом, а камни, которые всего несколько часов назад раскалились на солнце, трещали, резко теряя тепло. Сани был прекрасно подготовлен к самым опасным странствиям по пустыням и диким лесам, где физическая жизнь подвергается риску на каждом этапе пути, даже во время сна или еды. Иначе он пришел бы в ужас, оказавшись здесь, посреди безграничного одиночества.

В гигантской пустыне Центральной Азии не жили ни птицы, ни насекомые, ни, вероятно, даже змеи. Всего в пяти днях пути справа текла Хуанхэ, «Желтая река», но он ни под каким предлогом не мог свернуть со своей дороги. Медленные, но непреклонные шаги приближали его к месту необычной встречи. Не имело значения, что ждало его там — добрый Учитель или же мучения и смерть; выше всего этого пребывала Истина.

Сани знал, что в этой местности ночью спать нельзя — неосторожных губит холод. Вместо этого он ускорил шаг и на ходу выполнил дыхательные упражнения, чтобы зарядить тело энергией. Он шагал всю ночь и встретил солнце словно божественное благословение. Но его путешествие чуть не прервала еще одна напасть: сильный ветер поднял песок и обжигал нос, рот и глаза. Когда очередной шквал едва не сбил его с ног, он инстинктивно схватился

правой рукой за медальон, подарок гуру, и вдруг заметил, что, хотя вокруг бушуют ветры, до него не доносится ни малейшего порыва. Ободренный этим чудесным явлением, он продолжил путь, мысленно благодаря Белых Учителей Сострадания за наставления и защиту.

Солнечный диск еще не высоко поднялся над горизонтом, когда среди притихшей песчаной бури в тысяче метров впереди он увидел, как из песка вырастает колоссальное строение, похожее на огромный квадратный храм, построенный из красноватого камня и возвышающийся метров на шестьдесят. Необычайная простота и величие здания заставили путника остановиться перед ним в нескольких шагах от двери. Храм показался ему примитивным циклопическим подобием великих египетских храмов, разве что он был больше и мощнее и здесь не было египетских рельефов, колоннад или тонких деталей. Фронтон поддерживался рядом грубых колонн, больше похожих на дольмены, и на нем не было ни изображений, ни каких-либо украшений. Камни были отчасти источены песками, кое-где недоставало целых кусков, из-за чего образовались маленькие выбоины.

Сани поднялся по полуразрушенной каменной лестнице с огромным трудом: ступени были почти по семьдесят сантиметров в высоту. За храмом вздымалась вершина небольшой горы, которая была почти в два раза выше строения. Проем двери был около десяти метров высотой, створок не было, поэтому Сани направился, как ему показалось, в самую черную тьму. Он сделал пару шагов, и вдруг в огромном зале раздались гулкие металлические звуки. Удивленный и перепуганный, он потянулся было рукой к медальону, но ничего не произошло, а громкий голос, поначалу издавший несколько беспорядочных музыкальных нот, стал выговаривать слова:

— Не бойся ничего, кроме самого себя. Слушай, чужестранец. Некогда эта пустыня была морем, из моря вздымались острова и берега, а на них росли цветы человечества и цвет растений.оборот времен окружил города пустынями и превратил в пустыню могущественные страны. Никому не избежать кармы! Одичавшее человечество падало все ниже и ниже; сейчас оно пытается подняться из праха. Оно сможет это сделать. Эти руины ждут своего часа, чтобы явиться миру тогда, когда он, слишком возгордившись своими творениями, решит, что достиг вершины. Здесь хранятся такие

сокровища искусства и науки, что люди склонят свои головы, ибо увидят, что даже самые высокие народы, победившие болезни, опустившиеся на дно моря и дотронувшиеся до звезд, падают и становятся дикарями, если они лишены нравственности, добра и духовности.

О, люди! Бойтесь могущества Души Мира! Скажите вашему чувственному искусству, вашей науке, рабе ненависти и несправедливости, вашим нынешним детским формам религии, что человек гораздо величественнее, чем им кажется, и что он время от времени падает на колени, потому что не осмеливается стать богом и взлететь к небу.

Сани был смущен и поражен. Он поднял взгляд, и ему показалось, что он видит грозных ангелов, наблюдающих за ним с верхних сводов, и сложнейшие геометрические фигуры. Его охватило такое острое чувство собственной слабости и ничтожности, что он со всех ног бросился обратно в пустыню. Он прыжками спустился по высоким ступенькам и стал взбираться по зыбкому склону дюны. Жуткий ветер выбил почву у него из-под ног, и он несколько минут пролежал лицом вниз в полубессознательном состоянии, почти погребенный в песках.

Когда он вновь поднялся, храм был уже почти полностью скрыт песком, и колоссальные смерчи продолжали заметать его.

Довольно скоро он стал думать, не было ли все это обманчивой иллюзией его чувств, излюбленных жертв пустыни.

С поникшей головой он продолжил путь, а между тем дюны вокруг постоянно меняли свои очертания и место. В какой-то момент ему открылся маленький холмик, а на нем — несколько амфор неопикуемой красоты. Он поспешил туда, но едва до них дотронулся, сосуды рассыпались в прах. Это подтверждение, пусть и эфемерное, окончательно убедило его в реальности всего увиденного.

По пути он вспоминал то, чему два года назад учил его последний наставник. Речь шла о том, что в этих землях, ныне страшных и пустынных, на протяжении сотен тысяч лет развивалась древнейшая цивилизация. Он вспомнил также, как его предупреждали, что никто не может проникать в эти храмы и брать что-либо оттуда, поскольку еще не пришло время раскрыть тайны. Сокровища эти хранят «батты», раса могущественных элементалов, которые будут жить до наступления подходящего времени. Никто из тех, кто пытался что-то

украсть у этих стражей, не вышел из пустыни, а те немногие, кто остался в живых, провели свои последние месяцы в состоянии полного, безнадежного безумия.

Улегшись в тени пещеры, он проспал пару часов, но он так жаждал достичь цели, что скоро встал и, преодолевая сопротивление болевших мускулов, заставил их работать — пошел быстрым и уверенным шагом.

Горы встречались все реже и становились все ниже, их сменяли обширные равнины очень крупного и рыхлого песка. Воды у него было немного, да и та закончилась уже больше двенадцати часов назад, и палящее солнце мучило его, обжигая до костей.

После медитации, которую он обычно проводил на закате, он продолжил путь, но заметил, что его пробирает холод и предательски охватывает странный сон. Сани знал, что означает заснуть ночью в пустыне, а ему очень хотелось дойти. Куда? Он не знал, но, где бы это ни было, там его ждала истина, любовь, прекрасный и манящий лик Таинства.

На рассвете он убедился, что, не обращая внимания на физическую боль, постепенно преодолел ее; он почти не чувствовал ужасной усталости, едва не свалившей его с ног несколько часов назад, а шершавое, как пемза, пересохшее горло, казалось, успокоилось и стало чуть мягче. Когда солнце поднялось высоко, он лег спать под выступом скалы. Он пробыл вдали от этого мира более десяти часов, а когда проснулся, оказалось, что его почерневшая кожа потрескалась, опаленная лучами солнца. Все его члены сотрясала ужасная дрожь, а в висках стучало.

Он встал с большим трудом, ноги подкашивались, и ему удалось добраться только до какого-то углубления в ближайших скалах. Пользуясь своими знаниями посвященного в мистерии Природы, он стал восстанавливать контроль над всеми частями тела и приводить в гармонию энергетические потоки. После довольно длительных дыхательных упражнений он почувствовал легкость, силу, оптимизм и желание как можно лучше воспользоваться этим днем.

Во время жертвоприношения заходящему Солнцу он вдруг понял, что у него кончился ладан, и это была последняя капля, переполнившая чашу: он почувствовал, как на него наваливается смертельная тоска, он осознал свое одиночество, одиночество во всех

смыслах слова. Он забыл об учителях, об ангелах-хранителях и обо всех навыках психики и ума, которыми владел. Он знал только, что он один; даже страха он не чувствовал. Страх — это тоже компания, это один из видов надежды, чего-то приближающегося. Принести облегчение ему могла бы и боль, ведь боль не дает думать, но Сани не страдал: его тело, почти полностью восстановленное силой его воли, молчало и ничего не боялось, поскольку ни на что не надеялось.

Темный застывший пейзаж выглядел словно воспоминание, совершенно неподвижное, не способное меняться.

Он знал о существовании Божественного и множества существ, составляющих Вселенную, но ощущал их где-то далеко. Мелкие песчинки под ногами казались ему такими же недоступными, как и космические песчинки, на которые он бросал взгляд. Он был посередине, словно подвешенный. Один, один, один!

Он снова взглянул на четко очерченный горизонт и рыдая упал ничком на песок. Его сковала тоска, и какое-то время он пролежал без движения, словно мертвый.

Вскоре ему стало холодно; мелкие камни делались ледяными, а среди редких скалистых кряжей волчьим воем завывал студеной ветер — это был его воинский клич. Ощутив его порывы, Сани в своих потрепанных грязных одеждах весь съежился. Не осознавая собственных действий, он встал и сделал несколько шагов, но почти сразу остановился. На его губах показалась улыбка, и, пристально посмотрев на звезды, он поблагодарил их. Злые чары рухнули, теперь у него появилось нечто общее со многими другими существами: ему было холодно, он чувствовал тоску и тревогу.

Поначалу он обрадовался этому и мысленно попытался передать свою стойкость всем, кто оказался в подобном положении, — и людям, и зверям. Хотя боль и ушла, она сроднила его с другими страдающими людьми; но постепенно страдания тела ослабевали, а высшие части его души заставили его испытать чувство глубокого стыда за собственную слабость и эгоизм.

Вполне естественно, что обычным людям огонь в печи кажется жарче, когда за стенами дома мороз и когда они знают, что мало кто пребывает в таком уюте и покое. Да и боль «меньше болит», если человек знает, что больно кому-то еще; лучшее зрелище для кривого — это проходящий мимо слепой. Но философу не пристало попадать в

плен подобных чувств; скорее, он будет страдать, если кому-то холодно, а он сам при этом в тепле или если страдает любое другое существо, и не важно, испытывает он сам такую же боль или нет.

Сани знал все это и в душе чувствовал себя униженным из-за того, что не смог так поступить. Разве он учился, странствовал, прилагал столько усилий для того, чтобы стать таким же жалким и слабым, как любой обыватель, влюбленный в свое пальто, в горячий обед, в физиологический покой? Разве сверхчеловеческий пример многих мудрецов и тайные занятия с гуру ничего для него не значили? Он что, обманывал своих Учителей?

— Если бы все обитатели мира были столь же ничтожными, как я, мир был бы жалок, а жертва Божественного, проявлявшегося через таких существ, как Будда, Лао-цзы или Иисус, была бы напрасной! — воскликнул он громко и пошел быстрым шагом, почти бегом.

Он не чувствовал ни холода, ни усталости, остались лишь угрызения совести, и он уходил, погружаясь в пространство и страстно желая омыться в налетающих на него волнах ветра...

Глава VI. Джордано Бруно

На пустыню Гоби опустилась зима; огромные камни казались седыми головами погруженных в раздумья гигантов, за сотни веков засыпанных землей.

После долгого путешествия Сани, кожа да кости, добрался до древнего буддистского монастыря, который еще до прихода Сиддхартхи Гаутамы служил «изначальному буддизму», религии Просветленных. Таинственные обитатели монастыря, почти не показываясь Сани, предоставили ему келью в самой новой пристройке.

Монастырь был построен у большого родника, окруженного плодородными землями; он был обнесен высокой стеной, защищавшей его и в то же время скрывавшей от посторонних глаз его сады. Сады отличались особым великолепием, поскольку монахи еще с доисторических времен владели самыми сокровенными тайнами из жизни растений.

Все чудеса, совершавшиеся адептами в те времена, и непостижимую ауру спокойствия и ментального здоровья, излучаемую ими в мир, описать невозможно. Те, кто не обладал достаточными знаниями, чтобы жить рядом с адептами, и не ведали об этих чудесах, а те, кто знал, должны были строжайшим образом хранить молчание, рискуя забыть то, что им известно, и дать ложные сведения.

Поэтому Сани был тут всего лишь беженцем, он чего-то ждал и не знал наверняка, чего именно и здесь ли оно находится. Он жил рядом с этими мудрецами, но по-прежнему был один, ведь они занимались своими делами.

Его снабдили древним трактатом на санскрите, посвященным эволюции планет, и за его изучением ученик проводил долгие чудесные часы. И малое, и великое испарялось под солнцем истины. С тысячелетних страниц, изготовленных из минеральных волокон, он узнал о теснейшем родстве атомов и миров и об их общих богах. Сколь далеки от таких наук были простые люди, и особенно народ, в лоне которого он родился! «Насколько же, — думал Сани, — люди отстали в знании основных таинств Природы!» Но все же человечество, медленно продвигаясь вперед и думая после каждого шага, что все уже

открыто, шло через школу боли к небесному престолу, который оно в свой час обретет. Если бы не войны, гонения и всевозможные жестокости, к нынешнему моменту оно бы прошло гораздо более длинный путь, и прошло в мире и покое...

Эти и многие другие мысли наполняли ум молодого человека. Его жизнь в живом сердце пустыни протекала мирно и гармонично. Он ел и спал в меру, не впадая в крайности «человека-ребенка», играющего в философию. В окружении величественной Природы он был одной из ее частей...

Один из адептов, тот самый, пять лет назад явившийся ему в видении, уделил Сани немало вечеров и рассказал ему значительную часть истории человеческих рас. Хотя анналы человечества охватывали лишь несколько тысяч лет, он знал, что Великая белая ложа хранила память о первых расах гигантов, которых наставляли сами боги. Он познал процесс, в ходе которого все сотворенное «оттачивалось», а формы смягчались и тела становились меньше; все это происходило и с растениями, и с животными, и с людьми. Два континента и соответствовавшие им цивилизации погибли, и точно так же однажды разрушится нынешняя цивилизация; выжили лишь нетронутые земли, ибо они не были еще отягощены грузом причин.

Как рассказал ему адепт, человек не сразу обрел физическое тело; получив «одежду из кожи», он поначалу был гермафродитом. Затем, около восемнадцати миллионов лет назад, произошло разделение полов. С тех пор исчезли две великие расы, два союза цивилизаций: «лемурийская» исчезла в огне, а «атлантическая» — в воде. Нынешней расе суждено исчезнуть снова в огне.

Сани все это знал, ведь изучение «Пира» Платона, Каббалы, Библии и индийских священных книг дало ему предостаточно сведений по этой теме.

Но сколь бледно выглядели эти схематичные представления на фоне детальных познаний адепта! Когда Сани его слушал, в его воображении проносились образы сотен великих империй, подобных римской или мусульманской. Человечество было таким древним, и у него было столько возможностей для развития!

Молодой философ был полон энтузиазма и жил лишь ожиданием посещения этого загадочного, не имевшего возраста человека, черты лица которого каждый день были разными, а голос звучал мягко и

нежно, как надежда. Был ли это тот Учитель, которого он ждал? Он ли поможет сделать последний шаг к посвящению, до которого было уже недалеко? Этим ли путем он приблизится к освобождению? Будущее было окутано туманом, а над туманом рисовался таинственный знак неизвестности.

Шел пятый месяц его пребывания в убежище в пустыне, и вот неожиданно наступила весна. У посвященных в это время проходили большие праздники, и группы младших учеников, обходя сады, воскуряли благовония и пели священные тексты.

Сани вспомнил рассказы Платона и Пиндара о Мистериях — в них «мист» слагал магические гимны любви и красоте.

В подобном экстазе он и пребывал, когда к нему подошел его друг адепт и спросил:

— Брат, хочешь поучаствовать в религиозной церемонии, которая пройдет во внешнем храме? Служба начнется, когда тело Нашего Владыки покажется у горизонта.

Не добавив ни слова и не дожидаясь ответа, он с добродушной улыбкой удалился. В тот вечер его черные, слегка раскосые глаза казались еще более крупными и светились исключительно ярко. Золотого цвета туника обладала несравненным достоинством простоты.

Ученик ощутил, как загорелось от этого известия его сердце. Лишь в такой особенный день эзотерическая школа, имевшая весьма строгие правила, могла позволить посвященному низшей ступени, не принадлежащему этой школе, созерцать самую малую из Мистерий. Незадолго до указанного времени Сани направился к большому храму, но, обходя рощицу, встретил адепта, который, казалось, ждал его. Тот пристально посмотрел на Сани и, читая его мысли, сказал:

— Ты знаешь, что, где бы ни исповедовалась религия Мистерий, душа и корень общенародных религий, во всем мире она одна и та же. Так что пусть тебя не удивляет мое приглашение, ведь ты наш брат — в Природе все братья, а кроме того, ты наш брат в оккультных науках. Помни: ты увидишь не больше, чем должен. Хотя тебе будет показано всё, ты этого не увидишь, так что не бойся смотреть.

— О, мудрый, тогда к чему такая скрытность, почему все держится в тайне?

— Потому что непонятное обычно трактуется неверно, искаженно, а все, что человек видит, не будучи внутренне чистым, оставляет после себя страшную для души пустоту. Что дало бы профану созерцание Мистерий? Лишь смятение, а это прямой путь к безумию и безверию. Лучше показать ему то, что ему доступно, и он не «ощутит пустоты» и не наделает ошибок, зато максимально использует свой духовный потенциал; в этом и состоит польза экзотерических религий. Великан не влезет в сандалии карлика, но и карлику не подойдет обувь великана.

— Так и есть; поэтому у таких Учителей, как Будда и Иисус, был круг прямых учеников и гораздо более обширный круг внешних учеников; с последними они говорили лишь языком притч и аллегорий, которые были легки для восприятия и из которых было изъято все научное и философское.

— Ты прав, но сейчас пришло время идти в храм; через несколько мгновений его двери снова закроются.

Едва они переступили порог, как каменные двери начали медленно и неумолимо закрываться.

Глаза Сани не сразу привыкли к сумраку; он находился в помещении, похожем на вестибюль, стены которого были покрыты знаками и образами божеств. Пространство было так насыщено ладаном, что поначалу это подействовало на него усыпляюще, но он приспособился и смог сохранить сосредоточенность. Через некоторое время адепт молча подал знак, и маленькая дверца, скрытая в стене, открыла проход внутрь. Тогда Сани заметил, как из темных углов и ниш помещения появились десять или двенадцать монахов, которых из-за очень скудного света свисавшей сверху лампы можно было принять за статуи медитирующих аскетов.

Большой зал внешнего храма имел форму куба со стороной пятнадцать метров и освещен был так же слабо.

В церемонии чувствовалось простое величие Божественного. Большая статуя Будды стала немым свидетелем приношений, которые совершались недавно посвященными братьями, теми, кто выполнял самую грубую физическую работу в общине. Никогда еще Сани не доводилось видеть такой невозмутимой обезличенности образа Будды. Это свойство ему, западному человеку, казалось очень привлекательным, ведь подобные статуи изображали не Сиддхартху

Гаутаму, называемого «Буддой», а вообще всех «будд» (просветленных). Вот почему еще за тысячи лет до рождения Учителя Спокойствия существовала буддийская религия и ее храмы, но это духовное движение постепенно утрачивало силу, пока, наконец, не истощилось совсем, и, когда родился Сиддхартха Гаутама, у этой религии оставалось лишь несколько сотен последователей, скрывавшихся в доисторических храмах в пустыне Гоби и в Гималаях.

Сани был поглощен созерцанием церемонии, и для него, немало изучавшего магию, не было большим удивлением увидеть, как монах поднялся в воздух и зажег одну из боковых ламп на высоте восьми метров от пола. Он был знаком с тайным искусством, с помощью которого можно было заставить силу притяжения Земли оттолкнуть тело и отправить туда, куда укажет его воля; но то, что произошло потом, вызвало его полное восхищение и изумление.

Все ученики, некоторые из которых были еще подростками, один за другим поднимались на ту же высоту и зажигали лампы. Сани умел левитировать, но это требовало определенных усилий, и ему удавалось подняться лишь невысоко, и то не при каждой попытке; обычно он отрывался от пола лишь на несколько сантиметров. Участники же церемонии проделывали все это с кажущейся легкостью, ни у кого не было ни малейшей задержки или затруднения. Когда настал его черед, он в тревоге обернулся к адепту, ожидая, что его освободят от полета, но тот улыбнулся, протянул ему факел и указал на следующую лампу. Сани хотел что-то сказать, но жест адепта заставил его передумать и все-таки сделать попытку.

Через минуту он смог отделиться от пола и проделать в точности то же самое, что и другие.

Ночь он провел в бдении и размышлениях, душа его наполнилась оптимизмом, а сознание сохраняло связь с мирами чистой интуиции. Незадолго до рассвета, когда он позволил себе несколько минут отдыха, перед ним предстало видение, которое всегда возвещало великие события: образ Ипатии. В этот раз ее лицо еще больше, чем обычно, казалось размытым; можно сказать даже, что у нее не было лица. Ее окружал обширный белый ореол, но его очертания были очень нечеткими.

Сани мысленно задал вопрос. Вместо ответа образ поднял руку в прощальном жесте. Он не мог понять смысла этого видения, но

чувствовал, что оно было последним.

Нечто очень неопределенное поселилось в его душе, нечто одновременно радостное и грустное; подобное ощущение человек испытывает, покидая свой родной дом, город или страну в поисках новых горизонтов, чего-то лучшего, более подходящего для него. Это земные тревоги, но существам, находящимся в рабстве у материального, у цепи циклических возвращений, они кажутся реальными и ужасающими. Было ли это странное ощущение предчувствием его самого последнего шага вперед, его освобождения от мира страстей, его встречи со своим Я?

Следующие дни показались кандидату в Мистерии сном. Он жил наполовину — жил, храня это «нечто».

Его мудрый друг, адепт, занятый никому не ведомыми таинственными делами, больше не посещал его. Книга с асбестовыми страницами, некогда так увлекавшая его, лежала теперь забытая на полке в келье. Сани ждал не только всеми клеточками тела, его эмоции, ум и душа разделяли эту мучительную радость ожидания.

Кусты, уже покрывшиеся красными цветами, отвечали молчанием на его вопрос; воды пруда были поглощены собственным журчанием; стены храма изобиловали образами прошлого, а в его анналах не было ни намек на будущее. Порой его взгляд поднимался к редким белым облачкам, и он сливался с ними, пытаясь с высоты обозреть бóльшую часть пустыни. Не приближается ли тот таинственный персонаж, который завершит его посвящение?

Лишь звезды говорили ему в своем неизменном сиянии: «Жди; будь упорным и настойчивым; терпение — это испытание вечности». Долгие часы Сани смотрел на звезды, упиваясь чарующим покоем. Но потом к нему вновь возвращалась тревога; для него вся жизнь оказалась накрепко заперта внутри одного-единственного слова: жди!

Дни шли за днями, ночь скользила за ночью, и это неумолимое движение успокаивало его тревогу и наполняло сердце деятельной невозмутимостью. Он возобновил свои космогонические и астрономические исследования, возобновил жертвоприношения, регулярные медитации и «татрак»^[6].

Невидимые руки весны не знали покоя, они открывали каждый бутон, покрывали листвой каждое дерево и давали птицам гнезда.

Однажды вечером, когда солнце уже клонилось к горизонту, а взгляд Сани был прикован к пруду, на воду легла какая-то тень. Обернувшись, он увидел адепта. Душа ученика, пребывавшая в цикле великого спокойствия, не удивилась столь необычному визиту. Мудрец приветствовал его легким поклоном и сообщил:

— Брат, тебя ждут на северной границе рощи.

Сани встретил эту новость равнодушно, возможно потому, что не понял всей ее важности; но, когда он встретился взглядом с адептом, его глаза раскрылись от изумления и даже легкого испуга. Лицо адепта было похоже на живую статую, но даже сквозь его невозмутимость просвечивала необычная радость, а при виде изумления, возникшего у молодого человека с Запада, оно даже выразило определенную иронию.

Безмолвный жест адепта заставил Сани тут же устремиться к указанному месту.

Близкое лето добавляло лучам солнца огня и укладывало влажные тени под кроны старых деревьев. Северная граница рощи находилась дальше всего от зданий монастыря, здесь над внешней стеной виднелись ветви высоких растений.

Дорога вывела Сани на прогалину у стены. Спина к нему под огромной сосной стоял высокий человек, одетый в какую-то коричневую рясу с капюшоном. Ноги Сани, вероятно от легкой нерешительности, слегка шаркали по камням дороги, и незнакомец медленно повернулся. И тогда Сани испытал такое душевное потрясение, что его колени слегка подкосились: это был тот самый человек, которого он увидел в первом видении, показанном Ипатией! И пейзаж был тот же самый! Наконец-то он его нашел!

Его очарованная душа догадалась лишь склонить тело в глубоком поклоне.

— Да пребудет с тобой высшее счастье! Я ждал тебя!

Внешность говорившего была незабываемой. Высокий, с медно-красной от непогоды кожей, с огромными черными глазами, он казался воплощением божества воли и силы духа. Крепкое сложение, орлиный нос, крупный рот с тонкими, едва раскрывающимися губами, твердый квадратный подбородок — все это усиливало первое впечатление.

При этом облик его излучал великую доброту и гармонию, а столь внушительная сила воли смягчалась едва заметной улыбкой. Его

скромное облачение дополняли широкий пояс, сумка из кожи и золотой треугольный медальон с изумрудами, висевший на шее. Защитой для ног, покрытых рубцами, служили грубые, изношенные сандалии.

После нескольких мгновений тишины дар речи вернулся к Сани, и он спросил:

— Ты ведь тот, кого я жду, да?

— И да, и нет... Ты ожидаешь освобождения, встречи с Богом; именно это означает вернуться к самому себе, к обитающему в тебе Богу, хотя ты и не осознаешь его. Таким образом, я и тот, кого ты ждешь, — ведь Божественное живет и во мне, — и не тот, потому что твой единственный настоящий Учитель ждет тебя в твоём собственном духе.

— Да, но я интуитивно чувствую, что ты покажешь мне путь. Как твоё имя, о мудрый?

— У меня много имен, но на Западе я известен как Джордано Бруно.

— Запад! — повторил Сани, словно во сне. — Как давно мое тело не бывало в тех странах! Сейчас мое воспоминание о Западе словно затянуто пеленой и запятнано кровью. Здесь, в священном покое монастыря, не верится, что где-то на Земле может существовать такая жестокость, какую я помню...

— Похоже, ты сильно страдал там...

— Еще бы! Мои самые близкие и любимые существа были убиты или замучены до потери рассудка. Я возложил весь ладан моей юности на алтарь знания и чистоты, а в ответ мне причиняли боль и преследовали с такой жестокостью, какую не встретишь даже среди самых ядовитых насекомых.

— Ох!.. Но ты можешь больше не жаловаться на них, ведь они тебя уже не ранят; и они не будут жаловаться на тебя, ведь ты уступил им поле боя...

На губах Джордано появилась грустная улыбка, он не отрываясь смотрел на собеседника. Тот очень удивился этим словам, и на поверхности его души медленно проявилось крайне болезненное ощущение — смесь страха и унижения. Он хотел было протестовать, но его взгляд пал побежденным и искал спасения в траве, растущей у

ног. Море противоречивых и беспорядочных мыслей лишило Сани дара речи.

Джордано приветливо похлопал его по плечу и сказал почти шепотом:

— Хорошенько подумай над этим: прошлое ты изменить уже не можешь, но будущее — еще дитя, оно способно на перемены. Увидимся через три дня.

Когда внимание ученика вновь вернулось во внешний мир, мудрец уже ушел; над головой появились первые звезды. На башне большого храма колокол, сделанный из дерева и алхимических металлов, отгонял злых духов.

Сани вернулся в свою келью и в следующие три дня не видел солнца и не притрагивался к пище. И за столь короткое время он понял то, чего не мог постичь за долгие-долгие годы.

Делая первые шаги, каждый ученик считает, что опасны сладострастие, чревоугодие, лень, насилие или догматизм; что стоит ему изгнать их из себя, как он станет просветленным, обретет великую силу, чтобы помогать человечеству, и избежит необходимости перерождаться. Именно так и думал раньше Сани. Но теперь он видел страшное лицо своей ошибки. Он и раньше знал, что, даже когда грубые формы неведения преодолеваются, остаются более тонкие и потому более опасные.

Невидимые, потаенные враги скрываются в лоне каждого действия и каждого бездействия. Труден «узкий путь»! Для стремящегося к Мистериям главное — способность распознавать. Зло, то есть «меньшее благо», переставая быть грубым, становится умным; и то, что хорошо для учащегося, для другого может таковым не являться. Каждый человек, дошедший до такого этапа пути, должен сверяться с самим собой и все меньше зависеть от внешней помощи, будь то помощь Учителей, ангелов или богов. Гармония рождается не из взаимодействия одинаковых элементов, а из игры противоположностей; таким образом, никто не знает о боли стремящегося лучше, чем он сам; в нем находится зло, в нем же и лекарство. Сколько всего он читал и слышал на эту тему! Тем не менее только сейчас он начинал жить этими знаниями. В одной очень древней индийской книге ему встречалась загадочная фраза, которая теперь, после разговора с Джордано, прояснилась для него и казалась

блестящей: «Многие смогут войти в Нирвану, но никто не насладится ею до тех пор, пока не дойдет до нее последний из обещанных».

Какое глубокое, какое чудесное значение обрело в его глазах учение Иисуса Христа о милосердии! Теперь оно было не просто словами, обращенными скорее к чувствам, чем к действию, оно стало очевидной и необходимой реальностью.

Как ярко сияло для него теперь и «ненасилие», «уважение ко всем формам жизни», которое советовал Будда! Подобно тому как маленький ключ иногда открывает огромные двери, слова философа с огненными глазами стали для Сани ключами, раздвинувшими темные завесы неведения.

Ведь, по правде говоря, ученик по имени Пабло Симон когда-то превратился в «Сани» лишь для того, чтобы духовно развиваться, а затем вернуться в Европу к своим угнетенным и притесняемым братьям и просвещать их, помочь им с победой пройти через долину крови и слез, в которой они очутились. Но, соблазнившись очарованием самосовершенствования, он забыл первоначальную цель своего путешествия, и, если бы на пути не появился мудрый Джордано Бруно, возврата бы уже не было.

Да, он обязан вернуться на Запад! Имеет ли значение его собственное освобождение, когда миллионам братьев запрещается думать, верить, любить?

Многим философам пришлось покинуть родину в поисках личного спокойствия, и поэтому Запад от века Перикла скатился до века костров. Где теперь моральная медицина и психосоматика Гиппократова? Где наука Пифагора и Евклида? Расцветают ли где-то умы, подобные Сократу, Платону или Аристотелю? Утрачены представления о законах циклов, о том, что Земля круглая, о высшей математике и золотом сечении в архитектуре; захвачены и подменены древние храмы, в которых Божественное мягко спускалось в сердца свободных и чистых женщин и мужчин... Такая картина предстала новому, уже иному Пабло Симону, но выбор он сделал: он возвращается на Запад; с Джордано или в одиночку, но через неделю он должен отправиться в путь.

На рассвете четвертого дня, едва он закончил приношения духу Солнца, как в его комнате появились адепт и Джордано Бруно; внешне они очень отличались, но улыбались совершенно одинаково.

— Я знаю, что ты нас покидаешь... и желаю тебе счастья. Мой брат будет активно направлять тебя в том, что тебе нужно. И да будут боги к тебе благосклонны...

Не сказав больше ни слова, восточный адепт сделал легкий поклон и покинул комнату.

— Я вижу вы легко читаете мои мысли; а значит, даже несмотря на мою ничтожность, между мною и вами есть близость, о мудрые!

— Так и есть. Если ты не возражаешь, мы выйдем завтра на рассвете.

— Много ли времени займет наш путь в Европу?

— Год, может быть меньше.

Двадцать четыре часа показались кандидату в Мистерии одновременно и короткими, и длинными. Ему не терпелось отправиться в путь, но в то же время было немного грустно покидать столь чудесный уголок мудрости и покоя. Восток столько всего ему дал! А его гуру? Возможно, он уже знал о его уходе; мудрый и в высшей степени скромный старец немало трудился над духовным совершенствованием своего ученика и наставлял его на путь служения, правильного действия.

Солнце едва поднялось над горизонтом, когда Пабло Симон, сопровождаемый безмолвным присутствием Джордано, ступил за ворота монастыря.

Ветер пустыни поспешно стирал следы на каменистом песке — так ураганные ветра времени стирают эфемерные следы миров, распознавая их в глубине непреходящей реальности.

Глава VII. Храм Исида

Многие существа в Природе, проникая в новую среду обитания, вынуждены реагировать на нее и постепенно приспосабливаться; так и два странствующих философа постепенно входили в зону европейского влияния, охваченную потрясениями и беспорядками. Это были Джордано, обладавший неодолимой силой познавшего себя, и Пабло Симон, ведомый своим замыслом, жаждой служения и освобождения.

Вот уже семь месяцев прошло с тех пор, как купола священного города из пустыни Гоби сгладились под растущим грузом расстояния за их плечами... Пабло Симон вспоминал долгое путешествие по Нилу, когда их лодку день за днем несло течение реки, стремившейся раствориться в море. Ученик не имел никакого представления о том, зачем они оказались в Египте. Они скрытно прошли сотню километров вверх по течению, но единственное, что он знал, — что теперь где-то в дельте их ждала встреча со старым соратником Джордано.

Лодка, допотопная конструкция из толстых досок, шла тяжело, чуть ли не дрейфуя. Человек шесть местных жителей направляли ее ход длинными жердями, заодно раздвигая ими заросли водных растений. Вода все прибывала, а в последние дни она стала розоватой, поскольку несла ил — особенность Нила, благодаря которой пустынные земли превращались в одно из самых плодородных мест в мире.

Пенистые волны, набегавшие время от времени, постепенно расширяли русло и скрывали руины — следы уже забытых человеческих рас, наций, которые уступили переменчивую сцену истории другим. Лодочники пели странную песню; они рассказывали, что ей научил их ветер, дувший сквозь трещины Сфинкса.

Пабло Симон был в нетерпении, он чувствовал, что предстоящая встреча с членом одного из тайных братств, первая после его возвращения на Запад, была чрезвычайно важна и могла принять непредвиденный оборот. Чтобы успокоить мысли, он стал ходить по палубе. Джордано, погруженный в глубины своего внутреннего мира, неподвижно сидел на носу лодки, склонившись над водой.

Выступавший в роли хозяина судна сириец с высохшим и почерневшим от солнца лицом задавал тон песнопениям необычного хора; из-за широкого пояса его туники виднелась обложка какой-то книги.

Эта деталь крайне заинтересовала Пабло Симона, ведь сириец едва умел читать, тем более на европейских языках. Должно быть, он ее украл. Пабло Симон подумал, что тут может скрываться что-то любопытное, и спросил хозяина, обратившись к нему на трудном языке его страны.

— Книга была у колдуна в черной тунике... у неверного, который сопровождал армию, сравнявшую с землей наш порт; они убили детей и обошлись с нашими женщинами как с игрушками, которые потом выбросили в море... Колдун сжег наших магов и астрологов. Потом он взял мою лодку — а она была тогда великолепным парусником, — чтобы вернуться на Сицилию; по пути они все напились и поубивали друг друга...

— Кто убил колдуна? Скажи правду!

— Мои люди бросили его за борт...

— Ты мусульманин, не так ли?

— Да.

— Разве основатель твоей религии не учил, что нужно любить всех людей, даже если они не мусульмане?

— Да... Но разве Пророк христиан не учил их кротости и смирению, не учил, что убивать грешно? Почему тогда его приверженцы занимают наши земли, перекрывают нашу торговлю и жгут все, что им вздумается? Почему они пытаются все решать силой оружия?

Пабло Симон молча смотрел на этого не слишком образованного человека, некогда имевшего хороший достаток, который оказался за тысячу километров от родины и которому пришлось стать безвестным хозяином лодки с командой туземцев. Что можно было ответить на столь живое свидетельство того, как действует так называемая европейская цивилизация? Стоявший за его спиной Джордано ответил за него:

— Я слышал твои слова, добрый Абдул; теперь выслушай меня. Если один или двое из твоих людей сойдут с ума и попытаются швырнуть лодку на западный берег, ты тоже сойдешь с ума и решишь

разбить ее о восточный? Или же, будучи в здравом уме, свяжешь безумцев и будешь держать курс посередине русла?

— Я сделаю второе, но...

— Послушай меня! Человечество — тоже лодка в реке жизни; если приверженцы одной религии в своем безумии пытаются разрушить лодку и убить большую часть пассажиров, зачем другим религиям подражать им? Разве это не один из видов раболепия, покорности? Если вас захватывают, защищайтесь, но без ненависти... Зерна ненависти вырастают в катастрофы, Абдул. Действие всегда рождает ответное действие. Не применяйте насилие, и рано или поздно перестанут применять насилие против вас... Не забудь то, что я тебе сказал, и не пропускай эти слова мимо ушей; быть может, и твоя жизнь, и жизнь твоей расы зависят от того, будут ли выполняться эти правила.

— В твоих словах, о мудрый, звучат черные, словно грозовые тучи, прорицания, но, возможно, они более применимы к христианам.

— Они тоже получают по заслугам и пожнут столько боли, сколько посеяли. Закон Бога справедлив, у него нет «избранных народов»; даже Солнце несправедливо по сравнению с ним...

Хозяин в сомнениях вернулся к руководству разладившимся хором, а Джордано, опершись о нос судна, продолжил исследовать воду.

— Куда мы направляемся, Джордано? Все спасаются от большого прилива, а островки превращаются в скрытые ловушки... Смотри, как крокодилы ищут себе добычу среди несчастных животных, окруженных водой!

— Через пару часов мы будем на месте...

— Вся дельта как на ладони... Где нас ждут?

Обратившись к Абдулу, Джордано спросил:

— Мы можем прибыть в храм Исиды прежде, чем его накроет большая волна?

— Да, конечно... Мы идем туда?

— Вот этот кошелек с золотом твой, если стены храма я увижу до того, как зажгутся звезды.

Абдул проводил кошелек жадным взглядом: щедрая плата вдвое превосходила оговоренную стоимость путешествия.

С огромным интересом Пабло Симон разглядывал храмы и пирамиды на обоих берегах и таинственные восточные горы. Солнце

быстро садилось, усиливая кровавый оттенок воды. Запыхавшиеся гребцы, не жалея сил, с трудом вели лодку по болотистым протокам, наполовину запруженным водными растениями, бревнами и трупами животных — жертв наводнения.

Огромные стаи ибисов, некогда священных птиц, пролетали так близко, что чуть не задевали единственную мачту лодки.

Пабло Симон с волнением встречал каждую увиденную им руину и взглядом спрашивал у своего учителя, не это ли храм Исида.

Солнце стояло уже над самым горизонтом, когда они вышли в широкую протоку с бурными водами; берега, покрытые обильной растительностью, растворялись в ее течении. Вдруг гребцы с криками и угрожающими жестами окружили хозяина. Тот сказал им несколько слов, а затем, раздав самым горячим по несколько ударов дубинкой, заставил их вернуться к работе.

— Что происходит? — спросил Пабло Симон.

— Местные египтяне верят, что в святилище Исида живут призраки древних жрецов, и, поскольку мы приближаемся, они боятся их проклятий... Абдул уже в третий раз доставляет меня сюда, и всегда происходит одно и то же...

— Здесь действует ложа?

— И да, и нет. Чуть позже ты узнаешь больше.

— Я могу спросить, с кем мы встречаемся?

— Кавалер де Венти — весьма сведущий в священной науке мудрец.

— Он принадлежит к миланским ложам?

— Да, он даже работает в Папской области и во всех герцогствах полуострова.

Посередине русла перед носом судна выступала из воды кубическая конструкция, стоявшая на затопленном острове; на ней не было барельефов, но венчало ее нечто похожее на зубцы в форме бутонов лотоса. Входная дверь представляла собой одну герметично закрытую каменную створку, до нижнего края которой уже доставали волны. Солнце, почти опустившееся за горизонт, окрашивало пейзаж фантастическими красками, и храм сиял белизной посреди реки из расплавленного сургуча.

Причалить оказалось непросто, ведь вода прибывала все быстрее, и большие волны превратились в опасный, ужасающей силы прибой. В

конце концов с помощью каната двое философов все же спрыгнули на уже залитую водой каменную лестницу, которая вела к единственной двери. Джордано знаком отпустил лодочника, крепко прижимавшего к груди объемистый кошель с золотом. Судно, подталкиваемое течением, быстро удалилось, и, пока оно не исчезло в одной из боковых протоков, наставник стоял неподвижно, словно не чувствуя опасности волн, которые, набрасываясь на лестницу, промочили путников насквозь.

Наконец Джордано, словно пробудившись от погружения в себя, раз двадцать ударил посохом в угол двери, после чего вернулся к своему прежнему состоянию.

Через несколько минут огромная глыба немного повернулась на петлях, открыв проход для учителя и ученика. Они оказались в небольшом зале, освещенном синими лампами; стены и ковры были того же цвета, разных его оттенков.

— Это похоже на небеса! — произнес Пабло Симон, обращаясь к Джордано.

— Небо и есть подлинный «дом человека», ты и сам это знаешь.

Их диалог прервал шорох открывающейся двери, и в комнате появился человек среднего роста, с тонкими чертами лица, неопределенного возраста, на нем была изысканнейшая туника из белого льна. Он обменялся почтительными приветствиями с Джордано и сердечно поздоровался с Пабло Симоном, знавшим, что перед ним — граф де Венти, известный во всей Европе своей мудростью и легендарными алхимическими трудами, которые ему приписывали.

Как объяснил Джордано, храм Исиды никогда не предназначался именно для культа этой богини, он объединял около двух десятков глав разных течений из великого тайного братства.

Пабло Симон присоединился к нескольким церемониям, а затем руководители старшей ступени посвящения спустились в большую крипту, построенную на глубине более двадцати метров под протокой. Казалось, винтовая лестница уходит в самое сердце земли. В своеобразном вестибюле, который находился прямо над главным залом, Джордано расстался со своим учеником, сказав:

— Этот храм построили первые поселенцы атлантов более сорока тысяч лет назад, тогда он стоял на острове посреди моря рядом с дельтой большой реки. С тех пор разные инициатические ложи использовали его особые свойства и уединенное расположение —

местные жители, порой случайно оказавшись неподалеку, пугались некоторых феноменов «материализации» тонких, обычно невидимых тел и теперь стараются держаться подальше от этого места. Конструкция настолько совершенна, что, несмотря на ежегодные паводки Нила, которые заливают храм почти до верхней террасы и прячут дверь под несколькими метрами воды, внутрь попадает лишь несколько капель и его крипты остаются сухими и проветриваемыми.

— А сейчас вы встречаетесь внизу?

— Так и есть, дорогой мой Пабло Симон. Я привел тебя сюда, но здесь я тебя на время оставляю. Церемония, которая сейчас состоится, древнее моря и гор, ибо еще прежде, чем было создано физическое тело этой планеты, она проходила в других уголках Вселенной. Мы, жрецы в белых туниках (этим облачениям с помощью сока определенных плодов алхимическим образом придают блеск), располагаем наши тела в том же порядке, в каком располагаются некоторые звезды на небе. Пространство, окружающее нас, синего цвета, а ароматы тщательно отобраны богами Природы. Затем мы «раздваиваемся» и саму церемонию осуществляем на тонких планах, пользуясь своими энергетическими телами.

— Так и души звезд объединяются в непостижимых таинствах за пределами их сияющих физических облачений, да?

— «Как наверху, так и внизу»... Не забывай об этом золотом ключе. Помни, что самые могущественные ключи — самые простые; они открывают все двери Природы... А сейчас иди наверх, делай что хочешь и возвращайся в полночь, через семьдесят два часа.

Пабло Симон глубоко поклонился своему Учителю, попрощался с остальными жрецами и стал быстро подниматься наверх.

Он вышел на террасу; неосязаемые посланники горизонта раздували складки его туники; всего в двух метрах от его ног вода с грохотом атаковала источенные беломраморные ступени. Борьба неподвижной силы камня и силы воды наполняла храм неясными шумами — подобные звуки возникают, когда крепко стискиваешь зубы. Время от времени какое-нибудь бревно отчаянно билось в стены, словно шпоры в бока лошади...

Пабло Симон наслаждался своим одиночеством и кипучей жизнью Природы, не позволявшей другим звукам, кроме ее собственных, достигать слуха. Дозорная башня, с которой он наблюдал за паводком,

напоминала ему прочный и спокойный духовный замок посреди суетливой толпы, сведенной с ума иллюзиями — порождениями неведения и боли. Несколько маленьких облачков заслонили собой звезды...

— Так и обманчивые иллюзии мира скрывают Идеал! — воскликнул он вслух.

Волны, не найдя других аргументов, возразили ему мощным завыванием. Он перевесился через зубчатую стену с лотосами, и его лицо осветилось отблеском воспоминаний:

— Ипатия... — прошептали его губы, но он сжал их, подчинив маске спокойного безразличия.

Поток, по сравнению с которым тот, что находился перед его глазами, казался бледным отражением, стал осаждать его мистическую духовную крепость. Он почти через силу оторвался от перил и перешел в северо-восточный угол башни; казалось, вода здесь убегает, преследуемая его взглядом. Пастухи неизбежности подгоняли целые стада овец из пены...

— Народы Малой Азии говорят, что ветер приносит воспоминания... — нежный, мягкий голос, прозвучавший над резными лотосами стены, привел его в оцепенение.

Не решаясь повернуть головы, он спросил:

— Это ты?

— Можешь думать так, если от этого ты станешь счастливее... Иногда мудрее пребывать в неведении...

Пабло Симон медленно обернулся; посреди террасы стоял такой знакомый ему образ. Лицо было настолько засвеченным, что казалось овалом света, таинственным эскизом луны.

— Раньше ты заставляла меня в полудреме... Я уже стал сомневаться, действительно ли мы общаемся... Но сейчас я совсем не сплю, и ты говоришь со мной!

— О, не придавай этому значения! Я говорю с тобой многими способами... Я все еще стеснена в своих проявлениях, но однажды я покажу тебе, как говорят друг с другом деревья, звезды и люди, потерявшие свои лица...

— Ипатия, милая сестра! Порой мне кажется, что я внутренне слаб не потому, что мне не хватает тебя, а потому, что ко мне не сходят

божественные наставники, способные одним жестом поднять павшего, излечить раны и отдернуть завесу из плоти...

— Брат, кому ты подашь милостыню — богатому или бедному, у которого ничего нет? Разумеется, ты поможешь более нуждающемуся... Так радуйся! Ты уже настолько близок к Учителям, что они доверяют тебе и предоставляют относительную свободу... словно подростку.

— Твои слова — успокоительный бальзам! Но мой ум любит плести софизмы, он заставляет меня думать, что раз так, то самые одинокие, самые невежественные и далекие от божественной гармонии люди и есть самые «взрослые»...

Тень беспокойно пошевелилась, а потом ответила немного грустным голосом:

— Не позволяй своему телу обманывать тебя; ты не есть твоё тело. Тот, кто живет в отрыве от великого Закона любящей мудрости, не одинок, он пребывает в дурной компании — в окружении множества страстей, страхов, ненависти и прочих ужасных чудовищ. Но человек, который освобождает себя, становится относительно одиноким, его сопровождает меньше страстей, он сводится к своему Я, чтобы отыскать Я всех других, а затем и не-Я. Каждый шаг на пути означает, что становится еще одной сопровождающей нас иллюзией меньше, одним обманом меньше...

Казалось, что видение рассеивается, а его голос смешивается с голосом ветра.

— Не уходи! Ипатия, почему случился весь этот ужас?.. Вместе мы бы дали человечеству...

— Молчи! Зачем размышлять о том, чего не может быть? Откуда ты знаешь, что, случись все иначе, мы принесли бы больше пользы? Ты считаешь себя мудрее судьбы?

— Нет... Но... почему судьба так жестока? Я же знаю, что должна быть какая-то причина, какой-то грех, вызвавший все это, но какой? Неужели мы могли быть столь порочными, столь невежественными?

— Откуда течет весь этот грозный поток воды? Разве можно представить, что он выходит из земли или сходит с неба просто так, ни с того ни с сего, размывает берега, сносит острова и переносит их на несколько километров, разрушая, убивая, но при этом неся плодородие, порождая цивилизацию? Тонкие пары образовали

крошечные капли, а их своевременное объединение произвело все эти действия... В Мистериях нас учили, что очень трудно разбить несколько соединенных частиц...

— Но мы-то с тобой разделенные частицы, Ипатия.

— Не кощунствуй! И да не сохранят стены эхо этих невежественных слов! Если мы соединены любовью, никакая инквизиция не сможет нас разделить. Ты должен лишь любить Всё через Ипатию. Когда-нибудь мы станем одной душой и больше не будем разделены. Если ты знаешь об этом, если впитал это в криптах ложи, как ты можешь отрицать это и попадаться в любимую ловушку обывателя, который думает, что маленькие детали физической жизни играют самую важную роль? Любовь, связывающая людей, выходит за пределы их облачения из плоти и длится дольше, чем они. Когда духовная близость создает благородные, чистые узы, никакие внешние обстоятельства не могут на них повлиять, и тот, кто это знает, не страдает. Возлюбленный брат, я хочу, чтобы мои посещения, если я смогу повторять их, вызывали в тебе не огорчение, а духовную радость, которая придаст тебе сил и оживит твой разум. Но скоро рассвет... Я должна уйти...

— Ты уходишь из-за рассвета? Но ты же не темная лярва, чтобы бежать при виде малых Владык Авроры...

— Тот носитель, проводник, который ты видишь и который издает звуки, похожие на человеческий голос, — всего лишь «тень», он не выдерживает солнечного света... Но пусть это не обманывает тебя, я всегда рядом, и наша мистическая связь будет жить и в космическом танце звезд, и в светящихся признаниях в любви простых светлячков... Таинство наверху, таинство внизу...

— Куда я направляюсь сейчас? И где будешь ты?

— Твой мудрый наставник даст тебе совет, какой путь избрать; а что касается меня, я пойду с тобой, а ночью, погрузившись в сон, ты придешь ко мне, и мы будем трудиться вместе, как и было до сих пор...

Видение быстро утратило плотность, и его последние слова прозвучали как вздох, как стон.

— Ипатия! — тщетно Пабло Симон протягивал руки — они поймали лишь порыв ветра, но в его сердце бились счастье и надежда.

После обряда на восходе солнца он предался долгожданному отдыху.

В назначенный час ученик спустился по темной винтовой лестнице и стал ждать своего Учителя у потайной двери, ведущей в большую крипту.

Всего несколько минут спустя философ уже прижимал ученика к своему великодушному и отважному сердцу. Они вместе поднялись по лестнице и остановились в одном из небольших залов наверху. Он был украшен золотистым мрамором и оранжевыми гобеленами; с потолка свисал большой шар, как казалось — из стекла, который излучал желтоватый теплый цвет, очень напоминавший солнечный.

Пабло Симон не раз видел алхимические лампы, какие-то из них горели на жидком золоте, и огонь в них не гас веками, причем достаточно было в самом начале налить немного горючего, и больше заправки не требовалось; но он никогда не встречал ничего похожего на то, что светило сейчас.

— Учитель, в основе чудесных свойств ламп, которые я видел раньше, лежало восполнение вещества, подпитываемого благодаря излучению совершенно холодного света; но эта лампа горячая, словно свет солнца... Каким образом компенсируется столь значительная потеря энергии? Ее приходится заправлять каждые два-три часа?

— Между некоторыми элементами Природы есть симпатические связи, о которых ты еще не знаешь; во всей Вселенной они существуют в потенциале, и лишь в одной точке времени и пространства они активны. Так вот, если изменить совпадающие факторы таким образом, что потенциальное проявится, разве сложно воспользоваться огромным количеством тепловой и световой энергии, скрытой в нескольких частицах золота? Как ты знаешь, этот металл является реакцией некоторых земных элементов на действие солнца, и реакция эта направляется солнечными ангелами, то есть разу мами, отвечающими за подобные процессы в Природе. Я знаю, что сказанное не даст тебе решения задачи, но первый шаг ты сможешь сделать. Ошибка, свойственная людям, — просить решения, прежде чем полностью вникнуть в суть проблемы, с которой они столкнулись.

— Это великая истина! Брат, есть ли у тебя для меня какая-нибудь новость?

На лице Джордано отражались легкие признаки усталости, и он грел руки около лампы. Пабло Симон поспешно добавил:

— Кажется, ты утомлен... Не прерывай отдыха ради моего любопытства.

— Нет, нет! Мое тело уже оживает и восстанавливает энергетические потоки под действием лучей лампы; просто я еще не полностью им овладел... Сейчас все будет в порядке... Слушай, Пабло Симон: следуя мнению «тех, кто знает», я советую тебе вернуться в «Руины»; там тебя ждет твоя ложа. Я же должен отправиться в Италию; я проеду по нескольким городам Европы и постараюсь придать наиболее доступную форму знаниям по физике и астрономии. Возможно, в каких-то университетах, где я много лет назад читал разные предметы, мне позволят провести курсы для студентов. Профессора слишком измучены политической пропагандой и страхом перед инквизицией и, словно в отместку, решаются слушать меня и освобождаться от своих догм и предубеждений... хотя бы на час...

— Можно мне отправиться с тобой? Я немного знаком с химией и алхимией и, возможно, буду тебе полезен.

— Я был бы очень рад, но полезнее ты будешь в «Руинах»; долг превышает детских суждений, таких как «нравится» или «не нравится»... Так благодаря долгу приходит духовное счастье, ведь долг действует в соответствии с Законом, он сеет здоровое зерно. А свою работу я выполню один, но в путешествиях мне будет помогать граф де Венти, брат, знаменитый своими добродетелями, своими познаниями, а также ловкостью, с какой он умеет обходить все ловушки, которые постоянно расставляют нам фанатики и невежды.

— Ты думаешь, юные студенты из Европы смогут воспринять такую мудрость?

— Может, и нет, но я научу их тому, о чем всегда вам говорил: «При отсутствии доказательств следует прибегать к сомнению». Они хотя бы научатся сомневаться, а это, как ты знаешь, первый шаг к истине, который делает душа, поработанная неведением.

Так они беседовали до тех пор, пока солнце не скрыло в своих объятиях лучи лампы, своей дочери.

Три дня спустя из храма Исиды вышли две лодки, одна несла Учителя, другая — ученика; паруса обоих судов наполнялись силой одного и того же ветра.

Глава VIII. Возвращение

Махая тысячью зеленых рук, сосны приветствовали возвращение Пабло Симона в «Руины». Переодетый в монаха-доминиканца, он добрался до тайного входа и подал условный сигнал. Через несколько минут раздался скрип запоров, и он смог приподнять люк.

Полная луна, медленно поднимавшаяся над горизонтом, подчеркивала абсолютную темноту лестницы и первой площадки. Пабло Симон вслух напел слова, служившие для обитателей «Руин» сигналом, но почти в ту же минуту его голова оказалась под тяжелым плащом, и он почувствовал, как его сбили с ног и крепко держат.

Когда плащ сняли, он увидел, что его окружают около дюжины людей в капюшонах, стоящих молча, но с угрожающим видом. В его грудь уперлось острие шпаги, чей-то голос велел ему подняться и идти по коридору в одну из комнат. Там ему предложили стул, оставили с ним пятерых в качестве стражников и потребовали сидеть тихо.

Пабло Симон с улыбкой подчинился, хотя и был несколько удивлен тому, что меры предосторожности стали более строгими, чем пятнадцать или двадцать лет назад.

Незнакомый сильный голос заставил его поднять взгляд.

— Кто ты и откуда знаешь нашу тайну? Говори, и тогда с тобой ничего не случится...

— А если я не буду говорить, вы, видимо, меня убьете? Где брат Одиннадцатый? К чему все это насилие? Ответьте мне, я ваш брат, когда-то в городе меня знали под именем Пабло Симона Фосолето...

— Не пытайся обмануть нас, доминиканец! Ты прекрасно знаешь, что Пабло Симон мертв!

— Хватит уже! Вы встревожены и торопитесь с выводами. Почему бы вам, вместо того чтобы укорять меня, не попросить описать священный символ, отличающий нас? Может ли о нем знать доминиканец?

Решительным движением он взял настольные принадлежности, нарисовал семь знаков и показал их тем, кто его допрашивал.

— Прости, брат! Я вступил в ложу всего пять лет назад. Я не мог тебя узнать и не думал, что ты жив. Здесь все считали, что ты умер в

далеких восточных землях... Вынужден тебе сказать, что брат Одиннадцатый три года назад покинул физический мир, оказавшись в руках инквизиторов, которые устроили ему западню.

— Мой дорогой Учитель! Почему я ничего не знал, почему мое сердце не почувствовало его мучений?

— Насколько я понимаю, — сказал еще один член ложи, входя в комнату, — ты выполнял духовную миссию, а он не хотел тебя тревожить и причинять боль... По каким-то скрытым причинам он не позволил нам телепатически общаться с тобой, хотя мы могли... Мало того, старшие братья советовали нам делать вид, что ты умер...

— Вы знаете, что сейчас мой прямой наставник — Джордано Бруно?

— Нет, мы не знали, но Неаполь может гордиться тем, что на его землях родился столь великий человек. Он святой и мудрец... подлинный философ.

— Вижу, что вы им восхищаетесь...

— Дорогой брат, кто из нас не стал бы восхищаться подобным человеком? Но теперь отдохни, поговорим завтра.

Когда Пабло Симон проснулся в своей старой комнате, на него налетел целый рой воспоминаний, но он тут же отогнал их безличным огнем своего сердца.

Весь день он рассказывал братьям из ложи о своих странствиях и слушал новости Запада. Он узнал, к своему огромному сожалению, что религиозно-политические распри, возникшие из-за упадка и искажения веры и распада церкви на соперничающие фракции, по-прежнему порождали кровопролитие во всех странах Европы. Реформация оказалась не в силах разрушить римское папство, но все же была достаточно сильна, чтобы не погибнуть самой, и все более упрочивалась в подвластных ей землях. Поэтому инквизиции были даны высшие полномочия, и теперь единственным сдерживающим фактором, единственным критерием для нее были побуждения ее членов.

Раньше Пабло Симон думал, что так называемая Контрреформация может возродить мораль среди духовенства, теперь же он понял, что лишь некоторые добросовестные католики оставили свой сибаритский образ жизни, но далеко не все. А новое движение стало просто оправданием для того, чтобы разорять целые города, идти с оружием в

руках против женщин и детей и сжигать всех свободомыслящих людей, попадавших в лапы инквизиции.

Все эти ужасные потрясения затронули и эзотерические ложи. Освободившись от веры в непогрешимость церкви, многие люди пытались найти убежище в тайных братствах, однако последние очень требовательно относились к моральным и умственным качествам кандидатов, и потому некоторые члены этих обществ, не обладавшие высокой степенью посвящения, создали полуэзотерические организации, которые стали быстро расти, поскольку не требовали от своих последователей больших способностей. Они сохранили форму Мистерий, но под давлением политических и экономических причин потеряли глубину. Так возникли ложи и союзы лож, которые грядущие века будут путать с подлинными эзотерическими школами и центрами.

Через три-четыре века истосковавшееся человечество должно будет вновь обратить свой взор на Восток в поиске ключа, который откроет заржавевшие двери западных религий и оживит истощенные моральные родники, а восточные народы взамен получат материальный прогресс. Так на Земле вновь воцарится божественное равновесие.

Несмотря на мудрость, которая освещала его мысли, Пабло Симон пребывал в мрачном настроении; он решил посетить отца Антонио в приходском училище. Тот, прослужив ложе почти пять лет, отошел от активной работы в ней, но старался, чтобы его душа озарялась лишь светом эклектической мудрости.

Старый священник не слишком удивился визиту чужеземного монаха-доминиканца, молчаливого, сдержанного в движениях, с глубоким и добрым взглядом. Как только их оставили одних, церковник после традиционных приветствий спросил:

— Откуда ты, брат?

— Из родного дома, в который я вернусь через тысячи дней... «В лоне Отца-Матери все дети находятся у себя дома...» Ты еще помнишь герметические учения?

Глаза старика, скрытые за тяжелыми стеклами очков, расширились, а затем сузились в пристальном взгляде. С его сухих непослушных губ сорвались искаженные слова:

— Кто ты?

— Не бойтесь! Я ваш старый друг Пабло Симон, ученик брата Одиннадцатого... Вы меня не узнаете?

Широкая улыбка ученика обезоружила священнослужителя, и тот расслабился и смог поудобнее усесться в своем кресле. Но вскоре его снова сковал страх, и он спросил почти враждебно:

— Ты сошел с ума? Пабло Симон умер... И кто такой этот брат Одиннадцатый?

— Отец Матео... Не бойтесь, брат; в ложе мы с теплом вспоминаем о вас, и я пришел, чтобы выразить вам мое почтение. Если я беспокою вас, уйду без единого слова...

— Нет! Простите сомнения старика, но мы все считали вас умершим... К тому же травля стала такой ужасной, такой сильной, что...

— Вам не нужно извиняться, брат. Насилие применяется так открыто, что все мы в той или иной степени запуганы. Можем ли мы здесь говорить свободно?

— Да... Все, кто мне служит, — люди надежные. Инспекторы инквизиции мною не занимаются, и я наслаждаюсь подлинным покоем... У меня даже есть своя маленькая, разумеется тайная, библиотека с запрещенными книгами... В ней хранятся копии великих философских сокровищ... Ваш визит очень приятен для меня, Пабло Симон. Если у вас есть время, умоляю вас уделить мне пару часов. Я уже давно ни с кем не говорил на эти темы...

— Я вижу, что вы спокойны и учитесь священной науке без затруднений.

— Да, но, правда, обучаюсь я с трудом.

— На Востоке, в совершенном покое, погруженный в метафизические занятия и упражнения, я тоже чуть было не попался в тонкие сети эгоизма. Сейчас у вас есть покой, вы можете учиться, но вы не делаете ничего, чтобы другие люди, бедные и несчастные, смогли воспользоваться такой возможностью. Вы не ведете никого к Мистериям, не делитесь вашими книгами, не сражаетесь с позором и безумием братоубийственных войн, ведущихся во имя догматических предрассудков... О, брат! Мы грешим не только тогда, когда плохо работаем, но и тогда, когда не работаем хорошо...

— А что же мне делать? Я не герой. Я не настолько храбр, чтобы дать себя убить!

Старик бросил свои очки и широкими шагами стал ходить по комнате. Его лиловое от гнева и страха лицо исказила горькая гримаса.

— Никто не просит от вас столь многого! Просто сопротивляйтесь с помощью вашего мнения. Взывайте к справедливости на закрытых встречах; умело объясняйте свое отсутствие на официальных трапезах. Презирайте палачей и доносчиков. Ни один тиран не смог бы играть свои кровавые трагикомедии, если бы не было хора восхваляющих его глупцов и хора трусов, бегущих от него. Хладнокровное молчание и даже явно натянутая улыбка обезоружили бы его, превратили бы его спесь и завывания о всевластии в гротеск. Но вы... вы просто пребываете в покое! В затуманивающем покое, который приносят удовлетворенные чувства, обилие сна и недостаток работы...

— Хватит! Не желаю больше слушать! Дайте мне жить своей жизнью! Моя жизнь принадлежит мне! Какой прок был в смерти отца Матео, какой?

— Возможно, в смерти — никакого; но в жизни, увенчанной такой смертью, смысл был...

— Чушь! Одни безумцы! Стража!

Видимо, отец Антонио обезумел от ужаса, усугубленного угрызениями совести; к счастью, толстые стены и двери заглушили его крики и тревога не поднялась. Вскоре в комнату заглянул секретарь и спросил, не звали ли его, но к тому времени старик немного успокоился, а острый, как нож, взгляд Пабло Симона словно пронзал его разум, призывая к благоразумию.

— Да, отец Хуан, я звал вас, чтобы вы проводили этого брата к выходу... Брат, приходите сюда еще раз через два дня. У нас будет больше времени для беседы, и потом вы сможете немедленно покинуть страну.

Пабло Симон молча поклонился и, прикрыв, насколько возможно, лицо, позволил вести себя по коридорам, которые были ему так знакомы. На улице, оставшись один, он направился в сторону старинной церкви, до которой было километра два, соблюдая предосторожности против слежки.

На какое-то мгновение ему показалось, что все пропало, ведь отец Антонио полностью потерял контроль над собой; правда, чуть позже тот осознал, что опасность грозит как ложе, так и ему самому. Священник, человек с изнеженной натурой, не отличавшийся отвагой,

при этом обладал хорошим чутьем и боялся тех осложнений, которые могли принести его старые, пусть даже недолгие, отношения с братством из «Руин».

Долгая прогулка, наблюдения за людьми и напряженные размышления привели к тому, что до «Руин» Пабло Симон добрался измотанным физически, эмоционально и умственно.

Во время следующего визита, о котором было условлено, отец Антонио принял его в своем кабинете, но попросил ничего не говорить, пока они не пройдут в келью, комнату, где он жил. Она находилась в южном крыле огромного здания. Ее убранство отличалось роскошью и удобством, хотя помпезности в нем не было. Через высокое узкое окно, закрытое прочной решеткой, пробивалось солнце и свежий воздух с гор.

Отец Антонио устроился в кресле, а другое кресло предложил ученику. Его лицо выражало усталость и болезненную покорность. Шли минуты, но Пабло Симон все не мог начать разговор — взгляд его собеседника блуждал среди далеких горных ущелий и был крайне рассеянным.

— Брат Антонио, давайте не будем зря терять времени. Что вы хотели мне сказать?

— Столько всего!.. Но зачем? Вы живете в другом мире, в нем нет моих радостей и страхов, в нем другие надежды и заботы. Мы оба знаем, что истинно верующих учат мертвой букве, измененной и искаженной относительно подлинного учения Иисуса Христа, и знаем, что действия инквизиции стали чудовищными... И вы верите, что столько бед можно исправить? Я — нет, по крайней мере, не в ближайшие пять-десять веков...

— Все не так! Уже есть признаки того, что разные христианские секты смогут мирно сосуществовать, а еще через три четверти века к этому придут все религии. А те, кто понимают лишь боль и смерть, будут стерты с лица земли, и на смену им придут другие, новые, подобно тому, как меняются формы единого и неизменного знания, которым живем мы, философы.

— Не будьте фантазером... Через сто лет во всей Европе не останется ни единого философа!

— Если это случится, догматизм и невежество доведут ее обитателей до жизни в пещерах, и тогда другие народы, обладающие

религиями, философскими братствами и научными школами, займут ее земли и создадут новую цивилизацию. Но такие радикальные средства не потребуются. Наши народы смогут восстать против абсурдных моральных утверждений, таких как идея вечного наказания за ошибку, которая была совершена на Земле не столько по злему умыслу, сколько в силу врожденной слабости; они смогут выступить против преступных организаций, а отрицать это — значит утверждать, что у них нет ни разума, ни духовного света. Раскрой глаза, брат! Встань и иди!

— Горе мне! Горе вам, Пабло Симон! Священный огонь мучеников сжигает ваше сердце, а мою душу сковывает дым страха; но и вас, и меня, и всех раздавит эта адская машина.

— Вы не испугаете меня этими страшными картинами! Мы проживаем Возрождение, и оно достаточно мощно, чтобы стряхнуть паразитов со спины человечества. Современная наука ломает детские догмы о геоцентрической системе. История и право сметут предрассудки о том, что современные религиозные символы являются чем-то оригинальным, а человек появился не более шести тысяч лет назад.

— Бросьте эти чудачества! Подумайте о настоящем: по стране ходят десять тысяч инквизиторов, а их стражники прошли отличную подготовку. Тайные агенты есть повсюду — вплоть до лупанария в Ватикане; возможно, тайный агент — я, возможно — вы, возможно — высший руководитель тайных братств. Здесь вам не Тибет, Пабло Симон!

— Если мы уступим еще хоть немного, воцарится настоящий ад! Отец Антонио, если каждый будет делать свое дело и следовать учениям Христа, зло и невежество неминуемо падут.

— Каким учениям? Копии на арамейском языке, хоть как-то близкие к оригиналу, были уничтожены как апокрифы, и даже если что-то осталось, никто не знает, где оно хранится. Дошедший до нас Новый Завет — это греческая компиляция, созданная примерно в IV веке и за тысячу лет менявшаяся раз двадцать.

— Уничтожено не все. Благодаря тому же Евангелию от Иоанна исследователи могут убедиться, каким заблуждениям учат обывателя. К тому же вспомните, что это Евангелие было действительно написано

гностиком первых веков, и в его диалогах немало эзотерической мудрости; в нем изложены основные законы, которые мы знаем...

— Очень приятно вести с тобой беседу, Пабло Симон, но тебе опасно находиться в городе... Я не шутил, когда сказал секретарю о твоём путешествии за границу.

— Вы говорите о доминиканце, но не о враче, крестьянине, солдате или торговце, в которого я могу превратиться, если вы меня вынудите...

— Перестаньте нести вздор! Инквизиция...

— Хватит об этом! Она меня не страшит, и, если проявить немного воли, вас она тоже не будет волновать! В руках этих подлецов сошла с ума Ипатия, были убиты брат Одиннадцатый и отец Иустин, и за последние двадцать лет погибли сотни других людей. Вот работа инквизиторов... работа трусов!

— Держите себя в руках! Имейте хотя бы уважение к моим сединам!

— Мудрый Фалес из Милета учил, что седины говорят о возрасте, а не о мудрости... Я уважаю вас, но у меня нет причины игнорировать трусость и невежество, охватившие полмира... Если вы обосновались в этой его половине, тем хуже для вас. Кроме того, я не склоняюсь перед физическим возрастом, политическим положением или знатностью рода; я склоняюсь лишь перед мудростью, а на физическом плане — перед слабым, которому моя сила поможет подняться; и никогда не ищу расположения богатого, сильного или опасного человека.

— Мне не нравится ваше поведение... Вы не имеете права корить меня! Да, я трус, но быть храбрецом в наше время — это безумие!

Пабло Симон подошел к священнику, тот стоял спиной к окну и в ужасе смотрел на него. Лицо Пабло Симона походило на маску безмятежности, а его глаза стали еще мягче и добрее, не потеряв страшного магнетизма пристального взгляда.

— Слушайте меня внимательно, отец Антонио, брат Триста Двадцать Первый или как вам будет угодно... Тела многих несчастных в этом городе погребены в подземных клетках инквизиции; помогать им чем только можно и избегать новых несправедливых арестов — ваш долг. Если вы предпочитаете действовать в одиночку, действуйте; если нет, я предлагаю вам сотрудничество и покровительство ложи.

— Мне жаль, но я не сделаю ни шагу! Стоит мне пошевелить пальцем, и я составлю вам компанию... Лонгин уже стар, но у его преемников хорошие глаза и уши, а руки и того лучше... Нет! Я не хочу, чтобы меня, как отца Матео, зарезали в переулке! Нет! Я уже стар... Дайте мне умереть мирно, в своей постели... а не застреленному, как собака.

Устав от чувства страха, церковник упал в кресло и поднес ко рту пузырек с настойкой. Он сделал три больших глотка, а потом, совершенно обессиленный, указал на тяжелую дубовую дверь и сказал:

— Уходите! Уходите из дома, из города и из страны! Знайте: я ничего не сделаю в вашу защиту, и рано или поздно вас опознают! Да, вы умрете на улице, но без меня! Я предупреждал Матео, но он меня не услышал! А я не мог предупредить более ясно: я боялся! Ты знаешь, что такое страх? Да что ты знаешь!..

Из груди священника раздался надрывный стон, и он закрыл лицо руками.

Пабло Симон подошел к нему и, ласково сжав его руку, простился:

— Не усердствуйте слишком сильно... Делайте то, что можете... или ничего не делайте. Как бы там ни было, все это мракобесие рассеется, с вашей помощью или без нее. Всего хорошего, брат!

— Не буду ничего делать! Не буду ничего делать!

Массивная дверь резко оборвала узы боли и страха, соединявшие его со священником, и Пабло Симон молча спустился по лестнице.

Когда он вышел на улицу, закатное солнце, скрытое среди тяжелых черных туч, окрасило его лицо лиловым цветом усталости и боли...

Дни следовали за днями с ритмичным однообразием морских волн. Вместе с высшими руководителями логи Пабло Симон трудился над возобновлением братства и над тем, чтобы ложа выполняла социальную и образовательную задачу в городке, поскольку после гибели брата Одиннадцатого эта деятельность практически прекратилась.

Месяцы, взявшись за руки, исполняли свой годовой хоровод. Пабло Симон получал рекомендации и письма от своего наставника, Джордано Бруно. Того, кто родился в 1548 году в Неаполитанском королевстве, спустя сорок два года стали считать самым удивительным мудрецом Европы. Будучи гражданином мира, он объезжал все страны

и распространял свою науку и религиозный эклектизм; Париж, Лондон, Виттенберг и Прага предоставляли ему аудитории своих университетов и осыпали почестями. Его книги «О причине, начале и едином» и «О бесконечности, вселенной и мирах» не только подвергались травле со стороны церкви, но и возрождали платонический образ мысли, науку Пифагора и Аммония Саккаса, универсальную религию Мистерий.

Эзотерические ложи, светские библиотеки, научные центры и астрономические обсерватории расцветали на его пути, словно полевые цветы от прикосновения солнца и воды. После тысячи лет молчания древняя Александрийская школа обрела продолжателей среди его самых прилежных учеников. Великий Галилей, преследуемый инквизицией и потому вынужденный публично опровергнуть самого себя, видел в Джордано грозного паладина, доблестного рыцаря; многочисленные трактаты Бруно, опиравшиеся на систему Коперника и направленные против геоцентрической теории, получили широкий отклик во всех кругах, а многие из тех, кто публично его преследовал, втайне наслаждались чтением его книг.

И в итоге в 1592 году Джордано Бруно преследовали по пятам, он постоянно был в бегах, но более, чем когда-либо, настаивал на том, что звезды — не «лампочки, зажженные Богом, чтобы доставить людям удовольствие», а солнца, центры систем, подобных той, которая приютила нас. К тому же он заявлял, что все миры во Вселенной могут быть обитаемыми, что на некоторых планетах Солнечной системы живут существа, подобные человеку и наделенные схожим разумом.

Несмотря на то, что некоторые из его учеников были убиты при загадочных обстоятельствах, сам Джордано, имевший мощную поддержку со стороны некоторых дворян и ученых, до этого времени избегал облав инквизиции, о которых он всегда узнавал заблаговременно, за несколько часов. Однако новый поворот в его выступлениях оказался совершенно неприемлемым и превратился в угрозу для стран, предоставлявших мудрецу кафедры своих университетов. Самым невежественным и безграмотным социальным классам внушили, что речь идет о колдуне, заключившем сделку с дьяволом. В деревнях верующим с церковных кафедр показывали копии подобных «документов», и граф де Венти был вынужден патрулировать дороги, по которым передвигался Джордано Бруно.

Труды Джордано о сферичности Земли и о гелиоцентрической системе, конечно, раздражали приверженцев противоположных взглядов и догм, но они всего лишь ускоряли неизбежный всеобщий процесс, вызванный недавними географическими и астрономическими исследованиями. Чтобы поддержать позицию тех, кто еще сто лет назад утверждал, что Земля плоская, изобретались сотни софизмов. Говорили, что подобная позиция необходима для религиозных целей, которые нельзя разглашать, и что наука все еще является дочкой дьявола, что она противостоит Богу.

Но теория «обитаемых миров» была губительна для главной догмы, утверждавшей, что Иисус — единственный Сын Бога, а церковь — единственная его представительница. Ведь если Земля — всего лишь крошечная космическая пылинка среди миллионов планет, подобных ей, населенных, как и она, и, наконец, как и она, благословленных Богом, то как можно утверждать, что Бог воплотился только в этом месте и что человек — единственное разумное существо, которому дарована бессмертная душа? А если Бог был и в других мирах, то были и другие церкви? Кроме того, если Бог воплощался в разных местах Вселенной в разные эпохи, что могло помешать ему воплощаться в прошлом в разных местах на Земле и кто запрещает ему снова сделать это в будущем?

Это был поистине смертельный удар. Послушав Джордано, некоторые философы начали усердно искать оригиналы трудов Платона и герметических трактатов, чтобы сравнить их с современными учениями.

Шел 1592 год, когда Джордано Бруно принял приглашение правителя Венеции, и там его освободительное странствие завершилось.

Несколько ночей Пабло Симон не мог уснуть, его печалили странные предчувствия и путанные телепатические послания от учеников Джордано, и вот однажды, незадолго до восхода, ему сообщили о визите графа де Венти.

Укрытый большим черным плащом, со шпагой на поясе, ученик и помощник Джордано с нетерпением ждал его. Пабло Симон отметил бледность его лица и темные тени вокруг глаз.

— Брат!

— Не продолжай! Они схватили Учителя!

— Да. Он пленник подводных тюрем Венеции...

— Вы столько раз уходили от инквизиции! Как вас поймали?

— Мы спасались бегством из Милана и надеялись найти убежище в Венеции. Джордано согласился прочитать там несколько частных лекций для некоторых дворян и преподавателей университета, но один из дворян предал его, а я едва ускользнул, выпрыгнув в воду из окна, как велел мне Учитель, когда его схватили... Несколько учеников тоже попались, и их тоже будут судить...

— Что предпринимают венецианские братства?

— Всё, кроме его освобождения... Оно невозможно; еще никогда пленника так хорошо не охраняли.

— Как вы думаете, что нужно сделать?

— За несколько дней до предательства Учитель просил нас, если что-нибудь с ним случится, найти вас... И вот я здесь... Агенты инквизиции сжигают все книги Джордано, какие только есть в библиотеках, но ложам удалось спасти несколько... — сказал граф и добавил: — Когда мы можем отправиться в дорогу?

— Сегодня же...

Пабло Симон глубоко погрузился в напряженные размышления. На экране его ума вновь возникли образы прошлого; он слишком хорошо знал печальные примеры эффективности и жестокости инквизиции, чтобы питать какие бы то ни было надежды. Отец Иустин сгорел в ужасных муках; Ипатия от страданий потеряла рассудок, и, как знать, не лаяло ли ее больное тело, доведенное до животного состояния, в каком-нибудь далеком подземелье; его брат и учитель был убит ударом в спину и грубо оклеветан...

Вдруг его внимание вернулось во внешний мир, и он заметил, что тело графа де Венти дрожит от крайней усталости. Извинившись, он провел его в келью, чтобы тот мог поесть и отдохнуть.

В течение последующих двенадцати часов он уладил множество дел и простился с руководителями ложи.

Как только тьма наполнила небо звездами, а траву — светлячками, два всадника на прекрасных скакунах, закутавшись в плащи, выехали на большую дорогу.

Пабло Симон скакал сощутив глаза и чувствовал, как ветер треплет его волосы; благодаря этому он мог ощутить скорость движения. Ему подумалось, что, возможно, боль, будоражащая его душу, тоже

просто-напросто свидетельствует о скорости, с которой человек развивается...

Его спутник, наверное, уловил ту же самую мысль и, сделав выразительный жест, ускорил и без того безумный галоп своей лошади.

Глава IX. Белый город

*Ch'i' cadrò morto a terra ben m'accorgo: ma
qual vita pareggia al morir mio?*^[7]

*Джордано Бруно «О героическом
энтузиазме»*

Джордано Бруно схватили 22 мая. Полтора месяца спустя Пабло Симон и граф де Венти в неистовой скачке пересекали страны Европы. Каждые несколько миль они меняли лошадей; иногда благодаря кошелькам с золотом, иногда — посвящению в Мистерии они преодолевали городские ворота и множество раз уходили от неумолимого преследования со стороны наемников инквизиции.

По пути Пабло Симон узнавал последние новости об Учителе. В Виттенберге и Праге тот оставил рукописи своего сочинения «De specierum scrutinio et lampade combinatoria», а также книг «De Monade Numero Et Figura», «De Imaginum, signorum et idearum compositione», «De Triplici Minimo Et Mensura»^[8].

Члены разных братств подтвердили, что по рекомендации книготорговца Чьотто Джордано Бруно принял приглашение аристократа Джованни Мочениго, который впоследствии предал его в своем венецианском дворце. До этого Бруно тайно посещал ложи в Цюрихе и Милане.

Новое неожиданное событие ускорило и без того безумную скачку: несколько дней назад, 2 июня, трибунал инквизиции Венеции во второй раз допросил Джордано. Чуть раньше, 26 мая, его допрашивали в первый раз, и он был заключен в страшную тюрьму «Поцци», расположенную ниже уровня воды.

Несмотря на муки и унижения «Философ Огня» со спокойной любезностью пытался объяснить палачам смысл своих книг и лекций, указывая им на то, что нигде и никогда не нападал ни на христианскую религию, ни на какую-либо из ее сект, но выступал против ошибок, невежества и кровавых методов. Он подтвердил свои научные

исследования, согласно которым во всех без исключения священных текстах всех религий, если искать без догматизма и фанатичной веры в исключительность какой-то одной из них, за мертвой буквой видны явные знаки вечной мудрости.

Тщетная попытка! 30 июля того же года состоялся очередной допрос, на котором обвиняемый вновь отметил, что его теория о «бесконечности обитаемых миров» никак не вредит подлинному христианству, поскольку Иисус был Посвященным, учился в храмах Египта и Персии и даже общался с мудрецами-буддистами и брахманами, поэтому несложно убедиться, что он знал о сферичности Земли, о гелиоцентрической системе и о том, что на просторах космоса действительно существует множество систем, подобных нашей.

Все аргументы опирались на логику и знания и были высказаны очень корректно, не прозвучало ни слова возмущения по поводу мук и лишений, которые обвиняемый терпел каждый день, но его слова не смогли проникнуть в умы его черствых судей, а их сердца не дрогнули при виде лохмотьев и язв, покрывавших тело философа. Напротив, они передали в Рим отчет о «ереси» Джордано и рекомендовали приговорить его к смерти, но прежде — к мучениям, чтобы вытянуть из него показания о сделках с дьяволом и выведать, где он спрятал документы, подписанные «Князем Тьмы».

Несколько дней спустя двое путников, в течение недели скрывавшихся в одной из деревушек в швейцарских Альпах, проникли на земли Венеции. Они сразу же связались с местными тайными братствами, объединявшими некоторых художников и мыслителей. Во дворце одного флорентийского маркиза, старого друга графа де Венти, они нашли кров и убежище. Граф вместе с Пабло Симоном заняли комнату, выходившую на Большой канал. Неподалеку находился Дворец дождей, в фундаменте которого была построена жуткая тюрьма «Поцци»; там в какой-то темной камере мудрец платил такую же дань невежеству, какую когда-то пришлось выплачивать столь великим учителям, как Пифагор и Иисус.

Свет горел всю ночь; двое посвященных жадно перелистывали копии последних работ Джордано. Пабло Симон принес охапку рукописей, положил их на стол, за которым работал кавалер де Венти, и сказал:

— Взгляните, брат! Когда выпадает снег, в лоне земли засыпают зерна, и подобно этому самые плодородные семена мудрости погрузились в сон из-за интеллектуальных и духовных заморозков нашей эпохи. Но, когда наступит новая весна, семена обретут жизненный ритм и их пробивающиеся ростки бросят вечный вызов атмосфере, обещая славный урожай.

— Несомненно! Последние рукописи Учителя проникнут далеко в будущее. Возможно, не пройдет и десяти веков, и люди смогут уловить глубочайший смысл его работ. Законы ритма и постоянного возвращения всеобщей эволюции извлекут Платона из могилы и донесут его слова до мира. Пусть дрожат от страха лицемеры, которые, пребывая в полном неведении, осмеливаются поработать народы и задавать ритм их движения! Горе подмастерьям, возомнившим себя мастерами!

— Брат... я знаю, что с хаосом, порожденным честолюбцами, судьба справится, но меня угнетает нынешнее положение Учителя. Я знаю, какими бывают пытки инквизиции...

Воспоминание заставило Пабло Симона подойти к окну, которое состояло из маленьких стекол, сплавленных свинцом. В десяти метрах внизу блестела вода, глядя на которую он погрузился вглубь себя, в невероятную боль, что способны нести в себе лишь великие души. Боль за все человечество, боль космическую, бесконечную...

Его слуха едва коснулся голос де Венти:

— Все иллюзия; только Бог реален...

Напряжение во взгляде ученика постепенно спало, черты лица смягчились, и, обернувшись, он с улыбкой сказал:

— Спасибо! Мы иногда забываем то единственное, чего нельзя забывать... Я тоже был на Востоке...

— А что нам остается? Здесь все в руинах, начиная с умов...

— Мое сердце точно в руинах... Мы увидим его завтра?

В руке де Венти сверкнули искусно сделанные золотые часы, и он ответил:

— Завтра уже наступило; через три часа пропоет петух.

— Время приношений Абраксасу...

Они замолчали, и рассвет застал их над грудой бумажных свитков и под тяжким грузом забот.

В тяжелую дверь постучали; открываясь, она издала глухой крик, и в комнату вошли несколько учеников, переодетых лодочниками и торговцами; они почтительно приветствовали обоих философов. Один из учеников представился наставником из неоплатонической логи, преподавателем математики, — именно он устроил встречу Джордано с любимыми учениками.

В утренний час на Большом канале было полным-полно гондол и разнообразных торговых лодок. Ученики разместились в полудюжине гондол; одна из них выглядела весьма богато — на ней расположились Пабло Симон и де Венти, выдававшие себя за высокопоставленных генералов из армии Папской области и соответственно одетые. Особый, международный статус избавлял их от многих трудностей.

После подробнейших обсуждений план был выверен до мельчайших деталей и одобрен, и два часа спустя из разных точек столицы началось движение; местом встречи должен был стать Большой канал.

Сдержанное великолепие лодки Пабло Симона и де Венти очаровывало глаз, но не привлекало слишком много внимания. Сквозь ее занавеси просвечивали фамильные цвета и гербы пассажиров, достойных и благородных. Некоторые чиновники и дворяне второй категории одаривали их поклонами и льстивыми приветствиями, на что де Венти, не переставая улыбаться, проговорил сквозь зубы:

— Вот видишь, брат! Обыватели делятся на две фракции: на тех, кто силой подчиняет других, и тех, кто ищет силы через покорность.

Его спутник собирался было ответить, но гондола вышла в Большой канал, у начала которого виднелся Дворец дождей. На отрезке в один километр канал бороздили не менее пятисот лодок, а площадь Святого Марка вздымала в небо зеленовато-желтые и красные флажки, напоминавшие отрубленные головы.

Лодки братства с помощью ловких маневров медленно окружили гондолу так скрытно, что двое философов обнаружили это только тогда, когда узнали кое-кого из пассажиров и членов экипажа.

Венецианские дворяне, совершенно потерявшие рассудок от преступлений, пиратства, сластолюбия и страха, выставляли друг перед другом свои наряды, словно павлины. Только благодаря натренированной воле Пабло Симону удавалось скрывать нетерпение, что делало его внешность суровой; но его спутник, привыкший к

дворцовой жизни и дипломатии, казался жизнерадостным и словоохотливым со всеми, приободряя своих друзей и сбивая с толку шпионов, которые, возможно, были расставлены возле дворца.

Неподалеку от дворца гондола отделилась от группы и направилась к небольшому причалу, расположенному у одного из крыльев огромного здания. Тут их догнала черная лодка, и шестеро агентов инквизиции, сойдя с нее, преградили философам путь.

Пабло Симон наклонился к де Венти и прошептал:

— Мы погибли! Кто-то донес... Мы больше не увидим Учителя!

— Спокойно! Это свои, братья из венецианской ложи специально так переоделись.

В сопровождении лжестражников с бронзовыми секирами они вошли в маленькую дверь подводной тюрьмы. Прошли через комнату привратника и стали спускаться по винтовой лестнице, ступени и пролеты которой были влажными, и казалось, что камни, более мягкие, чем человеческие сердца, плачут при виде боли вокруг. Посвященных сопровождали двое переодетых братьев, пятеро членов инквизиции и начальник тюрьмы, бывший пират из Коста-де-Оро.

Факелы освещали лестницу, будто уходившую в преисподнюю, а из-за гигантских крыс, зловонных и больных, мягкие розоватые блики на отполированных стенах приобретали гротескную форму. Потолок становился все ниже, через него сочилась склизкая вода, но начальник тюрьмы без умолку расхваливал здание, его охрану и те изысканные ужасы, которые выпадали на долю запертых здесь еретиков и богохульников.

Граф де Венти улыбался в ответ и соглашался со всеми словами, но если бы наемник внимательнее взгляделся в его лицо, он бы, возможно, заметил «что-то внутри», что было таким же острым, как меч, и таким же страшным, как улыбка тигра.

Пабло Симон шел опустив голову, его глаза были словно затуманены, и он часто поскользывался и шатался, будто его одолевала слабость или отвлекали какие-то беспокойные мысли.

Наконец они вошли в горизонтальный коридор, по обеим сторонам которого виднелись маленькие решетчатые дверцы. Несколько пьяных стражников спали на камнях, остальные продолжали пить за столом, таким же грязным и тяжелым, как воздух в камере.

Жуткий вопль бывшего пирата поднял бедолаг на ноги; они дошли уже до крайнего оупения и были большими узниками, чем сами пленники тюрьмы, узниками грубых страстей — самых тяжких оков...

Эскорт быстро прошел по коридору, пока полусонные, но уже стоявшие на ногах охранники демонстрировали свое оружие.

— Здесь только политические заключенные и нарушители налогового законодательства. Знаменитый отступник, с которым вы хотите поговорить, находится в особом месте...

Сказав это, начальник тюрьмы разразился таким противным, грубым хохотом, что лжестражи — почитатели и ученики Джордано — остановились, как от удара, и наполовину обнажили мечи. Их остановил повелительный жест де Венти, который сказал шутливым тоном:

— Спокойнее, господа! Мы рады, что Святая инквизиция поручила вам нашу безопасность, но та тень, которую я тоже заметил, не стоит столь решительных действий, — и, обратившись к начальнику, продолжил:

— Капитан, я восхищаюсь атмосферой тюрьмы «Поцци» — даже опытные офицеры теряют здесь спокойствие...

В ответ последовал еще один дикий взрыв хохота, и они продолжили спускаться по все более темным ступеням, а участникам происшествия пришлось терпеть тихие насмешки других стражников.

Фундамент Дворца дождей представлял собой лабиринт переходов и камер, некоторые из которых были замурованы обвалами; с залами наверху его связывали тайные ходы, по которым приглашенные на праздники дворяне спускались вниз, чтобы оскорблять и истязать пленных еретиков. Однако такие особые узники, как Джордано, занимали специально вырытые на дне морских каналов пещеры, в которых всегда было темно и водилось множество ядовитых змей, жаб, пауков и скорпионов. Сюда доносился шум волн и течений, глухой, но такой звучный и протяжный, что многие из тех, кто был погружен в полную темноту и в течение нескольких лет находился здесь в ожидании смерти, не слыша ничего другого, сходили с ума.

Наконец командир тюремной стражи потянул за железное кольцо в полу и открыл люк, за которым вглубь уходили около дюжины высоких ступеней, грубо вырубленных в скале. Внизу извилистый и подтопленный туннель привел их к двери камеры, больше

напоминавшей простую выбоину в скале; вход в нее был обозначен несколькими каменными блоками. Хотя камера находилась метров на двадцать ниже уровня моря, вентиляция здесь была не хуже, чем в камерах наверху, — искусно сделанная система подачи воздуха поддерживала искру жизни, погребенную в этих пещерах и желавшую лишь погаснуть.

Де Венти сообщили, что Джордано находится здесь, и он попросил стражу подняться в верхний коридор, чтобы с пленником можно было свободно поговорить. Капитан согласился, но настоял на том, чтобы старый дородный тюремщик, незаметно сидевший в углу, остался помочь дворянам, на случай если отступник на них нападет. Когда предложение было принято и стражники удалились, старик подбежал, чтобы открыть тяжелую дверь, и снова скрылся в своем углу, замороженный золотой монетой, которую граф вложил ему в руку.

Пабло Симон взял факел и зажег его от того, который горел у двери. Он в два прыжка проник в камеру, но тут же замер, словно пригвожденный к полу. Венти не оставалось ничего другого, как только смотреть через плечо Пабло Симона, и он сразу понял, что произошло.

В камере с едким спертым воздухом, грязной, кишасей паразитами, сидел по-восточному старец с мертвенно-бледным лицом; он был одет в лохмотья, под которыми виднелось тело, покрытое язвами от пыток и крысиных укусов. Неопределенного цвета волосы сливались с жидкой вьющейся бородой. Черные глаза, до этого момента неподвижные, словно из камня, и погруженные в неведомый, далекий идеал, становились все более похожими на человеческие, а все слабое тело оживилось и осветилось улыбкой.

Его ученики делали отважные усилия, чтобы не заплакать, и, встав перед ним на колени, осыпали проявлениями привязанности и любви. Но Джордано, демонстрируя невероятную власть над телом, поднялся на ноги и вместе со своими посетителями сел на толстую доску, заменявшую ему кровать. Море гроыхало о стены камеры и заглушало его слова, которые он произносил почти шепотом. Пабло Симон, взяв Учителя за руки, сказал, что скоро братья из Венеции добьются его освобождения — разумными доводами или силой.

— Нет, мой дорогой брат! Я бы предпочел скорее остаться живым в смерти, чем мертвым в жизни... Если мы будем пользоваться методами

инквизиторов, если будем применять обман и насилие, то рано или поздно станем такими же, как они. Как тело привыкает к спиртному и становится зависимым от него, так и душа привыкает к жестокости, и в результате возникает моральное оцепенение. Мы должны контролировать свое воображение. Вы стали думать только о моих страданиях, представлять их, а это порочный круг, ведь вы забываете о плодах, которые они дадут в будущем. В подземной тюрьме погребли не меня, а скромное зернышко философии, которое прорастет в грядущих веках. Не плачьте о зерне, предчувствуйте будущее дерево! Братья, настанет день, и мудрость цивилизаций, более древних, чем наша, возродит похороненное в нас знание. Тогда падут догматичные сепаратистские концепции, сторонники которых держат меня взаперти за утверждения, что земля сферична, что Солнце — центр целой системы, а каждая звезда — ось другой подобной системы, где есть свои обитатели и свои особые представления о Божественном. Поскольку об этом не пишут в современных книгах, это воспринимается как обман... О, братья! Я плачу оттого, что вы останетесь жить в мире, полном догм, но я вам и завидую: вы многое сделаете для человечества.

— И вы в таких страданиях все еще думаете о благе человечества? — возмутился один из венецианских учеников.

— Да, брат Маркос... И человечество в своих муках тоже задумается о себе.

— И мы, и человечество хотим видеть вас живым; вы можете еще очень многое дать.

— Нет, Пабло Симон! Смерть — это ценнейшая часть жизни человеческой личности, и наша душа должна извлечь из нее максимальную пользу. Возможно, однажды вам скажут, что я пал духом перед лицом смерти... Отныне вы знаете, что это будет ложью.

— Как могут не исказить истину те, кто совсем не почитает ее даже в собственных священных книгах?

— Венти, «священный гнев» дозволен только тем, кто чист сердцем, ведь тогда они используют его не для разрушения, а для созидания... Осторожнее с ненавистью!

— Учитель, я ненавижу только ложь!

— Я говорил вам, что лжи не существует. Сражайтесь с ней, но не придавайте ей большого значения, провозглашайте истину, всеобщую

истину мудрости — религии, не зависящей ни от национальности, ни от эпохи, ни от догм... Я не могу долго с вами говорить...

— Мы хотим быть рядом с тобой, благородный философ!

— Тогда не забывайте мои труды. В них вы найдете больше меня, чем в этой едва живой скорлупе из плоти... Уходите из «Пощи», здесь царят лишь боль и невежество!

Лежа на руках учеников, Джордано уходил в себя, постепенно закрываясь, как закрывает свои лепестки лотос на закате дня. Венти и Пабло Симон подталкивали молодых венецианцев к выходу...

Семь лет спустя, несмотря на все усилия тех, кто его любил, Джордано, переведенный в Рим, предстал перед трибуналом Святой инквизиции в монастыре Санта-Мария-сопра-Минерва, где ему вынесли приговор: вырезать язык, а затем сжечь заживо.

Когда оглашался приговор, осужденный — скелет, жизнь в котором держалась лишь благодаря сверхчеловеческой воле, — обескуражил своих судей фразой: «Вы произносите приговор с большим страхом, чем я его выслушиваю!»

Последняя часть процесса проходила тихо и скрытно, Джордано пытались представить обыкновенным колдуном или сумасшедшим. В течение восьми дней он находился в изоляции в одном из подземелий инквизиции.

Тем временем Пабло Симон и Венти прилагали самые отчаянные усилия, чтобы его спасти. Молодые неоплатоники, принадлежавшие одной из тайных школ, группой вышли на улицы, прославляя Джордано, но вскоре были убиты стражей; тех немногих, кто оказался ранен, тут же добили или отправили гнить в тюрьмах инквизиции.

На рассвете 17 февраля 1600 года Джордано притащили к ногам прелата, который произнес принятую фразу: «*Ut quam clementissime et citra sanguinis effusionem puniretur*» («Он будет казнен милосердно, без пролития крови»).

Затем его облачили в позорную одежду «предателя веры» и повели на площадь, по иронии судьбы называвшуюся Кампо деи Фиори (Площадь цветов)^[9]. Здесь сожжение философа должно было стать главной частью торжества, посвященного особой дате.

Руководители эзотерических лож высокого уровня, сделав над собой усилие, в конце концов прекратили все попытки освободить

Джордано; он сам отвергал подобные проекты, видимо понимая, что они бесполезны, а кроме того, опасны для тех, кто в них участвует.

Около полудня в сторону Кампо деи Фиори отправилась большая процессия. Ее составляли священники и служители почти всех христианских сект; тщетно пытаясь держаться отдельными группами, они все равно перемешивались и сталкивались друг с другом. Одни размахивали факелами, другие проклинали дьявола и Джордано, немало было и тех, кто молча и спокойно перебирал четки, будто присутствуя на самом милосердном и благочестивом действии; а некоторые чистейшими голосами пели сладостные песнопения.

Окруженный стражниками инквизиции, с гордо поднятой головой, с энергией, пугавшей тех, кто знал его физическое состояние, впереди шел мученик, непостижимым образом волоча свои железные цепи и кандалы.

Пабло Симон и Венти, бледные и дрожащие, надев черные шляпы, смешались с шумной толпой, ожидавшей события. У них и у других братьев, искушенных в священных магических искусствах, была миссия поддерживать Учителя своими мыслями и преобразовывать черные, тяжелые волны психики, выпускаемые толпой, в легкие потоки, которые помогают душе идти по дорогам восхождения.

Палачи неторопливо возвели Джордано на груды дров для костра, приковали его же цепями к большому центральному столбу и спустились вниз.

Монахи пели высокими голосами, тысячи факелов угрожающе вращались. Философ опустил голову... Обморок? Ужас наконец-то одолел сверхчеловеческую выносливость? Многие стали с насмешливой улыбкой подталкивать друг друга и перешептываться.

Один из палачей, вооруженный длинными острыми клещами, поднялся на костер и приготовился исполнить приговор, гласивший: «Ему вырежут язык». Толпа ревела, обезумев от нездорового возбуждения. Еще пять человек решили подняться наверх, чтобы посодействовать этой гнусности. Жертва была неподвижна. Напряженная рука сорвала размалеванный капюшон, и из-под него медленно поднялось мертвенно-бледное лицо — пьедестал священного огня, горевшего в глазах. Взгляд не был жестким, но его грозная мистическая сила, едва прикрытая кротостью и добротой, каким-то образом проникла в душу того несчастного, который

собирался изувечить свою жертву. Палач издал долгий сдавленный крик ужаса, отбросил клещи и отпрянул, как сумасшедший, его глаза вылезали из орбит, а руки были широко раскинуты; он упал ничком с высоты костра, потом поднялся, громко, по-звериному крича. Остальные палачи, сперва оцепенев, со всех ног кинулись спускаться с костра, спотыкаясь и падая.

Теперь Джордано грустным взглядом рассматривал онемевшую толпу. Молчание, словно свежая кровь, вышло из сердца площади и быстро достигло соседних улиц. Где-то вдалеке обезумевший палач кулаками и зубами прокладывал себе дорогу, ломая и топча все на своем пути.

Но вот прошли первые секунды оцепенения, и, увидев, что народ засомневался, главы разных движений стали отовсюду выкрикивать, что дьявол в облике Джордано пытался напугать их и помешать празднику. Колонны вооруженных стражников, заранее выстроившихся, подтолкнули толпу к костру, а факелonosцы приблизились к философу.

Джордано, вероятно следуя какому-то внутреннему видению, вновь опустил голову, а его длинное тело повисло на цепях.

Теперь уже вся толпа разразилась дикими воплями, рефреном произнося глупые и даже бранные слова. Тысячи мечей угрожающе поднялись к небу, и повсюду зажглись сотни огней.

Двое учеников, зажатые и оглушенные толпой, прилагали невероятные усилия, чтобы мысленно оказать действенную помощь своему Учителю.

Один монах с огромным бронзовым крестом поднялся на первые бревна костра и сказал:

— Эй, послушай! Если ты поцелуешь этот образ и покажешь свое раскаяние, возможно, твоя жизнь будет прощена...

— Всю жизнь я целовал Христа своими трудами; нет нужды сейчас моему телу из плоти целовать образ из бронзы. Я не могу каяться за то зло, которого не совершал, или признавать себя слугой человеческого общества, как бы его ни называли, если оно отрицает очевидные природные явления и преследует того, кто думает и поступает не так, как оно.

Тяжелое распятие, направленное яростью монаха, ударило Джордано по губам и выбило зубы. Затем монах взял факел и призвал

всех бросать свои факелы в костер. И вот уже Джордано Бруно, отчаянный и отважный авангард человеческого прогресса, оказался охвачен языками пламени и окутан клубами черного дыма. Огонь охватил все бревна, и мудрец, не издав ни единого крика, покинул свою оболочку из плоти.

Удовлетворив свой инстинкт убийства, толпа вернулась к разгулу, притворству и бездумью, которое приходит вслед за сильным возбуждением; этим старым приемом пользуются все тирании.

Пабло Симон, Венти и еще несколько избранных учеников, скрытых в толпе, оставались неподалеку от большой дымящейся могилы.

С наступлением ночи члены Святой инквизиции вернулись, чтобы завершить свою работу. Сотня солдат начала поливать горящие угли водой из ведер, расчищая проход к большому столбу, который все еще стоял в центре, наполовину сгорев. С него свисали раскаленные цепи, внизу виднелись несколько обугленных костей и серая пыль...

Один из церковников набрал в руки пепла и развеял его по четырем сторонам света, словно совершая последний яростный акт возмездия.

Площадь была пуста; чернь, затуманив свой рассудок, спала звериным сном. Бодрствовали лишь несколько приезжих — они прибыли на праздник поторговать и теперь издали наблюдали за происходящим, кто со страхом, пугаясь пепла колдуна, кто с отвращением, испытывая уважение к мученику.

Двое учеников молча удалились, ведя отчаянную внутреннюю борьбу за то, чтобы не дать иллюзии мира увлечь себя. Сверкавшие вдалеке дворцы проливали красноватый свет на древние римские руины... Отвратительный пейзаж жуткой преисподней, царства невежества и тьмы.

Глава X. Терновый венец

Пабло Симон покинул Белый город с каким-то странным выражением в глазах и возвратился к себе в «Руины».

Венти и остальные ученики, воздвигнув на постаменте своего сердца статую Джордано Бруно, вернулись к обычным делам.

Звезды на небе продолжали воспевать истину, ради которой мудрец был принесен в жертву.

Алхимик теперь возглавлял школу, в которую когда-то давно попал как будто случайно; сейчас он неустанно трудился, исследуя сокровенный внутренний мир металлов и их скрытые связи с космическими силами. Но в душе его что-то надломилось; перенесенное страдание было выше его сил, и потому он погрузился в полное равнодушие и к собственным мукам, и к мукам всего мира.

Он больше не стремился приобщать к истине новые души, а предпочитал работать с теми, кто приходил к нему сам, и свел к минимуму благотворительность и помощь соседним селениям, чему в былые времена уделял очень много времени. Он презирал народ за его вассальную зависимость от официальных организаций и был полон решимости сражаться со злом его же оружием. В его глазах братская доктрина ненасилия выглядела скорее как прекрасная утопия, чем как необходимая действительность.

Жители городка, в большинстве своем крестьяне, пастухи и священнослужители, люди с простой, примитивной душой, раньше испытывали к Пабло Симону сердечное уважение, а теперь боялись его и шепотом обсуждали чудеса, которые о нем рассказывали. У авторитетных церковников было уже достаточно доказательств того, что он вел запрещенные на тот момент научные исследования, но, охваченные суеверным ужасом, они не осмеливались его выдать.

Вопреки этому отношению, ученики были восхищались им и признавали, что у них никогда еще не было такого способного и знающего наставника в самых глубоких таинствах Природы.

Ушедший в себя, тихий, словно воспоминание, бледный, с загадочными глазами, каждое утро на рассвете он проходил по улицам,

возвращаясь после своей таинственной ночной работы, которую вел в горах, в штольнях заброшенной шахты.

При этом в его старой лаборатории, расположенной в нескольких сотнях шагов от приходского училища, всю ночь горел огонь. Но кто в ней работал?..

Пабло Симон заходил туда каждые два-три дня, а иногда запирался на несколько недель; еду ему приносили в маленьких корзиночках, которые передавали через специальное окошко в двери.

После возвращения в «Руины» он распустил всех слуг и помощников... Кто же их заменил? Время от времени его сопровождали лишь несколько братьев высокой степени посвящения, но они хранили тайну так же ревностно, как и их учитель.

Годы согнули спины его товарищей, но сам он всегда выглядел на один и тот же возраст. Для него время было именно тем, чем и является на самом деле: иллюзорным океаном, в котором плавают, тонут и поднимаются со дна все обманчивые явления проявленного мира.

Он уважал жизнь мельчайшего насекомого, оказавшегося на его пути, однако и пальцем не шевелил, чтобы помочь многочисленным больным, которых страдание побуждало искать у него исцеления своих недугов.

Его ложа приобретала самые дорогие инструменты для исследования и оплачивала путешествия на Восток за любым выделенным компонентом, который только можно было пожелать. Но народ, большая невежественная масса, не получал ни малейшей помощи, ни единого слова утешения или совета. У алхимика было столько золота, сколько можно было пожелать, ведь ни один секрет трансмутации металлов не остался для него неведом.

Как-то раз, вернувшись из одного из путешествий в Египет, он узнал, что его ищет инквизиция и самый грозный инквизитор направляется в их городок, чтобы заключить его под стражу и сжечь заживо. Пабло Симон не придавал значения этому известию и заперся в своей лаборатории, позволив дням свободно течь.

И вот, когда осень застелила улицы ковром из мертвых листьев, группа всадников, возглавляемая Великим инквизитором, остановилась у его лаборатории. Едва только первые проблески утренней зари высветили озера тумана, стекшие на дно долин, солдаты

и чиновники Святой инквизиции начали колотить в дверь эфесами шпаг и рукоятями пистолетов.

Члены братства получили приказ не предпринимать никаких действий, и ходили слухи, что вооруженный отряд в любом случае разбежится, когда появится один из тех ужасающих «духов», что служили ложе.

Пабло Симон, одетый в странную тунику из волокон свинца и асбеста, любовался в подземных криптах самым страшным из своих магических творений.

Со времен атлантов подобные существа появлялись все реже и реже, ведь сотворить их мог только тот, кто знал, как это сделать, и кто контролировал своей волей трансмутацию и эволюцию первичных элементов из четырех низших сфер Природы, начиная с ментальных зерен и заканчивая эфирными структурами физических форм. Творение Пабло Симона было достойно ночного кошмара безумца: посвященный оживил тело молодого араба, умершего много лет назад, но на этом не остановился — голову его он заменил головой леопарда, а руки превратил в гигантские мохнатые когтистые лапы какого-то зверя.

Тому, кто не был обучен тайным искусствам, чудище могло показаться чем-то нереальным, фантастическим, однако способность создавать подобные феномены — не чудо и не дар необычайных существ, а лишь владение законами природы, скрытыми от подавляющего большинства людей. Даже в самых своих несбыточных грезах они не смогли бы и близко подойти к тому, чтобы направлять и воплощать в действие такую силу воли.

Пабло Симон услышал шум ударов и медленно поднял голову; он устало снял капюшон и машинально поправил волосы. Монстр, стоявший перед ним, рычал в направлении лестницы, обуреваемый жадой крови...

— Покончи с ними, Обо! Хватит им осквернять мое право на исследование! В конце концов, не я, а они сделали тебя свирепым, и теперь они столкнутся с плодом своих действий...

Его слова, произнесенные шепотом, казались пустыми, лишенными внутренней силы.

Но чудовищное создание вдруг издало судорожный вопль и скрылось в самом дальнем углу комнаты, сметая на своем пути

дистилляторы, реторты и свисавшие со стен и потолка веревки. Пабло Симон обернулся и разглядел в полутьме за спиной белый сияющий образ.

— Это ты! Ты вернулась! Уходи, Ипатия, я уже не тот, что прежде, не отравляй свою душу моим обществом! Возвращайся к неизменным формам воспоминания!

Видение было неподвижным, но едва уловимый близкий голос прошептал у самого уха:

— Это ты вернись к воспоминаниям... Я вижу слова твоего Учителя, запечатленные в них: «Если мы будем пользоваться методами инквизиторов, если прибегнем к обману и насилию, то рано или поздно станем такими же, как они...» Не губи наш союз, который объединяет наши души в любви и служении далеко за пределами жизни и смерти. Многие тысячи лет назад мы вместе присягнули в верности на алтаре Эроса Птероса — любви, дающей крылья... Не покидай меня, я тебя теряю...

Светящийся образ медленно растворился в воздухе, заставив содрогнуться темное сердце теней. Мудрец стоял на коленях на мраморном полу и тихо плакал... Рычание Обо отвлекло его от собственной боли, и с выражением мягкой невозмутимости на лице, давно покинувшей его, Пабло Симон подошел к двери; снаружи слышались удары тарана и треск деревянных балок. Чудовище, чьи мускулы от напряжения были твердыми, как сталь, ждало его приказа.

Руками, одетыми в перчатки, Пабло Симон вновь укрыв голову капюшоном и достал из свинцового ящика сверкающий драгоценный камень. Он погасил горевшие таинственным образом светильники, бросил их к ногам жуткого создания и запер дверь — как раз в тот момент, когда неистовые вспышки огня и содрогания земли уничтожили все, что хранилось в его лаборатории, приглушив ужасный смертный вопль.

Он побежал вверх по винтовой лестнице, своды которой уже дали трещину и начали разрушаться. Ступени лестницы выскакивали из пазов, и Пабло Симон спотыкался о них и больно ударялся. Он сбросил на бегу тяжелую тунику, чтобы не погибнуть посреди обрушения. И вот, с окровавленными руками и ногами, он наконец поднялся на поверхность и закрыл потайной люк, и в этот момент последний обвал потряс все здание. Подземные крипты, водоемы и

лаборатории — все оказалось полностью разрушено, а на самых тонких планах Природы работу завершило странное излучение.

В комнатах дома воцарилась тишина, поскольку нападавшие, испугавшись грохота, отбежали на безопасное расстояние. Пабло Симон, словно вернувшись к жизни и вновь встретившись с самим собой, был полон счастья и светился от радости, и с таким же энтузиазмом, с каким когда-то в молодости устремился на Восток в поисках источников мудрости, сейчас он направился к тяжелой двери, ведущей на улицу и наполовину разрушенной от ударов. Он открыл дверь и, улыбаясь, предстал перед глазами инквизитора, подъезжавшего на белом коне. Пабло Симон вновь стал всего лишь созерцателем жизни, он находился в мире, но не принадлежал ему и с сократовским пониманием смотрел на приближавшегося инквизитора.

Толпа, направляемая наемниками Святой инквизиции, набросилась на него, множество рук срывало с него одежду и наносило удары, пока в конце концов он не потерял сознание...

Его полуобнаженное тело обдали холодной водой, и он пришел в чувство — в темной камере под охраной дюжины солдат и священника. Как ему сказали, он находился в приходском доме и должен был немедленно предстать перед экстренным трибуналом, специально созванным по его делу.

Пабло Симон едва держался на ногах и лишь благодаря контролю дыхания не трясся от холода. Он улыбнулся, подумав о бессмысленной жестокости своих тюремщиков, которые вывели его на зимний воздух промокшим насквозь. Не оказывая сопротивления, он поднялся по лестнице, и его ввели в одну из комнат первого этажа. Приходский священник, разные церковники и несколько гражданских и официальных лиц объединились там в судебную комиссию, возглавляемую Великим инквизитором.

После вопросов протокольного характера ему предъявили обвинения в людоедстве и колдовстве и множество других обвинений, модных в те времена. Подсудимый был погружен в свои мысли и не обращал внимания на клевету, пытаясь визуализировать, полностью ли уничтожено его чудовище, не осталось ли чего-то от алхимических лабораторий. Внезапно он прервал размышления, получив вест от своих братьев из ложи: он понял, что некоторые ученики пытаются его спасти, поскольку на улице, судя по звукам, происходили небольшие

стычки. Меньше чем через полчаса его пригласили выступить в свою защиту.

— Братья! Я обращаюсь к вам именно так, ибо братство людей — это факт, признают его или нет. Я никогда не совершал ни одного из тех преступлений, в которых вы пытаетесь меня обвинить; я искал истину другим путем, чем вы, но, даже если и принуждал кого-то к этому пути, я ни разу не запятнал себя кровью. Надеюсь, однажды вы сможете сказать то же самое и о себе, не греша при этом перед истиной... Очевидно одно: я исследовал тайны Природы, изучал загадочный путь душ, ведущий через все царства и через несчетное число перевоплощений. Я изучал скрытую связь между теми «ангелами», которые управляют ходом планет, и теми, кто заботится об органах наших тел. Я доказал тождественность всех религий и, обучая людей, сражался с любыми сектами, которые присваивали себе всю полноту теологического знания, ведь встреча двух подобных сект сразу же выливается в насильственную борьбу. Послушайте! Я не «верю» в Бога, как и вы не «верите» в то, что у вас есть руки; вы «знаете», что они у вас есть, поскольку в каждое мгновение получаете тому подтверждение. Точно так же я вижу проявление Божественного во всем, и его существование для меня не вопрос веры, а очевидная, естественная реальность. Я знаю, что, согласно Универсальному Закону, оно в разных своих проявлениях управляет всеми существами, и оба его инструмента, блаженство и боль, — это творцы совершенства.

— Веришь ли ты в прощение грехов?

— Все религии советуют прощать, так учили их основатели. Но, братья мои, прощение убивает только ментальные зерна боли; нанесенный вред можно исправить, лишь пройдя через страдание, и никто не сможет возместить даже смерть муравья, и уж тем более ни один человек не способен расплатиться по долгам другого.

— Еретик! — взорвался священник. — Ты не веришь в искупление, дарованное человечеству жертвой Господа нашего?

— Какая удобная доктрина! Грешите, убивайте, разрушайте, корыстно веря в то, что жертва Учителя омоет всех вас... Да, его жертва могла бы омыть вас, если бы вы практиковали добродетели, которые он советовал практиковать. Его смерть — просто знак, который указывает на жизнь. Ему нужны были не почитатели, а

последователи, те, кто шел бы по его стопам, практиковал бы добродетель и ненасилие. Что сказал бы этот владыка аскетизма, узрев роскошь, в которой живут ваши иерархи, что сказал бы он, глядя на ваши костры?

— Он бичом выгнал торговцев из храма...

— Так изгоните торговцев из своей души, очиститесь внутренне, и ваши храмы будут чистыми, поскольку люди в них будут внутренне чисты.

— Умолкни, богохульник! Признаешь ли ты обвинения, выдвинутые трибуналом, или нет?

— Я признаю только те обвинения, которые выдвигает мое собственное сознание, а вас я препоручаю суждению вашего!

По сигналу инквизитора двое солдат заставили посвященного преклонить колени, и тот не оказал ни малейшего сопротивления. Коротко посоветовавшись, инквизиторы сообщили ему, что через семь дней его заживо сожгут на городской площади. Пабло Симону указали на дверь, и тот, вежливо поклонившись судьям, вышел из зала с улыбкой и высоко поднятой головой.

Через неделю, в назначенный срок, жертву, чье лицо заметно постарело, а тело было истерзано множеством ран, повели на центральную площадь. Руководители ложи, следуя указаниям, которые их Учитель таинственным образом передал им, снова заставили всех братьев по ложе хранить молчание.

И вот, когда его, опутанного цепями, оплевала и забросала камнями горстка зевак из разбушевавшейся толпы, когда его уже буквально тащили на руках, к нему верхом подъехал инквизитор и ехидно спросил:

— Где же твои друзья?

— Очень близко. Они помогут мне в докучной формальности — освободиться от физического тела.

— А что же они не бегут к тебе на помощь? Тоже боятся покинуть свои дьявольские тела?

— Послушайте, инквизитор, вот в чем разница: вы проповедуете смирение Иисуса Христа, а мы проповедуем свое собственное смирение...

Шутливый ответ привел начальника Святой инквизиции в ярость, и он стал избивать философа хлыстом.

Основная масса людей, смиренные и добрые пастухи, держались в стороне от этой сцены и только издали наблюдали; но несколько сотен человек вместе с семинаристами и солдатами затолкали обвиняемого на костер, привязали его к столбу и затянули свои песнопения.

Лицо Пабло Симона сияло от переполнявшей его радости... Словно бы он основную часть жизни прожил в предвкушении этого мгновения. Он воссоединится с Ипатией на тонких планах бытия, там они сыграют священную духовную свадьбу, и благодаря союзу их душ родятся новые идеалы. Там он будет в окружении своих братьев, рядом с Джордано и мудрыми восточными адептами, которые зажгут свет в светильниках своего небесного разума.

Перед его закрытыми глазами быстро, но очень ярко промелькнула вся его жизнь, и в то же время до его слуха доносились искаженные голоса толпы. Он заметил мысленное присутствие своих братьев из «Руин», которые поддерживали его и телепатически передавали прекрасные послания. Он открыл глаза и посмотрел на своих убийц: как раз в это мгновение те бросали полдюжины факелов к просмоленному основанию костра из сосновых поленьев.

Пабло Симон опустил веки и стремительно погрузился вглубь себя; вскоре он почти полностью заблокировал все телесные ощущения; он услышал кашель кого-то, кто задыхался от дыма, и ощутил сильный жар в верхней части головы. А потом...

Глава XI. Воспоминание

Макушки горных вершин залились румянцем любви при величественном появлении солнца. Тяжелая, мрачная ночная мгла пыталась удержать густые тени среди каменных плит и обугленных балок старинной церкви; двое призраков прервали свои воспоминания и встретились у купели.

— Ты понял?

— Что?

— В своих снах он сопровождал наши воспоминания...

— Ну и что? Разве для нас все еще имеет значение то, что находится вне нас самих?

— Я не могу упрекнуть тебя в эгоизме, а вот в глупости могу... Если он вспомнит, то, может быть...

— Оставь свои пустые надежды! Солнце восходит... Давай скорее укроемся в расселине.

— Астральные лярвы, крысы — вот мы кто! Но, может быть, все изменится...

Две тени, похожие на людей, исчезли, растворившись в тумане, и трещины земли жадно выпили его.

Летучие мыши вернулись в укрытия, а первые птицы завели свои трели.

Множество маленьких невидимых духов природы устремилось в долину, а ангелы зари с острыми мечами шли за ними следом...

Антонио торопил отца по той самой дороге, по которой они ушли прошлым вечером. К тому времени, как они проникли в древние руины, последние островки тумана успели раствориться под лучами солнца. Пройдя вперед, юноша стал ощупывать истертые старинные изваяния, стоявшие на полу.

Тени становились все короче и короче; глаза старика с загадочным блеском следили за неустанными поисками юноши. А тот то поднимал тяжелую мраморную плиту, то сдвигал камни стен, то исчезал в темных коридорах. Солнце достигло зенита, когда юноша вышел на поверхность, сжимая в руках какой-то предмет; глаза его были

влажными, словно земля, насыщенная дождем. Внутри него что-то рождалось, рождалось болезненно и величественно.

В его ладонях сверкало бесценное сокровище: медальон с изображением петуха, Абраксаса средневековых гностиков, вырезанный на окаменевшем растении и пять веков назад полученный от индийского адепта. Этот образ скреплял союз Востока и Запада на сияющем мосту души, которая встретила с самой собой.

Перед юным Антонио с головокружительной скоростью промелькнули грядущие века, и он мельком увидел объединенное человечество, и объединение это не зависело от социальных различий, и подлинные религии соединяли, а не разделяли людей, и одухотворенная наука извлекала скрытые тайны Природы лишь с благими целями...

Старик и юноша пустились в обратный путь; они шли плечом к плечу, в радостном молчании, словно символы двух эпох и единого, универсального пути.

Освобожденные тени, превратившись в свет, поднялись из расселин земли и затерялись в безоблачном небе...

Об авторе

Хорхе Анхель Ливрага Рицци (1930–1991), итальянец по национальности, доктор философии Ацтекской академии искусства, науки и литературы, академик Международной Буркхардтовской академии Швейцарии, академический член Филовизантийского университета, кавалер Парижского Креста Французской академии в области искусства, науки и литературы, — основатель и первый президент международной классической философской школы «Новый Акрополь», которая в настоящее время имеет свои отделения более чем в пятидесяти странах мира.

Он автор множества работ в области философии культуры, среди которых «Лотос» (поэтические произведения), «Письма к Делии и Фернану» (философия), «Алхимик (Что кроется за образом Джордано Бруно)», «Элементалы, духи Природы», «Театр Мистерий в Греции» и

др. Все его труды переведены на многие языки. Значительную часть его наследия составляют статьи и публичные выступления в самых разных уголках мира.

Примечания

1

Ex cathedra (лат. букв. «с кафедры») — католический термин, обозначающий учение папы, которое он произносит официальным образом, исполняя свои обязанности учителя и пастыря всех католических христиан; учение, провозглашенное «с кафедры», считается непогрешимым. — *Прим. перев.*

2

Учитель, духовный наставник.

3

Принятый ученик.

4

Так Учитель называет только тех своих учеников, которые достигли определенной степени посвящения в Малые мистерии.

5

Иллюзия, связанная с проявленным миром.

6

Индийское психофизическое упражнение, заключающееся в том, чтобы зафиксировать взгляд и ум на одной точке.

7

Пускай паду, как он: конец иной не нужен мне, — не я ль отвагу славил? (*Пер. А. Эфроса.*)

Буквальный перевод: «Я хорошо понимаю, что упаду замертво на землю, но какая еще жизнь достойна моей смерти?» — *Прим. перев.*

8

Эти книги Джордано Бруно до настоящего времени на русский язык не переведены. — *Прим. перев.*

9

Площадь в Риме, на которой долгое время устраивались публичные казни. В 1889 году здесь был установлен памятник Джордано Бруно. Надпись на доске под статуей гласит: «9 июня 1889 года. Джордано Бруно. — от столетия, которое он предвидел, на том месте, где был зажжен костер». — *Прим. перев.*